

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Москва
2009

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА (сборник статей)
М., 2009. 248 стр.

Ответственные редакторы: д.и.н. Р.Г. Ланда,
к.и.н. А.Б. Подцероб;

Редакторы-составители: к.и.н. О.П. Бибилова,
к.э.н. Н.Н. Цветкова

Рецензенты: д.г.н. В.И. Гусаров (ИАф РАН);
к.и.н. А.В. Кудрявцев

Анализируются актуальные проблемы, стоящие перед странами Ближнего Востока в начале XXI века и затрагивающие все мировое сообщество. Важное место занимает в сборнике анализ палестино-израильского конфликта и трудностей на пути его урегулирования. Рассматриваются результаты операции «Расплавленный свинец», проведенной Израилем в Газе в конце 2008 г. Исследуются проблемы международного терроризма: как в целом, так и в отдельных субрегионах и странах (в частности, в странах Магриба и в Ираке).

Показаны «ответы» стран Ближнего Востока на вызовы XXI века, взаимоотношения между традицией и инновациями в арабском обществе, процессы формирования новой идентичности стран Востока в условиях подъема интереса к собственным этно-куль-турным корням.

Мнение авторов не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89282-378-4
ISBN 978-5-89394-206-4

ISBN 978-5-89282-378-4
ISBN 978-5-89394-206-4

© Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

Палестино-израильский конфликт

Р.Г.Ланда ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И СОБЫТИЯ В ГАЗЕ	8
А.Г.Бакланов ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ – ПОИСК РАЗВЯЗОК И МЕХАНИЗМОВ ДОСТИЖЕНИЯ МИРА	26
Т.В.Носенко ПРИНЦИП ДВУХ ГОСУДАРСТВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА	49
А.З.Егорин БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. 62	

Проблемы международного терроризма

А.Б.Подцероб МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА	70
Б.В.Долгов РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В СТРАНАХ МАГРИБА	80
Д.А.Нечитайло О ПОЛОЖЕНИИ «АЛЬ-КАИДЫ» В ИРАКЕ	96

Ответы стран Ближнего Востока на вызовы XXI века

З.И.Левин ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В ДИНАМИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАБСКОГО ОБЩЕСТВА.....	105
---	-----

О.П.Бибикова

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ: СИМБИОЗ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....	118
---	-----

А.И.Яковлев

АРАБСКИЙ ВОСТОК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОГО МИРА.....	126
---	-----

Н.Н.Цветкова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ	135
---	-----

Р.М.Шарипова

МУСУЛЬМАНЕ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)	155
---	-----

Проблемы стран Ближнего Востока

А.Б.Волков

ВЫЗРЕВАНИЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК «ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ИРАНЕ	166
---	-----

Ж.И.Костоева (ИСАА)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ	190
--	-----

А.И.Куприн

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУНИСЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	203
---	-----

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания авторов статей сборника находятся прежде всего два блока проблем. С одной стороны, – это те вызовы, с которыми приходится сталкиваться странам Ближнего Востока, и острейшие проблемы, стоящие перед всем мировым сообществом в связи с ситуацией в регионе: арабо-израильский конфликт, политический ислам, радикальный исламизм. Другой блок вопросов – это те вызовы XXI века, которым странам Ближнего Востока приходится противостоять в условиях глобализации.

Основная часть статей написана на основе выступлений авторов на научной конференции «Восток: вызовы XXI века», которая состоялась в Институте востоковедения РАН 20–22 октября 2008 г.

Большое внимание уделено арабо-израильскому конфликту. Анализируются итоги проведения операции «Литой свинец», история возникновения и подъема Исламского движения сопротивления (ХАМАС). Рассматриваются основные итоги переговоров и проблемы, которые стоят на пути к установлению на Ближнем Востоке прочного и справедливого мира. Показано, что арабо-израильский конфликт по-прежнему является фактором, питающим экстремистские настроения. Проблема рассматривается и под другим углом, с точки зрения влияния конфликта на Израиль.

Ряд статей посвящен анализу феномена исламского терроризма, ставшего наиболее радикальной формой противостояния диктату Запада, и прежде всего Соединенных Штатов. Авторы отмечают роль в возникновении исламистских организаций американских спецслужб, стремившихся нацелить экстремистов на борьбу против Советского Союза. В настоящее время эти группировки вступили в противоборство с Западом, прежде всего в Афганистане и Ираке, которые рассматриваются исламистами как арена глобального джихада против «крестоносцев и Америки».

Совершенно очевидно, что в нынешних условиях западная модель развития перестает быть привлекательной для значительной части восточного социума. Арабский мир готов перенимать у Запада технологии и материальные ценности, однако противится влиянию европейской культуры, отторгает глобализацию. Он вновь обращается к собственному цивилизационному багажу, который питал и будет питать все сферы бытия восточного социума.

В целом сборник преследует цель расширения аналитической проработки проблем, которые влияют на ситуацию в арабском мире и без учета которых невозможно понимание происходящих там процессов.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И СОБЫТИЯ В ГАЗЕ

Израильская военная операция «Литой свинец» против движения ХАМАС в Газе, начавшаяся в декабре 2008 г., вновь напомнила всему миру о том, что т.н. ближневосточное урегулирование не только не достигнуто, но и весьма далеко от завершения. Если за один день (27 декабря) в секторе Газа было убито 230 и ранено 800 чел., т.е. был поставлен своего рода печальный «рекорд» за все время палестино-израильского конфликта, то ясно, что начатая ЦАХАЛ (Армией обороны Израиля) операция «Литой свинец» явилась одной из самых кровопролитных и далеко идущих по своим последствиям¹. Но станет ли она последней? На этот счет имеются довольно серьезные сомнения.

Формально «Литой свинец» – ответ ЦАХАЛ на непрекращающиеся обстрелы территории Израиля боевиками ХАМАС из сектора Газа. Причем ХАМАС этого не отрицал и уже после начала операции продолжал (правда, с несопоставимо меньшим, чем Израиль, успехом) обстреливать селения на юге Израиля, невзирая на громадные потери среди мирного населения своего анклава. Ярость и ожесточение с обеих сторон достигли апогея. И палестинцы, и израильтяне как бы спешили «взять реванш» за истекшее незадолго до этого полугодие перемирие. Для того, чтобы вникнуть в причины столь нескончаемой уже многие годы эскалации насилия, надо вспомнить предысторию не только взаимоотношений Израиля и ХАМАСа, но и палестинской проблемы как таковой.

Палестина, с 1920 г. попавшая под управление Великобритании согласно мандату Лиги Наций, фактически оказалась на положении колонии. От нее была отделена ее восточная часть, ставшая эмиратом Трансиорданием, впоследствии превратившимся в Хашимитское (по имени правящей династии) королевство Иорданию во главе с абсолютным, а затем – конституционным монархом. Ему в целом на разных этапах разви-

тия страны удалось, хоть и с трудом, но держать ее под контролем, лояльно сотрудничая при этом с Англией, а потом и с США.

Иначе сложилась судьба Палестины. Здесь в отличие от Иордании не было ни короля, ни какой-либо мусульманской власти, эффективно контролировавшей население, но зато были англичане, в течение 30 лет (1918–1948 гг.) игравшие роль довольно хитрых, но не всегда последовательных колонизаторов, и был ишув, т.е. еврейская община Палестины, в течение тех же лет возрастающая численно (с 56 тыс. до 640 тыс. чел.), организационно и в военно-политическом отношении, к тому же до 1939 г. пользовавшаяся поддержкой Англии. Естественно, как пишет знаток истории Средиземноморья Мишель Ренуар, «арабы, жившие здесь на протяжении веков, без энтузиазма наблюдали, как евреи обосновывались на их землях»². Их сопротивление вылилось в пять массовых восстаний (1920 г., 1921 г., 1928–1929 гг., 1933–1934 гг., 1936–1939 гг.), подавленных совместно англичанами и военными отрядами ишува «Хагана». 50 тыс. арабов при этом погибли, около 100 тыс. были арестованы, сотни казнены³. Они все время терпели поражение, так как были разобщены региональными и религиозными пристрастиями (до 12% христиан в их среде занимали важное место среди горожан и часто действовали сепаратно), дезориентированы своими лидерами, без конца ссорившимися друг с другом, и британскими властями, старавшимися обмануть всех. Кроме того, ишув был лучше организован и вооружен, более сплочен и пользовался финансовой и прочей поддержкой извне.

После Второй мировой войны Генеральная Ассамблея ООН в ноябре 1947 г. приняла решение о разделе Палестины, которое арабы отвергали, тем более что ООН отвела будущему Израилю 14,1 тыс. кв. км (56% всей территории страны), а арабскому государству Палестины – 11,1 тыс. кв. км (43%). В пределах первого к моменту принятия решения проживали 499 020 евреев и 509 780 арабов, в пределах второго – 749 тыс. арабов и 9520 евреев. Города Иерусалим и Вифлеем выделялись в международную зону с проживавшими там тогда 105 540 арабами и 99 690 евреями. Арабы сочли это решение несправедливым. Однако в ходе войны, начавшейся после провозглашения Израилем, они потеряли еще больше: одержав победу, Израиль присоединил к себе еще 6,7 тыс. кв. км, заняв тем самым более 4/5 всей Палестины, откуда были изгнаны

(или ушли сами) около 1 млн. арабов. В Израиле осталось не более 120 тыс. арабов. 450 тыс. палестинцев оказались на Западном берегу Иордана (под властью Иордании) и в секторе Газа (под контролем Египта). 780 тыс. палестинцев стали беженцами в лагерях ООН⁴.

Фактически потеряв родину, арабы Палестины некоторое время находились в шоке, ожидая, когда же ООН исправит допущенную по отношению к ним тройную несправедливость. Однако время шло, но ничего не менялось. И если весь мир не очень беспокоился по этому поводу, то палестинцы постепенно стали осознавать масштабы постигшей их катастрофы, а вместе с этим стали выделять себя из общеарабской массы, впервые, может быть, ощутив сквозь призму национальной трагедии свою национальную идентичность, а вместе с ней национальную ущемленность и обиду. К тому же в роли обидчиков выступали иноверцы и «безбожный» Запад. Все это способствовало гораздо большему, чем в 20–30-е годы, накалу и националистических, и религиозных страстей. После 1949 г. они усилились еще более за счет нарастания отчаяния и ожесточенности, в первую очередь среди почти 1,5 млн. беженцев (к середине 60-х гг.) в лагерях ООН, ввиду неспособности палестинского национализма (светского по своему характеру) в течение долгого времени добиться удовлетворительного для арабов Палестины урегулирования ближневосточного конфликта.

Палестинская проблема не раз меняла свой характер за 90 лет своего существования. Специфически палестинское самосознание за эти годы формировалось медленно и преимущественно в рамках национализма. Этот национализм особенно окреп после 1948 г, когда рухнули надежды палестинских арабов и на «батальоны джихада», созданные «братьями-мусульманами» Египта, и на солидарность с ними мира ислама, оказавшегося неспособным предотвратить как раздел Палестины, так и утрату палестинцами территорий, отошедших к Израилю. Взлет Палестинского движения сопротивления (ПДС) после оккупации Израилем всей Палестины в 1967 г. лишь доказал силу «палестинизма», т.е. созревшего палестинского самосознания, тогда – абсолютно светского и превалявшего над исламизмом отдельных группировок. Выразителем настроений большинства палестинцев стала поэтому Организация освобождения Палестины (ООП), исполком ко-

торой с января 1969 г. возглавил бесспорный национальный лидер Ясир Арафат. В целом ООП при всех переменах тактики стояла на позициях национализма и, по мнению многих, в том числе арабских экспертов, «отвергла ислам как руководство к действию»⁵.

Палестинцы как народ пережили в 50–70-е годы заметную социальную, культурную и политическую эволюцию. В лагерях ООН были открыты 452 школы и 10 профессионально-учебных центров. Получившие в них образование или овладевшие той или иной квалификацией рабочие, ремесленники, мастера, техники, учителя устремлялись в города (прежде всего в Иордании, но и в других странах), где и обосновывались, юридически сохраняя статус беженцев. Уже в 1970 г. комиссия ООН по социальному развитию отметила, что «палестинские беженцы и перемещенные лица» наряду с местной интеллигенцией являются силой, «которая постепенно начинает влиять на существующую структуру власти в арабских странах региона»⁶.

На деле лагеря ООН стали гигантским социальным котлом, в котором плавилась традиционные патриархальные и полупфеодальные отношения, утрачивались старые социальные связи и наряду с маргинализацией части обитателей лагерей другая их часть приобретала новые социальные качества, пополняя ряды фабричных и вообще городских тружеников, интеллигенции, служащих, специалистов новых отраслей экономики. Среди палестинцев резко возрос, особенно по сравнению с другими арабами, процент грамотных лиц, появились финансисты, крупные коммерсанты и предприниматели, обладатели миллионных состояний. Уже в 1969 г. эксперт из США Майкл Хадсон назвал палестинцев «элитой арабского мира» и подсчитал, что 20% из них принадлежат к высшим и средним слоям общества⁷. Иными словами, на глазах у всего мира родилась арабо-палестинская нация, сплоченная, помимо общности языка, истории и культуры, еще и сознанием единства своей идентичности и трагической судьбы. Однако далеко не все это заметили, в том числе в Израиле, премьер-министр которого Голда Меир в том же 1969 г. заявила: «Нельзя сказать, что палестинский народ был, когда мы пришли, и что мы его изгнали, захватив его страну. Его не существовало!»⁸

Однако палестинцы к тому времени убедительно доказали обратное. О чем свидетельствовал не только подъем чисто военной активности ПДС после поражения арабов в июньской

войне 1967 г., но и деятельность политических партий, общественных организаций и фондов внутри ООП, координация их действий Палестинским национальным советом, а особенно – рост престижа палестинцев в арабском мире.

Палестинцы дали немало предпринимателей, инженеров, менеджеров и лиц свободных профессий, пользующихся значительным влиянием не только в Иордании, где они составляют большинство, но и в других арабских странах – от Ливии и Египта до Ливана и Кувейта. Их общая численность за 40 лет после 1948 г. увеличилась почти в 4 раза, достигнув примерно 5 млн. чел. Их голос стал слышен не только в Азии и Африке, но также в Европе и Америке. В декабре 1987 г. началась первая «интифада» – массовое движение палестинцев на Западном берегу Иордана и секторе Газа, применявшее в основном невоенные средства. Это восстание грозило распространиться на собственно Израиль, где местные арабы тогда составляли около 18% населения (778 тыс. чел. на конец 1987 г.) и тоже стали вспоминать о своей принадлежности к палестинскому народу. Именно среди них с 1979 г. успешно действовали мусульманские фундаменталисты из группировок «Усрат ад-дин» (Семейство веры) и «Усрат аль-джихад» (Семейство священной войны). Они насильно навязывали населению запрет спиртного и ношение чадры, пропагандировали неукоснительное соблюдение норм шариата, распространяли свою литературу. Израильские власти сами способствовали их усилению, ибо все время старались противопоставить их коммунистам, которых считали «ведущей силой оппозиции». Это было опасно, так как понемногу исламисты завоевали серьезные позиции среди населения. А на оккупированных территориях часть их пошла на союз с ООП, тем более, что большинство лидеров ООП, включая Арафата, во время учебы в Каире были связаны с Ассоциацией «Братья-мусульмане» (АБМ) Египта. В целом на Западном берегу Иордана, в секторе Газа и в самом Израиле действовали около 10 группировок исламских фундаменталистов⁹.

Именно тогда, в декабре 1987 г., и возникла созданная лидером АБМ в Газе шейхом Ахмедом Ясином организация ХАМАС (Харакат аль-мукавама аль-исламийя, т.е. Движение исламского сопротивления), родившаяся, по словам Франсуа Бюрга, «одновременно с интифадой вследствие желания палестинских «Братьев-мусульман» иметь орудие политической

мобилизации, более всеохватывающее, нежели только одна их ассоциация». Основой ХАМАС стала зарегистрированная в Газе в 1977 г. «Мусульманская ассоциация», формально интересовавшаяся лишь вопросами образования, здравоохранения, благотворительности, нравственного воспитания. Однако разрешившие ее деятельность израильские власти, конечно, понимали ее истинный политический характер, но, как считает изучивший этот вопрос Г.Г. Косач, видели в ней «орудие противостояния влиянию объединенных в ООП групп национального действия». Но палестинские активисты АБМ, старавшиеся отмежеваться от тогдашнего президента Египта Анвара Садата, который, по словам Арафата, «продал Иерусалим... за горсть синайского песка», еще менее собирались подыгрывать Израилю. Их задачей было, временно не раздражая израильтян, идейно подчинить себе основную часть палестинцев, пользуясь попустительством властей Израиля. И они многого добились, особенно в секторе Газа. Только в 1967–1986 гг. количество мечетей в секторе возросло с 77 до 150. Постепенно вытесняя, особенно в переполненных обездоленными людьми лагерях беженцев, влияние и ООП, и коммунистов (тогда – союзников ООП), «Мусульманская ассоциация» превратилась в весьма внушительную политическую силу.

Выход на политическую арену движения ХАМАС, его активное участие в «первой интифаде», создание им своего военного филиала «Изз ад-Дин аль-Кассам» (по имени шейха, погибшего во главе восстания в 1934 г.) и провозглашение в августе 1988 г. Исламской Хартии, в которой вся территория Палестины «от реки до моря», т.е. от Иордана до Средиземноморья, объявлялась «вакфом» – религиозной собственностью «будущих поколений мусульман», резко обозначили новый этап в политическом развитии ПДС, его переход от идеологии умеренного светского национализма к исламизму. Это уже было серьезным предупреждением и ООП, и заинтересованным арабским режимам, и США, и Израилю, ибо означало лишь одно – наследие «светских» арабских националистов, «проваливших свои обещания», переходит к исламистам. Иными словами, «фидаи» (т.е. палестинские партизаны, буквально – «жертвующие собой») уступают место «муджахидам» (буквально – «участники джихада», «борцы за веру»). А последние были не только «приверженцами насилия», но и «противниками мирного решения». Основатель организации ХАМАС шейх

Ахмед Ясин сразу провозгласил: «Освобождение всей Палестины от моря и до Иордана – наша стратегическая цель»¹⁰.

Это понимали тогда многие, но не все. В ходе дискуссии экспертов США и СССР в штате Мэриленд в апреле 1990 г. по вопросу о роли сверхдержав на Ближнем Востоке автор этих строк защищал точку зрения, следующим образом сформулированную в завершившем дискуссии обзорном докладе: «Один из советских ученых отметил, что нынешнее националистическое руководство Организации освобождения Палестины (ООП) и палестинцев на оккупированных территориях является относительно умеренным. Однако если оно не сможет добиться решения о создании независимого Палестинского государства на оккупированных территориях, то поддержка палестинцами умеренного руководства начнет уменьшаться. Палестинцы тогда будут постепенно поворачиваться к лидерам исламского фундаментализма, гораздо менее склонным считаться с интересами Израиля»¹¹. Можно считать, что уже тогда этот «процесс пошел».

Безрезультатность наметившихся еще в 1989 г. израильско-палестинских контактов грозила перерастанием «интифад» в вооруженную борьбу. В то время подобная перспектива казалась маловероятной, ибо фундаменталисты, как многие думали, призывали к джихаду скорее для усиления своего влияния в массах и их «реисламизации» с целью подрыва широко распространившегося секуляризма. Однако последующий ход событий показал, что дело обстоит гораздо серьезнее. Поддержка Арафатом в 1990–1991 гг. Саддама Хусейна в Ираке оттолкнула от ООП почти весь арабский мир, что объективно усилило палестинских исламистов, прежде всего ХАМАС и палестинский филиал общеарабской организации «Аль-Джихад аль-исламий», а также их союзника – группировку «Хизбалла» в Ливане. В результате возникли условия, с одной стороны, осложнившие ситуацию, с другой, – подтолкнувшие и ООП, и Израиль к более активным поискам компромисса. 13 сентября 1993 г. между ними было подписано соглашение в Вашингтоне, к которому обе стороны долго шли в ходе секретных переговоров в Осло. Переезд руководства ООП в Газу летом 1994 г. положил начало формированию структур Палестинской национальной администрации (ПНА).

Последовавшие в середине 90-х годов опросы палестинцев Газы и Западного берега Иордана показали, что ислами-

стам, несмотря на все их попытки перехватить инициативу у ООП, в целом сделать это тогда не удавалось: их (прежде всего ХАМАС и «Аль-Джихад») поддержало 28% голосовавших против 43%, выступивших за ФАТХ, т.е. за светскую националистическую партию, составлявшую основу ООП. «Марксистов», т.е. всех левых внутри ООП, поддержали 8%, а 15% не поддержали никого. Выборы 1996 г. подтвердили эту расстановку сил: Арафат как лидер ООП и ФАТХ получил 87%, балотируясь на пост главы ПНА, а в Палестинском совете (парламенте) 51 депутат из 88 представлял ФАТХ. Дальнейшие шаги ООП были направлены на превращение исламистов в умеренную и лояльную «системную оппозицию» путем, в частности, включения сторонников ХАМАС в марте 1998 г. в кабинет министров ПНА¹².

Однако после убийства в 1995 г. премьер-министра Израиля И. Рабина фанатиком-террористом вновь начался откат назад, свидетельствовавший о том, что ни Израиль, ни ООП еще не готовы к полноценному компромиссу. Этим, естественно, воспользовались исламисты, особенно после срыва переговоров ООП с правительством Эхуда Барака в 1999–2000 гг., в ходе которых, казалось, было достигнуто согласие почти по всем вопросам¹³. Приход к власти в Израиле вскоре после этого Ариэля Шарона стал началом нового витка напряженности и «второй интифады», в ходе которой и ХАМАС (да и его светские конкуренты из ФАТХа, создавшие «бригады мучеников Аль-Аксы»), и израильские власти все чаще переходили к методам вооруженного насилия, а в самом Израиле депутаты от арабского населения стали открыто осуждать израильскую политику «оккупации и колонизации», призывая палестинцев «усилить сопротивление». С этого времени стали намечаться и другие тенденции, получившие в дальнейшем развитие. Это – нависающая над Израилем с севера угроза постоянных нападения боевиков «Хизбаллы», базирующихся на юге Ливана после вывода оттуда израильских войск в 2000 г., а также все нараставший

* «Вторую интифаду» называли «интифадой Аль-Акса», поскольку она началась как протест палестинцев против визита Шарона к мечети Аль-Акса в Иерусалиме в явно провокационных целях. Тактически Шарон выиграл, став после этого премьером. Но стратегически – породил то, что мы наблюдаем сегодня.

прогресс дальнейшей исламизации общественного мнения и настроений палестинцев.

В этих условиях Арафат, допуская выпады против Бен Ладена («Бен Ладен никогда не помогал нам. Почему это он вдруг заговорил о Палестине?» – сказал он в декабре 2002 г.), не рисковал выступать против «своих» исламистов. Положение не изменилось и после гибели лидеров движения ХАМАС Ахмеда Ясина и Абд аль-Азиза Рантиси (Абу Мухаммада), убитых весной 2004 г. в ходе контртеррористических операций («точечных ударов») израильтян. Наоборот, это лишь вызвало ярость приверженцев группировки и привело к значительному росту влияния исламистов среди палестинцев. Об этом же, в частности, говорило и поведение Арафата, как всегда тонко чувствовавшего ситуацию и фактически шедшего на уступки исламистам, хотя это ни в политическом, ни в личном плане не сулило ему ничего хорошего.

Смерть Арафата (умевшего, пусть и с неодинаковым успехом в разное время, но быть арбитром в спорах между соотечественниками) в ноябре 2004 г. содействовала усилению напряженности в регионе, осложнив борьбу между многими течениями в ПДС – левыми, правыми, националистами, исламистами, между разными лидерами и предлагаемыми ими концепциями выхода из ближневосточного тупика, а также – между «муватынун» (т.е. постоянными жителями Западного берега и сектора Газы, не покидавшими родины) и «айдун» (т.е. «возвращающимися» из изгнания, в основном обитателями лагерей беженцев на территории Иордании, Сирии, Ливана, Египта, Ирака и других арабских стран). Деятельность исламистов к тому же не сводилась лишь к террору.

Они с самого начала уделяли большое внимание социальной стороне жизни палестинцев, особенно в секторе Газа, где примерно 1,5 млн. чел. (половина которых – беженцы в лагерях ООН) стиснуты на узкой прибрежной полосе песчаного берега длиной не более 40 км.¹⁴ При этом безработица в секторе, где очень мало предприятий и вообще возможностей для занятости трудоспособных людей, достигала в конце 2003 г. 70%, а доля живущих ниже уровня бедности – 83,4%. Вдобавок сектор до 2005 г. был на 20% оккупирован израильтянами, периодически проводившими карательные операции в ответ на вылазки «фидаяев» ФАТХа и «муджахидов» ХАМАСа против 17 израильских поселений на территории сектора, который

в западной прессе тогда называли «тюрьмой под открытым небом».

Беженцы в лагерях, отделенные от окружающего мира колючей проволокой, а с моря – израильскими катерами, были ограничены в передвижении даже внутри сектора, за пределы которого они в принципе не могли выходить. Уделом большинства были систематическое недоедание и высокая детская смертность. По свидетельству от 2003 г. американской журналистки и правозащитницы Дженнифер Левенштейн, «в Газе вы – не просто узник гигантского места заключения, вы – еще и постоянная цель для стрелков, которые, если захотят, могут уничтожить вас и ваших близких. Ваши дома могут быть разрушены бульдозерами или динамитом, ваши селения и лагеря беженцев – обстрелами самолетов Ф-16 или вертолетов. В Газе ваше достояние уменьшается каждый день, ибо вас разоряют охотно и беспощадно». В 2000–2003 гг. израильтяне только в городке Рафах на севере сектора Газы убили 275 чел., в том числе 76 детей, разрушили 1759 домов, оставив на улице 12643 чел.¹⁵

Разумеется, все эти бедствия еще более усиливали социальную напряженность, порожденную нищенским уровнем жизни, отсутствием работы и вынужденным иждивенчеством большинства жителей за счет ООН, международных и арабских благотворительных фондов. Включившись в деятельность ООН и этих фондов (через своих сторонников в соответствующих структурах образования, здравоохранения и прочих социальных служб), исламисты очень быстро стали наращивать свое влияние. Особенно это удалось им в Газе, где население стало поддерживать и политические, и вооруженные выступления исламистов.

Их акции так или иначе пропагандировались в арабских странах, причем газетами самой разной политической ориентации. Лига арабских государств, в резких выражениях осуждая политику США и Израиля, одновременно выступала в ООН, в Европе и различных международных организациях в защиту и ООП, и исламских организаций палестинцев. Даже в такой умеренной и прозападной стране, как Тунис, публиковались листовки палестинских организаций, заявления их лидеров, а также статьи с осуждением политики Израиля на оккупированных территориях, особенно создания им на этих землях 145 поселений колонистов (к маю 2001 г.). Естественно, исла-

мисты использовали все факты такого рода в ожесточенной информационной войне против Израиля. В свою очередь арабские правительства, даже те, кто выступал против исламистов, вынуждены были брать на вооружение многие их лозунги с целью перехватить инициативу и не дать обвинить себя в «предательстве справедливого дела арабов».

В прессе, радио и прочих СМИ не только арабских и мусульманских стран, но и всего мира публиковались декларации исламистов о том, что «джихад в Палестине является законным правом палестинского народа», призывы к «военной, информационной, моральной и дипломатической» поддержке этого джихада, что не могло не оказывать своего воздействия на народы региона. ХАМАС и «Аль-Джихад аль-ислами» прямо обращались к «лидерам уммы» с требованием «привести в действие бойкот арабских стран», а также «оказать всевозможную помощь братскому Ираку, потому что победа Ирака и его народа является также победой проблемы Палестины и палестинского народа»¹⁶.

Переключение интереса не только Ближнего Востока, но и всего мира на Ирак с весны 2003 г. несколько ослабило внимание мировой общественности к палестинской проблеме, но лишь на короткое время. ХАМАС приложил максимум усилий к тому, чтобы палестино-израильский конфликт не отошел бы на второй план и не утратил своей первостепенности в эволюции нескончаемого ближневосточного кризиса. Тем более, что вывод израильских войск из южных районов Ливана в 2000 г., а также из сектора Газы в 2005 г. (с демонтажом основанных там ранее израильских поселений), явная неудача (при формально неопределенном исходе) войны Израиля против «Хизбаллы» на юге Ливана¹⁷ все эти события, далеко не однозначные по своей сути, трактовались ХАМАС как успехи тактики постоянного нажима на Израиль.

В феврале 2006 г. ХАМАС победил на выборах в Палестинской территории, впервые одолев своего вечного и ранее гораздо более сильного соперника – ФАТХ. Причем ХАМАС победил, по мнению влиятельного британского журнала «Экономист», не потому, «что большинство палестинцев верят в его догму, а потому что десять лет мирных переговоров и пять лет кровавой интифады... разочаровали их в перспективе склонить Израиль к почетному решению». Среди 74 депутатов от ХАМАС оказалось 6 женщин, что лишний раз подчеркнуло

умение исламистов привлекать на свою сторону самые разные социальные группы, проявляя внимание к их проблемам, обучению, здоровью, оказанию им различных видов помощи. «Мы присутствуем в обществе всюду, – сказала одна из этих депутатов, преподаватель исламского университета Газы. – И мы продемонстрируем народам мира, что практика ислама в женском вопросе недостаточно известна». Ее коллега, учительница физики, одобрила действия «бомбометателей-самоубийц», которые «разъярены несправедливостью» и «хотят отдать жизнь за свой народ»¹⁸. Сформировав правительство, ХАМАС решил в июне 2007 г. полностью вытеснить ФАТХ, руководитель которого Махмуд Аббас занимает ключевой пост президента ПНА. Однако сделать это удалось только в секторе Газа, где ХАМАС действительно полностью доминирует уже много лет.

На Западном берегу позиции ФАТХ оказались крепче ввиду наличия там влияния давних противников исламизма (коммунистов и левых националистов), объективно – союзников ФАТХ, и по причине существования здесь более развитой экономики и занятых в ней социальных сил – квалифицированных рабочих и служащих, предпринимателей и торговцев, заинтересованных в сохранении мира, необходимого для процветания коммерции, туризма, ремесел, беспрепятственного доступа к святым местам трех религий паломников и просто верующих. В результате Палестинские территории оказались политически расколоты: активисты ФАТХ были выдворены с применением оружия из Газы, но зато укрепились на Западном берегу, где ХАМАС тоже пользуется влиянием, но гораздо меньшим, чем в Газе. К тому же ФАТХ после июня 2007 г. арестовал здесь десятки и уволил около 400 чиновников, связанных с ХАМАС.

Тем не менее ХАМАС, монополизировав власть в Газе, решил использовать ее как плацдарм для реализации своего плана давно обещанного джихада. На первых порах его порыв был сдержан полугодовым перемирием. Однако по его истечении ХАМАС возобновил ракетно-минометные обстрелы южных городов Израиля. В ответ Израиль начал 27 декабря 2008 г. операцию «Литой свинец», обрушив на Газу и ее окрестности удары своей авиации и артиллерии. Всего на 200 объектов упало до 150 тонн бомб и снарядов, которые причинили палестинцам несравненно большие потери, нежели сами израильтяне понесли от обстрелов ХАМАС. Несмотря на это, пале-

стинцы не прекратили обстрелы территории Израиля: в тот же день они выпустили 60 ракет, которыми один израильтянин был убит и несколько ранены¹⁹.

Вопреки тому, что писалось в СМИ у нас и за рубежом, атака ЦАХАЛ вовсе не «застала ХАМАС врасплох», хотя она и началась за два дня до окончания в Израиле религиозного праздника, т.е. вроде бы и неожиданно. Однако дальнейший ход событий свидетельствует, что ХАМАС скорее всего и рассчитывал на подобную реакцию Израиля. Ему важно было показать, что именно его боевики реально сражаются против «сионистского агрессора», а не сторонники ФАТХ, что именно ХАМАС последовательно ведет борьбу за восстановление законных национальных и священных религиозных прав арабского народа Палестины. Какой ценой это достигается – другой вопрос. Но тут надо учесть и то обстоятельство, что палестинцы в целом как народ давно уже находятся на пределе возмущения и отчаяния, вызванных неэффективностью всех усилий, в том числе – и великих держав, по ближневосточному урегулированию. И особенно такие настроения распространены в секторе Газа, где бедность и нищета, унижительное иждивенчество в лагерях беженцев, свойственные более чем половине жителей, помножены на религиозный фанатизм, дух самопожертвования и непримиримость по отношению к Израилю, проповедуемые ХАМАС.

Лидеры ХАМАС использовали нападение ЦАХАЛ для призыва к новой интифаде всех палестинцев (не только Газы) вплоть «до полного освобождения оккупированной сионистами родины». Возрождение этого лозунга, предусматривающего ликвидацию Израиля, само по себе заслуживает особого разговора. Оно, как это ни парадоксально, прямо вытекает из проводившейся Израилем в течение более 60 лет политики «совершившихся фактов» по отношению к палестинцам. Этой политике арабы долго противопоставляли полный бойкот и непризнание самого существования Израиля, который в официальных арабских документах именовался либо «сионистским образованием», либо «оккупированной частью Палестины»²⁰. Однако в дальнейшем неудачные для арабов войны, воздействие Запада и прагматизм некоторых государственных деятелей привели к изменению позиции, в частности Египта и Иордании, признавших Израиль. Палестинцы не могли этого не учитывать, ибо поддержка остальных арабов была для них крайне

важна. Преодолев своего рода «детскую болезнь» экстремизма 1971–1973 гг., ПДС отошло от позиции «либо все – либо ничего» и приняло в июне 1974 г. «этапную», по словам Арафата, программу, предусматривавшую «необходимость создать независимую национальную власть палестинского народа на национальной территории по мере ее освобождения»²¹.

Фактически это открывало путь к отказу от прежней полной непримиримости и нетерпимости, которые завели арабов, в том числе палестинцев, в политический тупик, к выработке более гибкой тактики и заключению взаимоприемлемого компромисса с Израилем хотя бы по территориальному вопросу. Из этой установки ПДС и доминировавший в нем ФАТХ исходили в последующие 30 с лишним лет. Однако исламисты решили порвать с этой традицией. Тем более, что при всех нюансах и неожиданных поворотах как тайных, так и явных арабо-израильских переговоров Израиль не шел на устраивающие палестинцев уступки, опираясь на свое военно-политическое превосходство и политическую поддержку США (в меньшей степени Западной Европы). Руководство ХАМАС довольно грамотно учло это обстоятельство, дабы внушить палестинцам мысль о бесплодности и необоснованности каких-либо надежд на компромисс с Израилем. К тому же после срыва переговоров 1999–2000 гг. среди многих палестинцев, в том числе настроенных вовсе не экстремистски, начались (по личным впечатлениям автора этих строк) разговоры об абсурдности согласия на то, чтобы жить на «20% национальной территории». Короче говоря, вместо возврата к положению до июньской войны 1967 г. ставился вопрос о пересмотре границ, сложившихся в результате израильских завоеваний 1948–1949 годов.

Поэтому не только и не столько непримиримость и фанатизм ХАМАС, безусловно, сыгравшие свою роль, ни, тем более, успехи исламистов (впрочем, весьма относительные) в информационной войне против Израиля и США (как опоры Израиля и как «врага мусульман» в Ираке и Афганистане) имели решающее значение в ходе войны в Газе. Главное заключалось в том, что палестинцы были уже не те, что в 1948 г. или даже в 1967 г. Они стали за десятилетия испытаний сплоченной нацией с развитым самосознанием, обрели способность противостоять превратностям судьбы и защищать свое право на самостоятельную жизнь и национальное достоинство. И не должно удивлять их стремление продемонстрировать все

это, тем более, что политика Израиля свидетельствовала о нежелании считаться с теми, кого он привык побеждать, не признавая их достойным противником.

Продолжая бомбардировки с воздуха, израильтяне 3 января 2009 г. приступили к наземной фазе операции, пообещав «воевать до победного конца – пока террористы окончательно не перестанут представлять угрозу для израильского государства». К 11 января было убито уже 850 и ранено 3,5 тыс. палестинцев. Среди погибших за первые 3 дня, по данным спецслужб Израиля, были начальник генштаба ХАМАС и 300 боевиков (по данным ООН, от 50 до 90 чел. из них были мирными жителями). В то же время палестинцы сообщали, что больше половины погибших – старики, женщины и дети. У израильтян было всего 13 убитых и 130 раненых. Однако ХАМАС продолжал не только сопротивляться вторжению в сектор Газа, но и не прекращал обстрела ракетами территории Израиля. Не только руководство боевиков отказывалось прекратить сопротивление, но даже выступившие за урегулирование конфликта президент Египта Хосни Мубарак и глава ПНА Махмуд Аббас отвергли все призывы к прекращению огня, в том числе соответствующую резолюцию Совбеза ООН. В то же время начались антиизраильские демонстрации в Париже, Риме, Берлине, Милане, Турине, Венеции, Афинах, Будапеште, Осло, Копенгагене и других городах Европы. Их зачинщиками были в основном представители арабских диаспор, но не только. В Лондоне на демонстрацию вышли 20 тыс. чел., в Барселоне – 30 тыс. Правозащитники из международной организации «Хьюмен Райтс Уотч» обвинили Израиль в применении против защитников Газы запрещенных видов оружия, в частности «белого фосфора». Британская пресса сочла нужным вспомнить, что в ходе рейдов Израиля в сектор Газа в 2007 г. из 420 убитых палестинцев пятую часть составили мирные жители²².

Через 2 дня в Газе насчитывалось только погибших 912 местных жителей, включая 275 детей. Население стало страдать от нехватки продовольствия и медикаментов: со стороны Египта и с моря израильтяне Газу блокировали, опасаясь переброски через границу боевиков и боеприпасов для ХАМАС, а со стороны Израиля грузы гуманитарного характера, посылаемые ООН, стали поступать лишь через несколько дней; для их прохода ЦАХАЛ с 11 января ежедневно прекращал огонь на 3 часа. Однако все равно мировое общественное

мнение склонно было гораздо больше во всем винить не ХАМАС, а Израиль. Тогда же стали публиковаться свидетельства и с израильской стороны. Жительница одного из городов на юге страны, в частности, сообщила: «Вот уже восемь лет нас не покидает животный страх... Под обстрелами выросло уже целое поколение детей – и среди них нет ни одного здорового ребенка»²³. Понятно, что ЦАХАЛ хотел положить этому конец. Но верно ли был выбран способ для этого? Ведь с началом операции «Литой свинец» ХАМАС не прекратил обстрелы юга Израиля, даже их интенсифицировал, обстреляв впервые за много лет город Беэр-Шева, расположенный в 40 км от сектора Газа.

18 января 2009 г., после трех недель боев, в том числе с обстрелом и бомбардировкой густонаселенного центра Газы, с вводом танков и бронетранспортеров на улицы городов сектора, Израиль объявил об окончании операции. По словам премьера Израиля Э. Ольмерта, армия страны «выполнила и даже перевыполнила» все поставленные перед ней задачи. Но так ли это? Ведь даже в день прекращения огня ХАМАС выпустил 6 ракет по южноизраильскому городу Сдерот, а в ответ получил удар авиации²⁴. ХАМАС, хоть и согласился на прекращение огня, но потребовал полного вывода войск Израиля, прекращения экономической блокады Газы и открытия всех приграничных контрольно-пропускных пунктов, пообещав продолжить обстрелы Израиля, если эти условия не будут выполнены. Со своей стороны Израиль войска не выводит, обещая возобновить операцию, если обстрелы начнутся опять.

Каков же итог событий в Газе? ХАМАС, бесспорно, понес огромные потери, как и мирное население сектора. К разрушениям и уничтожению материальных ценностей палестинцы за последние 60 лет привыкли, особенно – беженцы в лагерях, живущие за счет ООН. ХАМАС, несмотря на понесенный ущерб, сохранил свои кадры и структуру, свою способность воевать, а главное – свое политическое влияние и политический потенциал. И это – уже второй пример неспособности Израиля при всем его военно-экономическом превосходстве политически разгромить противника. Первый раз это случилось во время войны Израиля против «Хизбаллы» в Ливане. Не становится ли это опасной для Израиля традицией? И в Ливане, и в Газе его противником были не просто арабы, более слабые в чисто военном плане. Его противником был политический ис-

лам, обладающий гораздо более мощными политико-идеологическими, мобилизационными и организационными структурами, которые до сих пор явно недооцениваются теми, кому он противостоит. Никто не может предсказать, каково будет дальнейшее развитие кризиса на Арабском Востоке. Но вряд ли его можно будет урегулировать без эффективного решения всего комплекса сложных проблем, породивших сам политический ислам.

В заключение хотелось бы привести высказывание всемирно известного дирижера Даниэля Баренбойма, руководящего уникальным израильско-палестинским оркестром «Западно-Восточный диван»: «Израиль и Палестина – это не политический конфликт, а столкновение двух культур с разным наследием, вынужденных ютиться на маленьком клочке земли рядом друг с другом. Ни силовые методы, ни дипломатия на таком мизерном пространстве не помогают... Одно из самых главных условий для разрешения данного конфликта – равные условия для всех сторон. А этого как раз и нет... Зачем поддерживать ненависть в секторе Газы?... После всего, что произошло сейчас, мы должны вместе заглянуть в наше новое будущее. Мы, израильтяне, должны, в конце концов, найти в себе мужество не отвечать насилием на насилие и с умом постоять за нашу историю»²⁵. Добавить к этому, кажется, нечего. Кроме одного: конфликт, о котором идет речь, все же прежде всего политический, а столкновение культур – его внешняя форма, которая, несомненно, исчезнет в ходе политического урегулирования. Ибо культуры никогда не воюют и даже при столкновениях не столько соперничают, сколько обогащают и обучают друг друга. Единственное, что для этого требуется – достижение политического соглашения.

¹ Известия, 29.12.2008.

² Renouard M. Histoire et civilisations de la Méditerranée. Rennes, 2006, с. 67.

³ Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005, с. 202.

⁴ Там же, с. 225–226.

⁵ Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990, с. 106–113.

⁶ Документ ООН E/c № 5/456, Add. 4. September 1970, с. 5, 27.

⁷ The Middle East Journal. Washington, 1969, № 3, с. 296.

⁸ Jeune Afrique. Paris, 1970, № 488, с. 14.

⁹ Барковский Л.А. Арабское население Израиля. М., 1988, с. 11; Monde Diplomatique. P., 1983, № 353, с. 6; The Middle East. Washington, 1990, с. 178.

¹⁰ Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008, с. 375; Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001, с. 112–114; Независимая газета, 02.10.2000; Burgat F. L'islamisme en face. P., 1995, с. 176–177.

¹¹ The Superpowers and Challenge of Peace in the Middle East. Queens-town (USA), April 4–7, 1990, с. 5.

¹² Ближний Восток и современность. Вып. 11. М., 2001, с. 153–158; Burgat F. Op. cit., с. 178–179.

¹³ Monde Diplomatique. 2001, № 570, с. 1–2, 13–15.

¹⁴ The Economist. London, 2009, V. 390, n. 8612, с. 28.

¹⁵ Revue d'Etudes Palestiniennes. Beirouth, 2004, № 93, с. 64–65.

¹⁶ Азия и Африка сегодня. 2004, № 7, с. 40–41; Ближний Восток и современность. Вып. 11. М., 2001, с. 148–149; Известия, 16.12.2002; La presse de Tunisie. Tunis, 14.05.2001.

¹⁷ Подробнее об этом см. Эпштейн, Алек.Д. Израильская война против «Хезболлы». М., 2006.

¹⁸ The Economist, 2009, No. 8612, с. 29; The New York Times, 13.02.2006.

¹⁹ Известия, 29.12.2008; The Economist, 2009, No. 8612, с. 30.

²⁰ Аль-Урдун. Хакаик ва маалумат («Иордания: факты и сведения»). Б.м., 1956, с. 5, 24.

²¹ Арафат Я. Путь к восстановлению поправных прав народа // Проблемы мира и социализма. Прага, 1975, № 2, с. 84–85.

²² Известия, 12.01.2009; The Economist, 2009, No. 8612, с. 28.

²³ Известия, 14.01.2009.

²⁴ Известия, 19.01.2009.

²⁵ Известия, 16.01.2009.

А.Г.Бакланов

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ – ПОИСК РАЗВЯЗОК И МЕХАНИЗМОВ ДОСТИЖЕНИЯ МИРА

Перманентное напряжение в палестино-израильских отношениях, переросшее на рубеже 2009 г. в прямое военное столкновение, самое крупное и кровопролитное за последние годы, «отодвинуло» основополагающие проблемы, которые должны стать предметом переговорного процесса, ведущего к миру.

Приходится констатировать, что сторонам конфликта к сегодняшнему дню так и не удалось создать сколько-нибудь эффективных механизмов предотвращения военных действий. Более того, как в стане палестинцев, так и среди израильтян выросло влияние радикальных элементов, для которых противостояние и силовое давление являются главной формой «диалога» с противной стороной. Влияние же «внешних факторов» (включая действия, предпринимаемые по линии ООН «четверкой» международных посредников) выглядит пока достаточно «вялым» и не дает желаемых результатов.

Вместе с тем объективный анализ происходящего свидетельствует о бесперспективности попыток силой оружия или террора заставить противоположную сторону пойти на вынужденный компромисс. В этих условиях важно иметь «альтернативную» программу действий, призванную стать основой для перехода от экстренного «тушения» вспышек вооруженного противостояния к выработке реалистичных, компромиссных схем урегулирования.

В этом плане важно представлять, каков тот багаж идей и предложений, который имеется сегодня в вопросе разблокирования ближневосточного кризиса на ключевом – палестино-израильском направлении.

Было немало планов достижения «исторического компромисса» между сторонами, попыток предложить развязки сложнейших проблем, существующих между палестинцами и изра-

ильтянами. Несмотря на все разнообразие, эти планы можно свести к четырем принципиальным схемам.

Первая – военная оккупация Израилем палестинских земель.

Вторая – создание на палестинских землях автономии при сохранении за Израилем права на решение ключевых вопросов, связанных с ведением международных дел, в сфере обороны и безопасности.

Третья – формирование общих органов управления, в том числе, в таких ключевых сферах, как обеспечение безопасности.

Четвертая – создание независимого палестинского государства¹.

Негативные последствия первого варианта (оккупация палестинских земель) уже давно очевидны, в том числе, и для израильской стороны.

Опыт формирования ограниченных в своих правах палестинских властей в рамках автономии также в достаточной степени показал свою «ущербность».

Совместная ответственность за обеспечение безопасности – тема, практически не разработанная к сегодняшнему дню. Вполне возможно, что это направление способно открыть перспективу для достижения прочного мира в субрегионе.

Что касается четвертого варианта – государственного размежевания, то именно этот путь на сегодняшний день определен международным сообществом в качестве базисного, сулящего наибольший эффект с точки зрения формирования условий прочного мира и безопасности.

Как представляется, наиболее далеко сторонам удалось продвинуться в формулировании компромиссных схем в рамках этого варианта в период 2000–2002 годов.

Рассмотрим достижения этого периода более подробно.

В преддверии президентских выборов 2000 года американская администрация, стремясь получить дополнительные «очки» в вопросах внешней политики, активизировала свои действия, направленные на продвижение палестино-израильского переговорного трека.

11–24 июля 2000 года в Кэмп-Дэвиде под эгидой президента США Б. Клинтона были проведены встречи Я. Арафата и премьер-министра Израиля Э. Барака по проблематике окончательного статуса палестинских территорий. Важным итогом переговоров было то, что впервые узловые вопросы, касаю-

щиеся будущего устройства Палестины, включая определение статуса Иерусалима, стали предметом детальных обсуждений, откровенного обмена мнениями. По ряду направлений наметилась положительная динамика (в частности, в вопросе передачи израильскими ПНА по меньшей мере 90% оккупированных земель).

Вместе с тем в Кэмп-Дэвиде – как и в последующих контактах – достаточно четко выявились основные пункты разногласий. Наиболее острый характер они имели в вопросе определения статуса Храмовой горы – ключевого в религиозном и политическом отношении места Иерусалима, где расположены святыне места как мусульман (мечеть Аль-Акса), так и иудеев (Стена плача). Обе стороны твердо и однозначно настаивали на своем суверенитете над Храмовой горой.

В этот период стало очевидным наличие существенного международного «сопряжения» этой проблематики. О своей сопричастности к определению судьбы Святых мест в Иерусалиме заявили представители ряда конфессий, в том числе Ватикан.

В создавшейся ситуации со стороны коспонсоров – США и России, ЕС, других стран было выдвинуто немало идей, призванных найти выход из создавшегося тупика. Так, в различной интерпретации высказывалась мысль о целесообразности заключения нового палестино-израильского соглашения по тем вопросам, где просматривались возможности достижения согласия, включая передачу палестинцам большей части оккупированного Израилем в 1967 году Восточного Иерусалима. При этом оставшиеся аспекты будущих пакетных договоренностей могли стать предметом дополнительного раунда переговорного процесса. Однако такого рода вариант оказался «непроходным», главным образом в силу крайней «взвинченности» обстановки внутри каждого из лагерей – палестинцев и израильтян. Следует отметить, что кризис переговорного процесса постарались использовать в своих политических интересах радикалы в обоих лагерях. На палестинских территориях усилилась агитация ХАМАСа и «Исламского джихада», критиковавших «соглашательскую линию» Я. Арафата и призывавших к возобновлению силовых акций против израильтян. В Израиле некоторые влиятельные религиозные партии и оппозиционные деятели выступили с резкими обвинениями в адрес Э. Барака. Ему инкриминировались игнорирование национальных интересов страны, «излишняя уступчивость» палестинцам.

В этот момент один из лидеров израильских приверженцев жесткой линии в отношении палестинцев А. Шарон с группой своих сторонников осуществил политическую акцию, повлекшую острый кризис в палестино-израильских отношениях.

28 сентября 2000 года А. Шарон в сопровождении группы сторонников и под охраной сил израильской полиции посетил Храмовую гору в Иерусалиме, включая ту часть, которая предназначена для религиозных процессий мусульман. Последовала крайне негативная реакция палестинцев, в целом арабов. Впервые за длительный период на территории Израиля и ПНА начались вооруженные столкновения, повлекшие человеческие жертвы – было убито более 100 человек, в основном палестинцев.

Палестинцы объявили о том, что они вновь начинают «интифаду» – «восстание» против израильтян. Обострение ситуации создало основу для резкой активизации действий радикалов с обеих сторон. Все большую раскрутку получал порочный «круг насилия», от которого страдали как рядовые палестинцы, так и израильтяне.

В создавшейся ситуации по инициативе египтян и американцев в конце октября в Шарм аш-Шейхе была организована международная встреча, в которой приняли участие Я. Арафат, Э. Барак, президент США Б. Клинтон, президент АРЕ Х. Мубарак, генеральный секретарь ООН К. Аннан, представитель ЕС Х. Солана. В этот город также прибыл министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин. Россия на этой встрече отсутствовала, однако с нашей стороны было ясно заявлено о готовности подключиться к усилиям, направленным на снижение напряженности и возобновление мирного процесса.

На саммите в Шарм аш-Шейхе сторонам удалось близко подойти к принципиальному согласию в отношении прекращения силового противостояния. Израиль взял обязательство вывести свои вооруженные формирования на позиции, существовавшие до начала столкновений. Палестинцы дали обещание прекратить акции вблизи израильских блокпостов. В случае соблюдения этих условий стороны планировали возобновить переговоры об окончательном урегулировании под патронажем США.

На встрече в верхах в Шарм аш-Шейхе было принято решение образовать авторитетную международную комиссию по расследованию проблемы непрекращающихся актов насилия

на территории сектора Газы, Западного берега реки Иордан и в Иерусалиме.

В ноябре 2000 года после консультаций с лидерами ряда стран президент США Б. Клинтон направил приглашения принять участие в работе такого рода комиссии некоторым известным политическим деятелям, хорошо владеющим проблематикой Ближнего Востока: сенатору Джорджу Митчеллу, сенатору Уоррену Рудману, бывшему президенту Турции С. Демирелю, Высокому Комиссару по вопросам международных отношений и политики в области безопасности ЕС Х. Солане. Председателем комиссии стал сенатор Дж. Митчелл, в силу чего этот орган и подготовленный им доклад получили название соответственно комиссии Митчелла и доклада Митчелла.

Комиссия приступила к работе, связанной с выявлением причин опасного обострения ситуации на палестинских землях и выработкой конкретных рекомендаций в отношении того, что требовалось осуществить для предотвращения рецидивов насилия. Деятельность этого органа проходила в крайне неблагоприятной обстановке. Ситуация продолжала деградировать, принимать все более трагический характер. Около 500 человек были убиты в период с ноября 2000 года по май 2001 года и около 10 тысяч человек получили ранения.

В мае 2001 года руководитель комиссии сенатор Джордж Митчелл совместно с сенатором Уорреном Рудманом опубликовали свой доклад. Акцент в документе был сделан на вопросах противодействия терроризму и экстремизму.

Доклад носил весьма конкретный характер. Сформулированные в нем предложения сводились к следующему.

Первое. Вопросы предотвращения насилия. Комиссия призвала к немедленному прекращению любых насильственных действий без каких-либо предварительных условий. В этом контексте отмечалась необходимость возобновления сотрудничества между правительством Израиля и руководством ПНА в решении конкретных вопросов укрепления безопасности.

Второе. Восстановление доверия. Для достижения этой цели комиссия рекомендовала принятие ряда шагов. В частности, предлагалось, чтобы Израиль и ПНА совместными усилиями обеспечили своего рода «период охлаждения» ситуации, во время которого могли бы быть предприняты дополнительные меры укрепления доверия. Правительство Израиля и

ПНА должны были возобновить усилия с целью «прекращения подстрекательства к вражде».

ПНА должна была предпринять все, от нее зависящее, для того, чтобы предотвращать проведение террористических операций с территорий, находящихся под ее юрисдикцией, добиваться наказания виновных – в случае осуществления терактов.

Со своей стороны правительство Израиля должно было заморозить всякую поселенческую деятельность, включая расширение существующих поселений под предлогом так называемых «естественного прироста населения».

Помимо этого правительство Израиля обязано было предотвратить использование израильской армией боевого оружия в отношении безоружных демонстрантов с тем, чтобы свести к минимуму возможные жертвы и не допустить усиления вражды между палестинцами и израильтянами.

Израильское руководство должно было прекратить политику блокады палестинских территорий и перевести все налоговые поступления с палестинских территорий в адрес ПНА.

Израильское правительство в целом положительно оценило деятельность комиссии, отметив, что ее доклад является «конструктивной попыткой разорвать цикл насилия и ускорить возобновление прямых двусторонних переговоров о мире на базе взаимности».

Важно, что и палестинцы отреагировали на выводы Митчелла в позитивном духе. Руководство ПНА информировало комиссию, что представленный доклад «предоставляет палестинцам и израильтянам хорошую основу для разрешения сложившегося кризиса и подготовки политически значимых переговоров».

Однако, как это неоднократно бывало и в прошлом, такого рода заявления представителей сторон конфликта в дальнейшем не были подкреплены соответствующими практическими шагами. Стычки и провокации продолжались, множились жертвы террористических актов.

Несмотря на обострение обстановки на палестинских землях, продолжалась работа на политическом «фронте». Параллельно с подготовкой плана Митчелла, американская администрация разрабатывала проект более широкого, всеобъемлющего документа.

23 декабря 2000 года президент США Б. Клинтон выступил с заявлением, в котором предложил комплексный план «спра-

ведливого решения» палестинской проблемы. (Это предложение получило в дальнейшем название «параметров» Клинтона.) Основные положения этого документа приводятся в соответствии с тем, как они были изложены в публикациях Международной группы по предотвращению кризисов².

Важнейший элемент плана заключался в идее предоставления палестинскому государству 94–96% территории Западного берега. Следует признать, что для палестинской стороны это был наиболее выгодный из всех, когда-либо предлагавшихся при посредничестве американцев конкретных вариантов «территориальной развязки». Помимо передачи палестинцам почти всей территории Западного берега план предусматривал, что участки, подлежащие аннексии со стороны Израиля, должны были быть компенсированы за счет так называемых «земельных обменов». Стороны также могли дополнительно рассмотреть вопрос о сдаче в аренду на основе взаимности части отходящих к ним территорий.

Предложения Клинтона допускали возможность того, чтобы израильские поселенцы оставались на территориях, прилегающих к палестинским землям. При этом они должны были быть сосредоточены в так называемых «блоках» поселений при том понимании, что организация этих «блоков» будет сопряжена с минимальной аннексией земель в пользу Израиля.

С целью адекватного решения вопросов обеспечения безопасности и осуществления мониторинга за выполнением будущих договоренностей Б. Клинтон предложил установить на Западном берегу международное присутствие, которое могло бы в дальнейшем быть сокращено или ликвидировано по взаимному согласию сторон.

По мысли Б. Клинтона, Израилю следовало осуществить вывод своих войск в течение 36 месяцев с момента подписания соответствующего соглашения. В этот же период на освобождаемые территории должны были быть поэтапно введены международные силы. В конце данного периода могло быть сохранено лишь небольшое израильское военное присутствие в специально оговоренных местах р. Иордан под наблюдением международных сил.

Израиль получал право оставить на Западном берегу р. Иордан три свои станции раннего наблюдения. По истечении десяти лет вопрос о дальнейшей судьбе этих станций должен был бы стать предметом дополнительного изучения, при этом

изменения в данном вопросе могли бы иметь место только при согласии обеих сторон.

Что касается районов размещения чрезвычайных сил, то президент США оставил этот вопрос на усмотрение обеих заинтересованных сторон.

Особо были оговорены вопросы контроля за воздушным пространством. Как заявил президент Б. Клинтон, палестинское государство должно было получить «суверенитет» над воздушным пространством, однако в связи с соответствующей просьбой израильской стороны палестинцам было предложено предоставить Израилю право на совершение в палестинском воздушном пространстве тренировочных полетов своих самолетов.

По ряду ключевых и вместе с тем наиболее сложных вопросов палестино-израильских взаимоотношений предложения Б. Клинтона содержали лишь констатацию позиций сторон. Это, в частности, относилось к израильскому требованию объявить будущее палестинское государство «демилитаризованной» зоной. Президент США, зафиксировав такого рода подход израильтян, отметил, что палестинская сторона, не соглашаясь с такой формулировкой, со своей стороны предложила создание «государства с ограничениями в сфере вооружений». При этом подразумевалось, что палестинцы будут иметь достаточно сильные полицейские силы и, возможно, контингент международных сил по поддержанию мира для охраны границ и выполнения другого рода задач в сфере национальной обороны.

По вопросам Иерусалима и беженцев констатировалось, что пока речь идет о выработке – в самом широком плане – взаимоприемлемых принципов решения этих проблем. Только после завершения этой работы можно будет говорить о каких-либо практических шагах в направлении сближения позиций сторон по столь сложным, ключевым параметрам окончательного урегулирования. Вместе с тем план Клинтона включал ряд интересных наработок по данным вопросам. Он, в частности, содержал предложение закрепить за палестинцами арабские районы Иерусалима, а за Израилем – еврейские. Этот же принцип касался и Старого города. По поводу Храмовой горы отмечалось, что существующие разногласия относятся главным образом не к вопросам практического осуществления функций управления расположенными на Храмовой горе зданиями и другими объектами, а к проблематике символического

характера – признания суверенитета над соответствующими территориями этой уникальной в историческом и религиозном отношении части Иерусалима. В своем документе Клинтон отметил, что палестинцы и израильтяне предложили различные варианты возможной развязки. Со своей стороны президент предпринял попытку предложить еще один путь выхода на компромисс – на основе формализации контроля палестинцев (существующего в настоящее время де-факто) над Храмовой горой при «должном уважении верований еврейского народа». По его мысли, использование специального международного мониторинга могло бы предоставить достаточные взаимные гарантии – палестинского суверенитета над Храмовой горой и израильского суверенитета – над Западной стеной. Другим вариантом могло бы быть осуществление палестинцами суверенитета над Храмовой горой при осуществлении израильтянами суверенитета над Западной стеной при совместном «функциональном суверенитете» в отношении пространства, находящегося под Храмовой горой (израильтяне считают, что под Храмовой горой расположены остатки их разрушенной святыни – Иерусалимского храма).

По вопросу беженцев Б. Клинтон выразил мнение, что разногласия между сторонами сохраняются и они носят принципиальный характер. Президент подтвердил готовность США участвовать в международных усилиях по оказанию содействия в определении судьбы беженцев, включая осуществление таких вариантов, как выплата компенсаций, переселение беженцев в специально оговоренные районы и т.п.

«Фундаментальное» различие в подходе сторон, отметил Б. Клинтон, заключается в том, как относиться к «праву на возвращение». Для палестинского руководства крайне сложно снять это требование. В то же время израильская сторона не может принять такого рода принцип, исходя из опасения, что осуществление плана «возвращения» палестинцев на территории нынешнего Израиля может вызвать радикальное изменение этнического баланса и характера власти в Израиле. При решении данной проблемы обе стороны должны были принимать во внимание перспективы сосуществования в будущем двух государств. Компромиссное решение могло бы в этом случае заключаться в том, что палестинское государство станет основным местом проживания палестинцев, которые предпочтут вернуться в этот регион, – при том понимании, что Из-

раиль все же примет определенную часть беженцев, но отнюдь не их большую часть.

По мнению Б. Клинтона, будущее соглашение могло бы включать ряд возможных «окончательных пунктов» прибытия беженцев: государство Палестина, районы Израиля, которые будут передаваться Палестине в рамках территориального обмена, третьи страны, готовые принять палестинцев, и, наконец, собственно Израиль в его нынешних границах. Палестино-израильские договоренности должны будут фиксировать право на возвращение беженцев на Западный берег и в район Газы или же районы, передаваемые палестинцам путем территориального обмена, в то время как расселение в третьих «принимающих государствах» требовало бы особых соглашений с руководством соответствующих стран.

В заключительной части предложений Клинтона отмечалось, что реализация данного проекта могла бы дать палестинцам возможность иметь суверенное и жизнеспособное государство, признанное международным сообществом, со столицей в Восточном Иерусалиме при передаче им суверенитета над Храмовой горой. Были бы также созданы условия для решения проблемы беженцев. В свою очередь для народа Израиля это означало бы окончание конфликта, создание условий для безопасного существования в регионе и закрепление за Израилем значительной части территории Иерусалима в качестве признанной всеми столицы израильского государства.

В конце этого документа Б. Клинтон сделал примечательное разъяснение: если идеи президента будут отвергнуты сторонами, они «уйдут вместе с ним, как только он покинет свой пост».

Отсутствие доверия между палестинцами и израильтянами, новое обострение отношений между ними не позволили в практическом плане «поработать» этому плану. Однако содержащиеся в «параметрах» Клинтона компромиссные развязки, по мнению многих экспертов, могут в будущем сыграть свою роль в качестве неплохой основы для выработки документов в рамках определения окончательного статуса палестинских территорий.

В январе 2001 года в египетском городе Табе был проведен новый раунд палестино-израильских переговоров. Основной темой их стало обсуждение проблематики окончательного статуса.

Содержание переговоров не раскрывалось сторонами, однако в дальнейшем резюме дискуссий было опубликовано спецпредставителем ЕС по ближневосточному мирному процессу послом М. Моратиносом и изложено в публикации Международной Группы по предотвращению кризисов. (Моратинос при этом утверждал, что содержание его доклада было одобрено – после консультаций – израильскими и палестинскими представителями).

Как следует из «документа Моратиноса», в ходе переговоров в Табе по проблематике территориального вопроса стороны согласились «в принципе» с тем, что «за основу» окончательного размежевания должны были быть приняты линии по положению на 4 июня 1967 года в соответствии с резолюцией 242 СБ ООН³.

Стороны впервые представили свои карты Западного берега р. Иордан, на которых были нанесены конкретные линии. На основе их и была проведена дискуссия по проблематике территорий и поселений. Также свою роль сыграли в качестве «ориентиров» при обмене мнениями «параметры Клинтона», однако между сторонами возникали разногласия по поводу интерпретации этого предложения американского президента. Израильтяне высказали мнение, что предложения Клинтона предполагают «аннексацию» в их пользу территории. Карты, которые представили израильтяне, предполагали, в частности, расширение существующих поселений. Палестинцы высказались против подобного рода «понимания», подчеркивая, что любые «расширения» сферы проживания израильских граждан должны происходить внутри собственно территории Израиля. Палестинцы при этом акцентировали то обстоятельство, что именно Израиль – как сторона, публично заявлявшая о своих «потребностях» на палестинских территориях, – вносит предложение по модификации границ при том, однако, понимании, что такого рода предложение не окажет негативного влияния на интересы и потребности палестинцев.

Первоначально израильские карты, представленные на переговорах, исходили из того, что за переселенцами останется порядка 80% площади нынешних поселений. В дальнейшем эти запросные требования были понижены до 6%, что в принципе ненамного отличалось от «максимума», предусмотренного в предложениях президента Клинтона. Палестинская карта бы-

ла составлена в контексте возможного трехпроцентного обмена территориями.

В ходе переговоров обе стороны одобрили принцип обмена землями, однако в отношении конкретики договориться не удалось. При этом израильская сторона заявила о необходимости принятия во внимание проблемы “безопасных проходов – коридоров”. В свою очередь палестинцы отметили важность отказа от аннексии любых палестинских населенных пунктов. Они указали и на то, что принцип обмена земель должен предполагать обмен эквивалентными по размеру и стоимости участками в районах, примыкающих одновременно к границе Палестины, и к землям, отходящим к Израилю.

Израильская сторона предложила, чтобы еще 2% земель были переданы ей на правах аренды. Палестинцы ответили, что вопросы аренды могут быть обсуждены только после образования палестинского государства и передачи земель под палестинский суверенитет.

Что касается района Газы, то обе стороны воздержались от представления каких-либо карт. В целом было отмечено, что Газа передается под палестинский суверенитет, однако все модальности этого процесса определены не были. Было лишь решено, что все поселения Израиля, имеющиеся в районе Газы, будут, в конечном счете, эвакуированы. Палестинская сторона предложила, чтобы передача этих территорий произошла в течение 6 месяцев, однако израильские представители такое предложение не приняли.

При принципиальном согласии сторон в отношении необходимости создания в будущем безопасного перехода для палестинцев с севера (Газа, Бейт Ханун) в район Хеврона и наличия “территориальной связи” между Западным берегом и Газой окончательный статус этих территориальных элементов согласовать не удалось.

По вопросу о будущем Иерусалима обе стороны согласились с принципом, заложенным в предложениях Клинтона: палестинский суверенитет может быть установлен над арабскими районами, а израильский – над еврейскими. Палестинская сторона подтвердила, что готова обсуждать предложение Израиля о суверенитете последнего над некоторыми из еврейских районов в Восточном Иерусалиме, которые были возведены после 1967 года.

Палестинская делегация приняла к сведению, что Израиль в принципе может принять палестинский суверенитет над араб-

скими кварталами Восточного Иерусалима, включая Старый город, а также обсудить палестинские имущественные требования в Западном Иерусалиме. Израильская делегация исходила в свою очередь из того, что палестинцы готовы принять суверенитет Израиля над еврейским кварталом Старого города.

Обе стороны приветствовали идею создания “Свободного города”. Израильяне предложили, чтобы такой город был создан в районах Старого Иерусалима и так называемого Священного или Исторического района. Палестинцы с этим не согласились и призвали к тому, чтобы Свободный город включал полностью Восточный и Западный Иерусалим. Израильяне в этом контексте предложили создать специальный механизм для координации действий в муниципальных делах (инфраструктура, дороги, электроэнергия и т.п.), а также продумать вопрос введения особого режима “мягкой границы” между двумя частями Иерусалима.

Израильская сторона согласилась с тем, что Иерусалим должен быть столицей двух государств: Иерусалим – столицей Израиля и Аль-Кудс (восточная часть города) – столицей Палестины. Палестинская сторона при этом выразила мнение, что столица Палестины (Восточный Иерусалим) должна иметь “исторически сложившиеся границы”, которые не могут быть скорректированы.

В ходе переговоров рассматривались и некоторые другие идеи в отношении будущего режима Старого города и его окрестностей. Так, израильяне предложили создать механизм “тесного взаимодействия и сотрудничества” в этом районе, совместно учредив, в частности, специальную полицию. Также израильяне предложили найти определенную форму “интернационализации” всего Священного района, включая Еврейское кладбище. Однако какого-либо решения на этот счет достичь не удалось.

Стороны приняли принцип контроля каждой из сторон за соответствующими Святыми местами, в том числе, “религиозного контроля и управления” Израиля в отношении Западной стены и Стены плача. Один из сложнейших вопросов – принадлежность Священной горы – не был решен. Вместе с тем в ходе переговоров стороны были близки к принятию идеи Б. Клинтона о палестинском суверенитете над Священной горой при одновременном учете ряда оговорок на этот счет со стороны израильян.

В ходе неофициальных контактов «на полях» встречи было рассмотрено предложение в отношении введения на три года международного суверенитета над Священной горой. Эту функцию могли бы взять на себя полномочные представители пяти постоянных членов СБ ООН, а также Марокко (или другое государство, действующее от имени мусульман). При этом палестинцы считались бы «хранителями-защитниками» Священных мест на этот – переходный – период. После его окончания можно было бы или заключить новое соглашение, или вернуться к осуществлению формулы Б. Клинтона. К конкретному соглашению на этот счет прийти не удалось.

По проблематике беженцев был осуществлен обмен «рабочими документами». Обе стороны констатировали, что вопрос о палестинских беженцах является «центральный» в израильско-палестинских отношениях и что всеобъемлющее и справедливое его решение имеет жизненно важное значение для установления прочного и в моральном плане справедливое мира. Стороны согласились принять в качестве базисного принципа положение о том, что справедливое решение проблемы беженцев должно соответствовать резолюции 242 СБ ООН и вести к осуществлению резолюции 194 ГА ООН.

Были проведены предметные дискуссии по данному вопросу. Палестинская сторона подтвердила, что исходит из права палестинцев на возвращение к их домам, как это констатируется в резолюции 194 ГА ООН.

Израильская сторона выразила свое понимание данной проблемы, заключающееся в том, что стремление палестинцев к возвращению к своим домам на основе указанной резолюции должно быть осуществлено в рамках одного из следующих вариантов: выезд на постоянное жительство в палестинском (арабском) государстве, переселение на территории, подлежащие обмену, с их последующей передачей Израилю, въезд на территорию собственно Израиля. Помимо этого признавалась возможность расселения беженцев в третьих странах. При этом отмечалось, что приоритет должен быть отдан расселению беженцев на территории Ливана. Палестинская сторона подчеркнула, что такого рода альтернативные решения должны являться результатом свободного выбора на индивидуальной основе.

В неофициальном порядке израильтяне предложили так называемую «пятнадцатилетнюю трехэтапную программу» ре-

шения проблемы беженцев. Она предусматривала, в частности, что в первые три года ее реализации в Израиль переселится порядка 25 тыс. палестинцев, затем еще 15 тыс. Параметры третьего этапа этой кампании подлежали дополнительному согласованию на основе оценки проведения в жизнь первых двух этапов. Это предложение было обсуждено, однако решение принято не было.

Обе стороны обсудили и согласились с идеей формирования Международной комиссии и Международного фонда в качестве механизма для определения порядка выплаты компенсаций беженцам. Также было согласовано положение о том, что компенсации на небольшие суммы будут рассматриваться в ускоренном режиме.

Израильская сторона подняла вопрос о компенсациях еврейским беженцам из арабских стран. При этом было достигнуто понимание, что данная проблема не входит в зону ответственности палестинской стороны и не должна быть предметом двустороннего соглашения.

Палестинцы со своей стороны поставили вопрос о реституции собственности беженцев, но израильская сторона отказалась его обсуждать.

В ходе дискуссий по проблематике безопасности израильская сторона акцентировала необходимость предоставления ей территории для размещения внутри палестинского образования станций раннего обнаружения. Палестинцы заявили, что в принципе они готовы пойти на это, однако конкретные модальности возможных договоренностей решено было обсудить в дальнейшем.

Сложным оказался вопрос об объеме полномочий будущего палестинского государства в сфере безопасности и обороны. Израильская сторона жестко отстаивала ту точку зрения, что Палестина должна быть немилитаризованным государством, как это предусматривалось в предложениях Б. Клинтона.

Палестинцы заявили, что они готовы принять концепцию будущего государства как «государства, имеющего ограничения в сфере вооружений». Стороны, однако, не пришли к конкретным договоренностям по параметрам таких ограничений. Вместе с тем они высоко оценили начало прямого и субстантивного обмена мнениями на этот счет.

Было достигнуто согласие в отношении того, что палестинское государство будет обладать суверенитетом над сво-

им воздушным пространством. Вместе с тем израильтяне поставили вопрос об использовании воздушного пространства Палестины для военных операций ВВС в случае возникновения угрозы безопасности Израиля, а также возможности проведения над территорией Палестины тренировочных полетов своих самолетов. Последнее предложение было отвергнуто палестинцами как несовместимое с нейтральным статусом государства Палестина. При этом было разъяснено, что такого рода привилегия не будет предоставляться и соседним арабским государствам.

В целом достижения переговорного процесса в ходе встречи в Табе представляются весьма существенными. Практически впервые были обсуждены параметры окончательного статуса, включая такие сложные и чувствительные для обеих сторон вопросы, как будущее Иерусалима, проблема беженцев, границы палестинского государства и др.

Между тем в Израиле происходили события внутривнутриполитического характера, которые имели исключительно важное значение для общей ситуации в ближневосточных делах.

6 февраля 2001 года произошла смена правительства в Израиле. Новым премьер-министром стал Ариэль Шарон, сменивший на этом посту Эхуда Барака. Шарон получил на выборах 62% голосов, Барак – лишь 38%.

А. Шарон начал свою деятельность на этом посту с подтверждения своей «традиционной», крайне жесткой позиции по всему комплексу проблем палестино-израильских отношений. Он сугубо негативно отзывался о предыдущих соглашениях, заключенных между сторонами, высказал критические замечания по поводу предложений Б. Клинтона.

Палестинцы восприняли приход к власти А. Шарона как отражение сдвига вправо настроений в политическом истеблишменте Израиля. В палестинской и арабской прессе отмечалось, что новый израильский премьер получил известность как политик, не останавливающийся перед применением силы при достижении поставленных целей. Именно он в 1982 году в качестве министра обороны Израиля руководил войсковой операцией в лагерях палестинских беженцев Сабре и Шатилле, которая привела к гибели большого числа палестинцев.

Эти тревожные ожидания, к сожалению, подтвердились. Столкновения между палестинцами и израильтянами принимали все больший масштаб. При этом осуществление плана Мит-

челла оказалось заблокировано. Каждая из сторон выдвигала в качестве «первого шага» те мероприятия, которые считала ключевыми в комплексе урегулирования палестино-израильских дел. Израильтяне акцентировали внимание на необходимости прекращения любых форм «экстремистских акций», палестинцы призывали к выводу израильских войск, нахождение которых на палестинской территории они расценивали как главный побудительный мотив для действия радикально настроенных элементов.

10 апреля 2002 года в Мадриде была проведена встреча представителей высокого уровня России, США, ЕС с участием Генерального секретаря ООН К. Аннана. Россию представлял министр иностранных дел РФ И.С. Иванов, США – госсекретарь К. Пауэлл, ЕС – Высокий представитель Европейского союза по общей внешней политике и политике в области безопасности Х. Солана. На встрече была рассмотрена ситуация на Ближнем Востоке и достигнута договоренность в отношении того, что «четверка» – РФ, США, ЕС и ООН – будут координировать свои действия в целях разрешения ближневосточного кризиса. По этой причине было решено, что специальные представители «квартета» будут проводить регулярные консультации для оказания содействия сторонам конфликта с целью прекращения конфронтации, продвижения политического процесса ближневосточного урегулирования.

Выступая по итогам этой важной встречи, министр иностранных дел РФ И.С. Иванов отметил, что «четверка» призвана выполнять функции постоянно действующего механизма до тех пор, пока не удастся остановить кризис и возобновить процесс политического урегулирования. Было также достигнуто понимание в отношении того, что как только «квартет» организует запуск переговорного механизма, представители четырех международных посредников встретятся с целью закрепления процесса политического урегулирования и определения его контуров и перспектив.

В течение второй половины 2002 года в ходе контактов представителей России, США, ЕС и ООН был подготовлен документ, содержащий своего рода план-расписание мероприятий палестинской и израильской сторон, осуществление которых позволило бы не только преодолеть кризис на этом переговорном направлении ближневосточного мирного процесса, но и выйти на окончательное урегулирование палестино-

израильского конфликта при наличии благоприятных условий уже в 2005 году. Наиболее важные черты этого документа, отличавшие его от многих других предложений последних лет, – комплексный характер, ясная фиксация этапов, целей переговоров на каждом из временных отрезков, а также определение конкретного «перечня» осуществляемых каждой из сторон мероприятий в увязке с временными параметрами.

В декабре 2002 года на встрече «четверки» – ООН, России, США, ЕС в Вашингтоне с участием министра иностранных дел России И.С. Иванова, Госсекретаря США К. Пауэлла, Высокого представителя Евросоюза по общей внешней политике и политике в области безопасности Х. Соланы, Члена Комиссии ЕС К. Паттена, ответственного за внешние связи, был принят план – «дорожная карта» осуществления палестино-израильского урегулирования. Участники встречи отметили, что предназначение трехфазной «карты» – осуществить изложенную в речи президента Дж. Буша от 24 июня 2002 года концепцию «двух государств» – Израиля и независимой, жизнеспособной, суверенной и демократической Палестины, живущих бок о бок в мире и безопасности. Вместе с тем было решено несколько отложить представление сторонам этого документа с учетом того, что в Израиле в этот период времени развернулась избирательная кампания. Участники встречи пояснили, что они принимают во внимание тот факт, что в период избирательных кампаний зачастую имеют место излишне эмоциональные, рассчитанные на завоевание голосов избирателей оценки. «Четверка» же стремилась к тому, чтобы с самого начала обсуждение «дорожной карты» шло в деловом духе.

В конце января 2003 года в Израиле были проведены внеочередные парламентские выборы. Победу одержала партия Ликуд. А. Шарон сохранил за собой пост премьер-министра.

В апреле 2003 года текст «дорожной карты» был представлен правительству Израиля и руководству Палестинской национальной администрации.

«Дорожная карта» – документ, составленный на основе четкой «увязки» конкретных обязательств сторон и временных рамок их осуществления. Цель плана была определена как окончательное и всеобъемлющее урегулирование палестино-израильского конфликта в 2005 году. При этом было разъяснено, что такое решение будет означать создание независимого, демократического и жизнеспособного палестинского государ-

ства, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем и другими соседними странами. Этим, – как подчеркивалось в документе, – будет положен конец палестино-израильскому конфликту и оккупации, начавшейся в 1967 году. В качестве международно-правовых актов, лежащих в основе «дорожной карты», назывались резолюции 242, 338 и 1397 СБ ООН, принципы, одобренные Мадридской мирной конференцией (включая «формулу» урегулирования «земля в обмен на мир»), соглашения, ранее достигнутые сторонами в ходе переговорного процесса, инициатива саудовского наследного принца Абдаллы, одобренная саммитом ЛАГ в Бейруте.

План ясно указывал на то, что реализация поставленных целей зависит главным образом от политики самих сторон конфликта. Вместе с тем он предусматривал существенную роль «четверки» международных посредников, которые должны были «проводить регулярные встречи на высоком уровне для оценки результатов деятельности сторон по реализации плана».

В преамбуле плана были сформулированы требования к каждой из сторон палестино-израильского противостояния. Так, в частности, было высказано пожелание, чтобы палестинский народ имел руководство, «решительно действующее против террора, желающее и способное на практике установить демократию, основанную на терпимости и свободе».

«Дорожная карта» определила три основных этапа на пути к примирению между палестинцами и израильянами.

Первый этап был охарактеризован как «окончание террора и насилия, нормализация условий жизни палестинцев, формирование палестинских институтов». Имелось в виду, что на осуществление этого этапа целесообразно было бы отвести минимальное время, «исходя из полной неприемлемости и крайней опасности продолжения террористической активности».

В рамках первого этапа палестинцы должны были «незамедлительно и без всяких условий» прекратить насилие. Отмечалось, что палестинцы и израильяне возобновят взаимодействие в сфере безопасности. Палестинцы проведут политические реформы всеобъемлющего характера для подготовки к созданию государственности, включая разработку проекта конституции и организацию свободных, честных и открытых выборов. Израиль со своей стороны выводит войска с палестинских территорий, оккупированных после 28 сентября 2000 года.

Стороны в целом восстанавливают существовавший на этот период статус-кво. Израиль также замораживает любую поселенческую деятельность и отказывается от принятия (в качестве меры «наказания» за совершенные палестинцами теракты) каких-либо действий, подрывающих доверие, включая депортацию, нападение на мирных жителей, конфискацию или разрушение домов палестинцев.

Представители «четверки» уже на первом этапе должны были вести неформальный мониторинг и консультации со сторонами по вопросу формализации и задействования наблюдательного механизма.

Также на первом этапе должны были быть реструктурированы палестинские спецслужбы и возобновлено сотрудничество в сфере безопасности с израильскими правоохранительными органами – во взаимодействии с США, АРЕ и Иорданией.

План предусматривал, что на первом этапе выполнения «дорожной карты» арабские государства должны были решительно пресекать любые формы финансирования и оказания помощи группировкам, «поддерживающим насилие и террор или причастным к ним».

Также на первом этапе предполагалось, что финансовая поддержка палестинцев со стороны доноров должна осуществляться только через консолидированный единый счет министерства финансов ПНА.

Параллельно должны были быть предприняты субстантивные шаги в направлении разработки проекта конституции палестинского государства, распространения этого документа среди палестинцев в целях организации его «общественного обсуждения». Должны были быть созданы условия для проведения вслед за этим «свободных, открытых и честных выборов на основе многопартийного процесса» в представительные палестинские органы власти.

В контексте улучшения гуманитарной обстановки в ходе первого этапа Израиль должен был со своей стороны обеспечить отмену режима комендантского часа, смягчить ограничения на передвижение людей и товаров.

Правительство Израиля должно было незамедлительно демонтировать незаконные «передовые поселения», созданные в период с марта 2001 года. Также в соответствии с предложениями Дж. Митчелла израильтяне должны были заморозить любую поселенческую деятельность, в том чис-

ле, в связи с «естественным ростом населения, проживающего в поселениях».

Второй этап «дорожной карты» был определен как «переходный».

Основное содержание этого этапа – создание независимого палестинского государства «во временных границах и с атрибутами суверенитета» на основе новой конституции. Переход к этому этапу зависел от консенсусного решения «квартета».

Предусматривалось, что на этом этапе будет созвана международная конференция с целью запуска переговорного процесса между палестинцами и израильтянами в направлении создания палестинского государства во временных границах. Важной целью международной конференции должно было стать также восстановление переговорного процесса на других направлениях мирных переговоров – сирийско-израильском и ливано-израильском.

На втором этапе также происходит восстановление многостороннего ближневосточного переговорного процесса, включая деятельность многосторонних рабочих групп.

Третий этап – выработка соглашений по постоянному статусу в целях завершения палестино-израильского противостояния.

Переход к этому этапу также должен был бы осуществляться на основе соответствующего решения «четверки». В рамках этого этапа происходит созыв второй международной конференции. Цель этого форума – утверждение договоренностей относительно создания палестинского государства во временных границах и оказание содействия выработке соглашений об окончательном статусе палестинских территорий, решению вопросов о границах, Иерусалиме, палестинских беженцах и израильских поселениях. Также конференция должна была «подтолкнуть» переговорный процесс в контексте выхода на всеобъемлющее урегулирование между Израилем и арабскими государствами – Сирией и Ливаном.

Завершающим мероприятием в рамках третьего этапа должно было бы стать согласие всех арабских государств на установление нормальных отношений с Израилем в соответствии с инициативой, утвержденной ЛАГ в марте 2002 года.

Важно подчеркнуть, что как палестинское, так и израильское политическое руководство в момент выдвижения плана «Дорожная карта» в целом позитивно отреагировали на его появление. Израильтяне, правда, сделали немало оговорок

в отношении модальностей возможного осуществления этого документа.

4 июня 2003 года в иорданском городе Акаба прошла встреча президента США Дж. Буша, премьер-министра Израиля А. Шарона и премьер-министра ПНА М. Аббаса, в которой принял участие также король Иордании Абдалла.

На встрече рассматривался план «дорожная карта». М. Аббас и А. Шарон выступили с заявлениями о готовности принять практические меры в целях запуска и последующего выполнения положений «дорожной карты», включая меры по пресечению террора и подстрекательства, ликвидации незаконных поселений, улучшению гуманитарной ситуации на палестинских территориях, возобновлению политического диалога.

Заявления, сделанные М. Аббасом и А. Шароном, были поддержаны «четверкой» международных посредников. В целом в этот период наметились определенные позитивные подвижки в позициях палестинцев и израильтян.

Реальное развитие событий, однако, вновь опрокинуло надежды на выправление ситуации в палестино-израильских делах.

11 июня 2003 года, всего через неделю после встречи с участием М. Аббаса и А. Шарона в Акабе, в центре Иерусалима был совершен новый крупный террористический акт. Террорист-смертник подорвал себя в рейсовом автобусе, в результате чего погибли 15 человек и свыше 60 получили ранения.

Израильтяне осуществили «акт возмездия», боевые вертолеты обстреляли машину активиста одной из исламских группировок. Было убито 10 палестинцев, 70 ранены. Среди погибших и пострадавших были мирные жители.

Все это было началом нового витка конфронтации.

Приходится констатировать, что этот период длится и по сегодняшний день. Это, как представляется, свидетельствует о «конструкционных» несовершенствах мирного ближневосточного процесса на его ключевом – палестино-израильском направлении.

Как представляется, стороны противостояния не в состоянии достичь урегулирования. В этих условиях международному сообществу необходимо более жестко, в нажимном ключе, действовать по двум направлениям.

Первое. Необходимо добиваться разъединения противоборствующих сторон, создания буферной зоны, которая исключала бы их военное соприкосновение. Одновременно должен

осуществляться мониторинг прилегающих пространств, который позволил бы не допускать нанесения бомбовых и ракетных ударов одной стороны по территории другой стороны.

Второе. Следует также жестко вести дело к формированию «единого пространства безопасности» для израильтян и палестинцев, предполагающего равную ответственность за поддержание стабильности и мира.

Третье. Следует в развитие «дорожной карты» выработать субстантивный документ, включающий большинство из вышеизложенных положений, выработанных в период 2000–2002 гг.

¹ См. Бакланов А.Г. Варианты решения палестинской проблемы ограничены // Независимое военное обозрение, 26.11.2004.

² How a comprehensive Israeli – Palestinian peace settlement would look. An International Crisis group report. 16 July, 2002, Amman/Washington/Brussels, с. 29–31.

³ Ibid., с. 32–37.

Т.В.Носенко

ПРИНЦИП ДВУХ ГОСУДАРСТВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Палестино-израильский конфликт остается одной из самых «горячих точек» не только на Ближнем Востоке, но и в мире. Уровень насилия, к которому прибегают обе стороны, не снижается. Попытки реанимировать переговорный процесс после конференции в Аннаполисе в конце 2007 г. фактически не дали никаких результатов. Переговорный процесс буксует, топчется на месте не только по причинам сложности поисков развязок по основным спорным вопросам, но и в связи с кризисом власти как в Израиле, так и у палестинцев. В Израиле кризисная ситуация разрешилась во внеочередных выборах 10 февраля 2009 г. Новый премьер-министр Б. Нетаньяху, лидер правоцентристской партии Ликуд, предполагает продолжить мирные переговоры, но при этом избегает какой-либо предварительной ангажированности относительно создания палестинского государства. В его программе по урегулированию акцентируется содействие экономическому развитию палестинцев и укреплению их сил безопасности.

После операции «Литой свинец» в Газе, проведенной Армией обороны Израиля, в январе 2009 г. в Каире под давлением арабских стран и международного сообщества при посредничестве египтян ХАМАС и ФАТХ вновь предприняли попытку договориться о создании переходного правительства, которое будет функционировать до выборов в ПНА в январе 2010 г. Однако это не принесло никаких результатов. С ХАМАС или без него руководство ПНА вряд ли откажется от диалога с Израилем, но перспектива создания в результате него палестинского государства остается туманной.

Завершение «эры Буша» в США и демонстративно повышенное внимание новой администрации президента Б. Обамы

с первых дней ее существования к ближневосточным делам, включая палестино-израильский конфликт, создает предпосылки для активизации посреднической роли Вашингтона в его урегулировании. Причем новый американский президент неоднократно заявлял о своем видении решения конфликта на основе принципа двух государств. Этот принцип поддерживается и международным квартетом (США, ЕС, ООН, Россия), выступающим сегодня в качестве важного посредника в мирном процессе.

Таким образом, принцип раздела бывшей подмандатной палестинской территории на два государства для двух народов, сформулированный ООН еще в 1947 г. в резолюции 181, остается в повестке дня ближневосточного урегулирования. Однако неудача процесса Осло, результатом которого должно было явиться создание палестинского государства, а также тупиковая ситуация на израильско-палестинских переговорах последних лет порождают сомнения в успехе его реализации. В леволиберальных академических кругах на Западе и в среде определенной части палестинских интеллектуалов в последние годы возродились дискуссии о возможности положить в основу ближневосточного урегулирования принцип одного государства, т.е. вернуться к варианту единого демократического арабо-еврейского государства, который обсуждался еще в период британского мандата в Палестине. По логике сторонников этого подхода, глубинные причины, препятствующие урегулированию, состоят в том, что условия, предлагаемые в качестве его основы (то есть принцип двух государств), не соответствуют реалиям, в которых он должен воплощаться. Израильская поселенческая политика привела к тому, что к западу от р. Иордан де-факто создано единое образование. Соответствующим, а может быть, единственно возможным ответом Палестинского национального движения на это может стать принятие данного свершившегося факта и начало кампании по интеграции всего населения этого района, то есть всех палестинских арабов в единую государственную структуру.

Для Израиля включение в состав государства арабов, проживающих на палестинских территориях, является совершенно неприемлемым по демографическим причинам. Но и создание палестинского государства в условиях усиления влияния в палестинском обществе радикального ислама

рассматривается многими израильтянами как экзистенциальная угроза. Недаром в Израиле приобрела популярность идея одностороннего отделения от палестинцев, материализовавшаяся в строительстве «стены безопасности» и уходе из Газы, при сохранении статус-кво Западного берега. Не зазорно сегодня в Израиле в отличие от нескольких десятилетий тому назад обсуждать и вариант трансфера (выселения, вытеснения) палестинцев с территорий их проживания. Вновь приобретает актуальность «иорданский вариант» 1970–1980-х гг., т.е. объединение Западного берега в той или иной форме с Иорданией. Газа в таком случае могла бы стать территорией, контролируемой Египтом.

Может ли какой-либо из этих вариантов серьезно рассматриваться как альтернатива принципу создания двух государств в решении палестино-израильского конфликта и каковы реальные шансы на успех каждого из них – вот вопросы, на которые автор стремится дать ответы в этой статье.

Принцип двух государств в исторической ретроспективе

Идея раздела Палестины между евреями и арабами зародилась еще в период мандатного правления Великобритании и нашла свое выражение в рекомендациях комиссии Р. Пиля, которая была направлена английским правительством в Иерусалим в конце 1936 г. Однако в тот период британцы, руководствуясь собственными интересами в арабском мире, сочли этот вариант утопичным. Он получил международное признание только в 1947 г. когда, Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию 181 (II), озаглавленную "Будущее правительство Палестины", предусматривавшую раздел страны на два самостоятельных демократических государства – арабское и еврейское. Арабское государство предполагалось создать на площади 11,1 тыс. кв. км (42,9% территории страны), еврейское – на площади 14,1 тыс. кв. км (56,5% территории). Иерусалим выделялся в особую территориальную единицу – *corpus separatum*.

Создание Государства Израиль было провозглашено 14 мая 1948 г., но палестинское арабское государство так никогда и не было создано. Этому помешали и своекорыст-

ные интересы соседних арабских стран, имевших свои виды на предназначавшиеся палестинцам территории, и слабость и раздробленность самих палестинских националистов. С этого времени основополагающими чертами палестинского национализма становятся отрицание права Израиля на существование как национального образования евреев и борьба (как декларативная, так и вооруженная) за возвращение себе всей палестинской территории в границах британского мандата. В Палестинской Национальной Хартии, принятой в 1968 г., недвусмысленно указывалось, что цель борьбы палестинцев заключается в «освобождении родины и возвращении на нее» (ст. 9), в «ликвидации сионистского присутствия в Палестине» (ст. 15), в «полном освобождении Палестины» (ст. 21)¹.

Только с середины 1970-х гг. в светском палестинском национализме начинают подвиги в сторону признания возможности создания национального государства на части палестинской территории. Этапной вехой в этом вопросе можно признать Политическую программу ООП, принятую на двенадцатой сессии Национального совета Палестины в 1974 г. В ней указывалось, в частности, что «ООП ведет борьбу всеми средствами ...за освобождение палестинской земли и создание народного, национального, независимого и продолжающего сражаться суверенного образования на любой части палестинской территории, которая будет освобождена»². Несмотря на воинственный и непримиримый тон этого документа в отношении сионизма и Израиля, он все же содержит зачатки политического реализма, постепенно проработавшего в ООП.³ В последующие годы палестинское руководство не раз демонстрировало двусмысленность своей позиции по этому вопросу, в одних заявлениях указывая, что провозглашение независимости на территориях, которые могут быть освобождены в результате борьбы, может привести к долгосрочному решению, то есть созданию на них государства. Другие же высказывания лидеров ООП свидетельствовали о том, что установление власти на части территорий будет рассматриваться как промежуточный этап на пути к полному освобождению всей Палестины.

Тем не менее во многом благодаря этим минимальным сдвигам, несмотря на всю их противоречивость, ООП в конце 1970-х – начале 1980-х гг. добилась существенного укреп-

пления своих позиций на международной арене. Было также положено начало контактам между израильтянами, принадлежавшими к левым кругам, и представителями ООП, что подготавливало почву для движения в направлении политического диалога.

Важнейшей вехой на пути трансформации палестинской позиции по территориальному вопросу стала 19-я сессия Национального совета Палестины, состоявшаяся в ноябре 1988 г. в Алжире, на которой в одностороннем порядке было провозглашено Государство Палестина. Его территория, как явствовало из принятого на сессии Политического заявления, должна была охватывать Западный берег р. Иордан, сектор Газа и арабскую часть Иерусалима (Аль-Кудс)⁴. Впервые ООП, преодолев левацкие, экстремистские тенденции, в официальном документе заявляла о создании арабского государства в Палестине не вместо, а наряду с Израилем. Одновременно Я. Арафат выступил с публичным заявлением о признании ООП резолюции 181 ГА ООН от 1947 г. о разделе Палестины и резолюции 242 Совета Безопасности ООН от 1967 г., требовавшей ухода Израиля с оккупированных территорий в обмен на установление мира. Фактически эти беспрецедентные заявления означали признание палестинцами Израиля как государства, существующего на территории бывшей подмандатной Палестины. Трансформация палестинской позиции открывала перспективу политического диалога между сторонами на основе признания национальных прав друг друга и поисков решения конфликта, исходя из принципа двух государств. Именно благодаря кардинальному изменению позиции ООП по территориальному вопросу стал возможным процесс Осло – первые прямые переговоры между сторонами по проблемам урегулирования.

Израильское видение мирного процесса как способа достижения территориального компромисса с палестинскими арабами сложилось в начале 1990-х гг. Партия труда и ее союзники пришли к власти в 1992 г. на волне ожиданий скорого урегулирования конфликта, которые были свойственны 65–70% израильтян.⁵ Следует напомнить, что к этому времени израильское общество находилось в состоянии «усталости» от непрекращавшихся актов насилия со стороны палестинцев. В условиях палестинского восстания – интифады против израильских граждан была развернута террористиче-

ская деятельность небывалого размаха, особенно активистами из недавно созданного движения ХАМАС. За шесть лет (1987–1993 гг.) в терактах погиб 161 израильтянин⁶. Инициаторы мирного процесса во главе с И. Рабином рассчитывали на то, что Я. Арафат как самая авторитетная и сильная фигура в Палестинском движении сопротивления сможет положить конец террору. Рабин говорил своим соратникам: «Пора снять маски на этом маскараде и начать говорить с самым главным начальником»⁷. К этому заключению подводила и безрезультатность двусторонних переговоров в Вашингтоне в формате Мадридской конференции, в которых ООП не принимала участия.

Палестинская интифада 1987–1993 гг. сфокусировала внимание израильского руководства на проблеме территорий. Рабин, будучи министром обороны в правительстве И. Шамира, заявлял о возможности территориальных уступок палестинцам, что открывало перспективу политического решения палестинской проблемы. Но во многих своих публичных выступлениях будущий «архитектор» мирного процесса тщательно подчеркивал неприемлемость создания палестинского государства на территории между Израилем и р. Иордан.

В палестино-израильском мирном процессе окончательный статус палестинских территорий был поставлен в зависимость от решения ключевых проблем израильско-палестинских и израильско-арабских отношений. В Декларации принципов, подписанной в сентябре 1993 г., речь шла о создании на переходный период в пять лет Палестинской самоуправляющейся администрации для Западного берега и Газы. По окончании этого периода в соответствии со статьей I Декларации должно было быть достигнуто окончательное урегулирование на основе резолюций 242 и 338 СБ ООН⁸. Несовместимые представления сторон о содержании окончательного статуса, которые так и не удалось сблизить в ходе переговоров, как представляется, и стали одной из главных причин краха процесса Осло.

Новый формат переговоров по урегулированию палестино-израильского конфликта был предложен в 2002 г. четверкой международных посредников – США, ЕС, ООН и Россией. В разработанной «квартетом» «Дорожной карте» уже со всей определенностью была поставлена цель поэтапного

продвижения к созданию независимого демократического палестинского государства, которое будет существовать в мире и безопасности с Израилем и другими соседями. На основе заложенных в «Дорожной карте» принципов были возобновлены мирные переговоры между израильтянами и палестинцами по решению конференции в Аннаполисе, прошедшей в конце 2007 г.

Очевидно, что переговорный процесс на основе принципа двух государств является фактом совсем недавней истории. Он стал возможным, когда стороны формально признали друг друга и согласились вступить в прямой диалог. Однако за официальным фасадом сохраняются глубоко укоренившиеся недоверие, подозрительность, просто нежелание по тем или иным причинам идти на уступки. Большинство палестинцев по-прежнему считает еврейское государство порождением колониальной эпохи, отказывая израильским евреям в законности их прав на собственное национальное образование. Они по-прежнему рассматривают конфликт как национально-освободительную борьбу арабского движения сопротивления с незаконно захватившими палестинскую землю колонизаторами.

Израильтяне со своей стороны видят во всех палестинцах пособников террористов и склонны особо утрировать угрозу своему государству, исходящую от радикальных исламских группировок. Признавая необходимость территориальных уступок, большая часть израильского общества опасается соседства с государством, которое не только будет гораздо более враждебным к Израилю, чем многие другие арабские государства региона, но и не откажется от цели его уничтожения.

Возможен ли раздел?

В политическом истеблишменте Израиля тем не менее прекрасно осознают, что территории, оккупированные Израилем с 1967 г. и рассматривавшиеся на протяжении многих лет как буфер безопасности и «разменная монета» в переговорах об окончательном урегулировании, перестают быть «полезным активом» и превращаются в тяжелую и опасную обузу. Они утратили свое стратегическое значение

в условиях, когда угроза обычной войны с арабскими странами фактически отпала. План одностороннего размежевания Шарона и вывод израильской армии и поселений из Газы в значительной степени были продиктованы соображениями необходимости «отделиться» от палестинцев, снять с себя ответственность за положение на палестинских территориях. Эти меры были расценены международным сообществом как намерение Израиля в одностороннем порядке провести границы своей территории, тем более что строительство «стены безопасности» как нельзя лучше отвечало этой цели.

Продвижение по пути создания палестинского государства требует совершенно иных территориальных решений, связанных с проблемой израильских поселений. Сложившаяся на Западном берегу ситуация в результате израильской политики «свершившихся фактов» уже заставила международное сообщество отказаться от предъявлявшихся Израилю с 1967 г. требований возвращения к «зеленой линии» 1949 г. В 2008 г. К. Райс в одно из своих последних посещений Рамаллы в качестве госсекретаря США заявляла палестинцам, что переговоры в настоящее время могут вестись только о 22% территории бывшей подмандатной Палестины⁹. В «Дорожной карте» от Израиля требуется всего лишь заморозить поселенческую деятельность.

Но израильская сторона не выполняет даже этих урезанных условий. Численность поселенцев на Западном берегу и в Иерусалиме, живущих за линией перемирия 1949 г., увеличилась с 364 тыс. в 2000 г. до 450 тыс. в настоящее время¹⁰. Официально израильские поселения занимают незначительную часть Западного берега – всего 1,7% территории, но с муниципальными зонами вокруг поселений, с зонами безопасности и дорогами, связывающими поселения, израильская инфраструктура, по данным ООН, занимает почти 40% его площади. Палестинское население на Западном берегу разделено на несколько изолированных кантонов, сгруппированных вокруг основных палестинских городов и окруженных пропускными пунктами. Израиль сохраняет за собой контроль за передвижением людей и товаров как между сектором Газа и Египтом, так и между Газой и Западным берегом. Израильская армия по-прежнему пользуется свободой действий на Западном берегу, а также и в Газе, как показала операция «Литой свинец».

Вывод даже небольшой части поселенцев, проживающих на Западном берегу, весьма проблематичен. Переселение 60–80 тыс. человек, а именно такие цифры назывались предыдущим правительством Ольмерта, потребует колоссальных затрат оценочно в 10 млрд. долл., и это при том, что израильское общество до сих пор не оправилось от травмы, которая была нанесена эвакуацией в десять раз меньшего числа поселенцев из Газы в 2005 г.

Из более чем 100 незаконных поселений, возникших после 2001 г., демонтирована лишь небольшая часть, то есть не выполняется одно из условий «Дорожной карты» и договоренностей в Аннаполисе. Поселенцы, особенно молодое поколение, оказывают яростное сопротивление любым попыткам властей пресечь создание незаконных поселений, так называемых форпостов, и этот ползучий захват земель находит поддержку в верхних эшелонах власти¹¹. Кроме того, в Израиле существует мощное лобби, которое оказывает поддержку поселенцам в силу определенной материальной заинтересованности или по идеологическим соображениям. Причем для получения государственных ассигнований на развитие поселений лоббисты нередко идут на политический шантаж в отношении правительства.

Отсутствие перспектив решения территориального вопроса усугубляется ситуацией на палестинских территориях. Два десятилетия спустя после того, как ООП согласилась с возможностью раздела Палестины на два государства, палестинские арабы вынуждены признать, что их лидеры не справились с управлением страной и налаживанием ее хозяйства. Сегодняшнее состояние палестинской экономики значительно хуже, чем 15–20 лет тому назад: каждый третий из пяти палестинцев живет за чертой бедности; собственная доходная база бюджета Палестинской администрации постоянно сокращается, а 30% бюджета составляет иностранная помощь. За последние 15 лет по различным каналам иностранной помощи на палестинские территории было направлено более 12 млн. долл., причем ее объем постоянно увеличивается. С 2004 г. по 2007 г. помощь палестинцам по различным гуманитарным программам ООН более чем удвоилась¹², но эффективность ее использования крайне низка. Негативно на развитии всей ситуации сказывается и высокий уровень коррумпированности во всех структурах Палестинской администрации.

Раскол в Палестинском национальном движении ослабляет его изнутри. Укрепление позиций ХАМАС и других радикальных исламских группировок на палестинских территориях снижает возможность достижения прочных и долговременных договоренностей с палестинской стороной, тем более что у палестинцев больше нет признанного общенационального лидера, каким был Я. Арафат. Перспектива создания собственного государства становится очень неопределенной.

Возвращение к идее единого двунационального государства

В отсутствии динамики в переговорном процессе и реальных условий для претворения в жизнь принципа двух государств палестинцы возвращаются к идее решения конфликта на основе принципа одного государства. Этот вариант находит поддержку в последнее десятилетие и в интеллектуальном сообществе Западной Европы, и в меньшей степени в США¹³.

Многие палестинские умеренные деятели, по-прежнему сохраняющие приверженность принципу двух государств, признают, что решение конфликта на его основе практически неосуществимо. По выражению президента университета Аль Кудс Сари Нуссейби, «мысль движется в одну сторону, реальность – в другую»¹⁴. В этих кругах высказываются предложения о возможности роспуска Палестинской администрации и возвращении к управлению территориями по схеме до 1994 г., когда палестинские арабы осуществляли местное самоуправление при сохранении израильской оккупационной администрации. Такой статус территорий позволит их населению бороться ненасильственными методами за реализацию своих прав в рамках одного государства.

Свои программы по решению палестинского национального вопроса разрабатываются и в палестинской диаспоре в западных странах. «Группа палестинской стратегии»¹⁵, в частности, выступившая со своим манифестом летом 2008 г. в Великобритании, отдает предпочтение принципу двух государств. В то же время члены этой группы явно под влиянием светских либеральных идей западных интеллектуалов разрабатывают и сценарий единого государства как преду-

преждевание Израилю о возможном ходе развития событий в случае, если он будет блокировать создание палестинского государства.

Возвращение палестинцев к идее одного государства, вероятно, является самым плачевным итогом прошедших двух десятилетий. Ведь в палестинском национализме так и не произошло пересмотра взгляда на израильских евреев как национальную общность, имеющую такие же законные права, как и все другие народы мира. И умеренные и самые радикальные палестинцы видят в них по-прежнему сообщество, порожденное колониализмом и незаконно захватившее принадлежащую арабам землю. Палестинское национальное сознание так и не смирилось с существованием Израиля, и это тем более опасно, что наряду со светским палестинским национализмом его исламистский соперник, исходя из другого мировоззрения, также придерживается стратегии отрицания противостоящей стороны. Естественно, что при таких условиях принцип единого двунационального государства не может быть поставлен в повестку дня урегулирования.

Варианты решения проблемы

Для Израиля решение конфликта на основе принципа одного государства неприемлемо. В нем заложено отрицание всего сионистского проекта и всех результатов его реализации. Немногочисленные сторонники этого варианта в среде самих евреев еще в догосударственный период подвергались остракизму и представляли маргинальное течение в сионизме. И в наши дни отдельным представителям израильских академических кругов и культурной элиты сохранение еврейского характера государства не кажется таким уж бесспорным императивом. Однако подавляющее большинство израильтян видят в историческом выборе, сделанном 60 лет тому назад, когда было создано еврейское государство, смысл существования Израиля и сегодня.

Сохранение статус-кво на территориях и отсутствие динамики в переговорном процессе на основе принципа двух государств как раз и втягивает Израиль в реальность одного государства. Согласно не самым пессимистическим оценкам, через пять-шесть лет арабы будут составлять большинство

или, по крайней мере, не менее 40% населения на территории, расположенной между р. Иордан и Средиземным морем. Это значит, что в пределах этих границ Израиль не сможет в долгосрочной перспективе сохранить себя как государство еврейского народа, в котором по определению большинство должны составлять евреи. Кроме того, из-за продолжающейся оккупации территорий, на которых проживают миллионы палестинцев, Израиль стремительно теряет поддержку значительной части международного сообщества, которое получает основания для оправдания насилия и военных средств борьбы, применяемых палестинцами против него. Решение территориальной проблемы становится жизненно важно для Израиля. По выражению известного израильского историка и политолога А. Сассера, «идеальная ситуация, которую, мы унаследовали после 1967 г., когда, как нам казалось, у нас есть сколько угодно времени, чтобы не принимать никаких решений, кончилась».¹⁶

Сегодня в Израиле наиболее радикально настроенные правые националисты, включая А. Либермана, лидера партии «Исраэль Бейтейну», который занял пост министра иностранных дел в правительстве Нетаньяху, вновь поднимают вопрос о трансфере (выселении) арабов и с оккупированных территорий, и с территории Израиля в границах 1967 г.

¹ The Palestinian National Charter Adopted by the Fourth Palestine National Assembly. 1968. The Institute for Palestine Studies – Beirut; The University of Kuwait. – Kuwait, 1971, с. 393.

² Political programme adopted by the twelfth session of the Palestine National Council. International Documents on Palestine. 1974. The Institute for Palestine Studies – Beirut; The University of Kuwait. – Kuwait, 1977, с. 449.

³ Такой точки зрения придерживается, например, А. Греш. PLO: The Struggle Within. L., 1988.

⁴ Political Statement of the 19th Session of the Palestine National Council, Algiers, 12–15 November 1988. In: Middle East Contemporary Survey, ed. by A. Ayalon, H. Shaked, v. XII, 1988. San Francisco, 1990, с. 264.

⁵ Slater R. Rabin of Israel. Warrior for Peace. 1996. Harper Paperbacks. N.Y., с. 501.

⁶ Slater R. Op. cit., с. 600.

⁷ Op. cit., с. 577.

⁸ The Israeli-PLO Declaration of Principles in: Makovsky D. Making Peace with the PLO. 1996. Westview Press, Boulder. Appendix XIV.

⁹ Newsweek, September 20, 2008, с. 20.

¹⁰ Носенко Т. Оккупированные территории и поселенческая политика Израиля: история и некоторые правовые аспекты // Государство Израиль: политика, экономика, общество. М.: ИВ РАН, 2006, с. 93.

¹¹ В ноябре 2007 г. Кнессет проголосовал против принятия заявления об эвакуации 105 незаконных форпостов – Jerusalem Post, 22.11.2007.

¹² Bitterlemons, 25 Sept. 2008, Edition 38, Volume 6 – <http://www.bitterlemons-international.org/previous.php>

¹³ См. по этой теме <http://www.one-state.net>; Tilley V. The One State Solution: A Breakthrough for Peace in the Israeli-Palestinian Deadlock. 2005. Ann Arbor. University of Michigan Press.

¹⁴ The Times, 02.03.2009.

¹⁵ <http://www.palestinestrategygroup.ps>

¹⁶ The Jerusalem Review. A Journal of Foreign Policy. V. 1, 2006–2007, № 1, с. 67.

А.З.Егорин

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Объявив себя правопреемницей СССР, Россия отказалась от великодержавного курса, которым злоупотребляли в Кремле и который привел к гибели советской империи.

Новое российское руководство отказалось от политики поляризации и идеологизации, через призму которых рассматривался мировой процесс; стало придавать меньшее значение роли силы и любованию собственным «историческим величием»; отказалось также от иерархии в отношениях с другими странами, т.е. отвергло главные принципы политики бывшего Советского Союза.

Россия является крупной европейской и одновременно крупной азиатской державой. На этих двух основных геополитических направлениях – европейском и азиатском – она должна умело и гармонично определять свои приоритеты, не отдавая долговременных предпочтений ни одному из них. Партнерство России с Западом, комбинационное и подвижное, будет укреплять ее отношения с Востоком и Югом. Партнерство с Востоком и Югом обеспечит самостоятельность в контактах с Западом. «Вестернизация» же или «истернизация» российской политики, какими бы доводами они ни обосновывались, неизменно вызовет недоверие тех или других, рано или поздно приведет к дисбалансу в отношениях между странами, а то и к тупиковой ситуации.

Переход от тотальной конфронтации с Западом к братанию с ним – иллюстрация того, с чего нельзя было начинать после распада СССР российскому МИДу, переступавшему границы разумного в стремлении к союзничеству с НАТО, ЕЭС, США и другими «сильными мира сего». В свое время некоторые из тех, кто и сейчас определяет курс России, критиковали М. Горбачева за «отсутствие внутренней стратегии и тактики» и внешней тоже. Бывший президент СССР улы-

бался Западу, пытаясь завуалировать полную беспомощность, проявленную во внутренней политике. Затем, в «переходный период», когда реформы в России, стали тормозиться так же, как в бывшем Союзе, команда Б. Ельцина явно торопилась сохранить «западный имидж», зная, что он создавался в тех же кабинетах. Тем не менее этот имидж не спас от политического банкротства, хотя царедворцы и навязывали свои взгляды стареющим лидерам. Сегодня и имиджмейкеры, и руководители страны вроде молоды, но насколько сильно влияние на них олигархов, число которых только в Москве приближается к 100?

На глобальном уровне отказ от конфронтации, создания блоков, снижение уровня вооружений супердержав, несомненно, способствовали потеплению международной обстановки, но это потепление не сказалось на региональном уровне. Более того, оно выдвинуло на передний план проблему безопасности, во всяком случае, для России. Формула оборонной достаточности, рожденная как альтернатива формуле силового противовеса, оставила ее конструктора М. Горбачева без «варшавского зонтика». С распадом СССР на роль ракетных держав претендуют вчерашние союзники – Украина, Казахстан, отношения с которыми еще надо наладить. И это в то время, когда границы НАТО настойчиво расширяются на Восток.

Надежда российского руководства на «мировой порядок» с помощью ООН, прозвучавшая в одном из выступлений Б. Ельцина в Совете Безопасности ООН, – это была надежда, что и ООН заступится за нас, как она заступилась за Кувейт. В ответ последовало включение «зеленого света» для действий США и их союзников в регионах, на что недвусмысленно намекают на Востоке. Таких действий, которые уже продемонстрировали США и их союзники в Афганистане и Ираке с молчаливого согласия Кремля.

Такая «вестернизация» российской политики – это проявление старой мессианской, традиционной закваски: пожертвовать национальными интересами во имя красивой идеи стать цивилизованным государством и, конечно же, снова оказаться в «авангарде борьбы за торжество свободного рынка». «Вестернизация», настораживающая Восток.

Нельзя также бросаться в другую крайность – полностью развернуться к Востоку вместо того, чтобы прагматично, в зависимости от своей выгоды, а не от мнения Европы или Аме-

рики, реагировать на меняющиеся процессы в мусульманском и немусульманском мире Востока.

Приоритеты России на Ближнем, Среднем Востоке и в Северной Африке, как представляется, следовало бы выстроить в следующем порядке:

Прошедший в Дамаске в конце марта – начале апреля 2008 г. Арабский саммит оставил тягостное впечатление от размытости итоговых формулировок о терроризме до прав народов на борьбу с иностранной оккупацией. И нельзя не согласиться с предупреждением М. Каддафи, выступившего с зажигательной речью о том, что если арабы не претворят в жизнь идей мусульманского братства, то «всех их ждет по очереди судьба повешенного Саддама Хусейна или отравленного Ясира Арафата». М. Каддафи прямо сказал: «Арабы не имеют ничего, ни единой валюты, ни единой экономики, ни единого рынка, одни только бесконечные ссоры. Так что же нас ждет?»¹

Попытаемся ответить на этот вопрос М. Каддафи.

Иракская трагедия шокировала регион, и здесь может произойти значительная перегруппировка сил. Усилятся позиции Турции и Ирана, как и их соперничество между собой. Произошло сближение Египта и Саудовской Аравии. В тяжелом положении оказалась Сирия, которая может пойти на заключение с Израилем сепаратного мира. Американцы рано или поздно свернут свое присутствие в Ираке, но попытаются оставить там часть своего контингента. Палестинский вопрос поставлен, но Израиль проводит политику проволок с созданием Палестинского государства, и война за мир в регионе продолжается².

Разобщенность арабского мира дает новый импульс для активизации региональных группировок и союзов. Наиболее мощным может стать союз государств зоны Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Оман, Кувейт), идущий на явное сближение с Западом. Расширение связей этой группы с США, Европой, Японией станет для них гарантом развития и одновременно безопасности. Другая группа стран (Йемен, Иордания, Ирак) будет играть на дистанцировании между Ираном и Турцией и препятствовать созданию оси Египет – Саудовская Аравия – оси, вокруг которой могут бушевать основные политические страсти Арабского Машрика, в котором США мощными экономическими инъекциями попытаются потушить пожар антиамериканизма и фундаментализма³.

По-видимому, автономно будут развиваться процессы в Союзе арабских стран Магриба, в котором преобладающей станет ориентация на Европу, предложившую арабам в начале 2008 г. создать Средиземноморский союз государств как нечто единое с Европой (задумано, судя по всему, воссоздание еще одной Римской империи?). Марокко, беспокоясь о проблеме Западной Сахары и периодических вспышках радикализма внутри страны, как и об отсутствии перманентности в отношениях с соседями, особенно с Алжиром, конечно же, уделяет этому самое пристальное внимание. Тунис делает еще больший крен в сближении с США, что может вызвать недовольство Ливии. Алжир будет занят решением проблемы активизации в стране фундаменталистских элементов. Мавритания будет искать пути улучшения экономического положения и одновременно следить за соседним Сенегалом⁴.

В создавшихся условиях каждая из группировок арабских стран будет в большей степени ориентироваться на помощь извне и в меньшей степени на взаимопомощь внутри региона. Можно ожидать, что США разовьют здесь наибольшую активность, стремясь восстановить свой престиж, потрепанный жестокостями войны в Ираке. Но за их действиями будут внимательно следить страны ЕС, Япония, новые азиатские гиганты. Бум восстановления ущерба, нанесенного иракской войной, а вместе с этим и борьба за перераспределение сфер влияния в регионе могут вызвать новые противоречия, с одной стороны, и подогреют дистанцирующие факторы, – с другой. Военная, экономическая, политическая зависимость арабских стран от мировых центров силы наверняка определит пределы допустимого сотрудничества одних сил с другими, дальше которого они не пойдут. Это позволит и возрожденной России по-новому там определиться. Для того, чтобы в регионе все «стало на место», потребуется не менее 10 лет. За это время, наблюдая и маневрируя (а заодно и решая свои внутренние дела), можно было бы выработать и новую модель нашей политики на Ближнем Востоке. В этот же «переходный период» желательно внести только определенные коррективы и «наработать» основные ее принципы.

Главное в них – прагматизм и взаимовыгодное сотрудничество.

Политика России в регионе, по-видимому, будет являться отражением глобальных изменений, зависеть от потепления

международного климата. Если этот процесс по каким-то причинам затормозится, безуспешными будут и наши попытки сделать что-то новое для себя и на Ближнем Востоке. Надо иметь в виду, что НАТО расширяется не только на восток, но и на юг. Это опасно не только для России, но и для Ближнего Востока тоже⁵.

Самым главным, как представляется, должно быть наше усилие по ликвидации дисбаланса вооруженных сил и вооружений в регионе. Он – не в нашу пользу. Группировка на Южном фланге НАТО значительная, она не уменьшается, а наращивается по мере того, как пересматривается численность группировки НАТО в Европе. На линии Восток-Запад вооружения сокращаются, по линии Средиземного моря и южнее напряжение остается.

Проводившаяся ранее ориентация на «дружественные страны» себя не оправдала. Алжир, Ливия, Сирия, Ирак, не ухудшая до крайностей отношения с нами, не стремятся развивать их так, как это делали раньше. Они хотели бы и в будущем получать от нас вооружение и техпомощь, но при заметно уменьшающемся желании платить за них, а увеличившаяся задолженность (теперь России) заставляет их изыскивать возможности отсрочки погашения долгов. Одной из таких возможностей они считают ухудшение отношений с нами. Между тем в каждой арабской стране есть как враги, так и друзья России. И на друзей (группы лиц, партии, организации, фирмы и др.) можно было бы сделать ставку или использовать их в качестве союзников. Модель дистанцирования, ставшая модной в регионе, постепенно пересматривается в пользу России, поскольку влияние США во многих странах региона превысило предел, допускаемый национальными интересами. И это создает условия для движения стран региона, традиционно находившихся в зависимости от Запада, в нашу сторону, в то время как те же соображения отталкивают от нас традиционных друзей, названных выше (Сирию, Ливию и Алжир прежде всего).

Поставки оружия в регион, по-видимому, не прекратятся. Но в этом вопросе требуется координация действий с другими поставщиками вооружений на Ближний Восток, включая и частные корпорации. Возможно, странам следует договориться о квоте, выше которой не должен подниматься уровень поставок. Ввести «запретительные списки» вооружений, не подлежащих ввозу в регион. Поставить на обсуждение этот вопрос

в ООН. Иначе обострений снова не избежать, не избежать новой войны.

Особые проблемы существуют у России с Турцией и Ираном в связи с их попытками усилить свое влияние в странах СНГ.

Добрососедские отношения Россия должна установить со всем Востоком. Но сначала она должна повернуться к нему.

Усиленное внимание Душанбе, Ташкенту, Бишкеку, Ашхабаду, Баку уделяют те страны, которые веками боролись с Россией за свое влияние. Турция пытается вдохнуть новую жизнь в Организацию экономического сотрудничества (ЭКО), членами которой, кроме Турции, Ирана и Пакистана, стали Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан, а в будущем к ним могут присоединиться еще Афганистан, Казахстан, Монголия и мусульманская община Кипра. В свою очередь Иран, опасаящийся уменьшения своего влияния на мусульманские республики бывшего СССР, стремится к реализации идеи образования Организации государств Каспийского моря в составе России, Туркменистана, Казахстана, Азербайджана. Эту идею Турция поспешила назвать «излишеством». Иран, вступив в противостояние с США, одновременно прилагает усилия к упрочению своего влияния в бывших советских республиках Средней Азии. В Тегеране создано специальное правительственное управление, координирующее действия Ирана. Конечная цель – добиться, чтобы Тегеран «играл ту же роль в блоке исламском, какую СССР играл в коммунистическом». Совершенно очевидно, что эти действия будут направлены против России⁶.

В рамках региональной борьбы за влияние можно рассматривать и инициативу Ирана по урегулированию карабахского конфликта. Роль, которую хотели сыграть в этом ранее Б. Ельцин и Н. Назарбаев, видимо, оказалась поспешной и неэффективной, в первую очередь из-за «имперского имиджа» руководителей России и Казахстана. В Тегеране учли, видимо, и то, что посредничество Турции, навязываемое американцами, отвергается Ереваном, а вмешательство ООН неприемлемо для Баку. Такое разыгрывание «карабахской карты», возможно, является шагом в нужном направлении, но России в таком случае надо сделать паузу.

В перспективе можно ожидать, что соперничество Турции и Ирана в этом районе будет увеличиваться до того предела, после которого может нарушиться баланс сил, невыгодный как Западу, так и «остальному» Востоку.

Турция и Иран исторически соперничали с Россией за влияние на соседние регионы. Противостояние России спасло от турецкого ига кавказские народы, а от иранского – среднеазиатские. Вряд ли уроки прошлого там забыты. А если забыты, то о них вспомнят, когда пройдет эйфория суверенизации. К тому времени аппетиты Анкары и Тегерана уже зайдут довольно далеко. На Турцию Россия может весьма эффективно влиять через особые отношения с НАТО и ЕС, на Иран – через укрепление дружественных связей с Индией и Китаем, с одной стороны, и через налаживание двусторонних равноправных отношений с бывшими республиками СССР, прямых и в рамках СНГ, – с другой.

¹ Время новостей, 4.04.2008.

² Reinhart T. Israel – Palestine. How to End the War of 1948 // Seven Stories Press. N.Y., 2005, с. 158.

³ Al-Ahram Weekly. Cairo, 03.01.2008.

⁴ Мелкумян Е.С. Реформы в Арабском мире: внутренний и внешний аспекты // Ближний восток и современность. Выпуск 30. М., 2007, с. 161.

⁵ Борисов А.Б. Арабский мир: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН, 2002, с. 14.

⁶ Аль-Альвани С. Аля ихрадие аль-мушрикин мин Джазират аль-араб (о выходе восточных участников из арабского острова). Аль-Араб, 2007 – www.alhesban.net/v/showthread.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ –
НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА**

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Исламский экстремизм был вызван к жизни целым комплексом факторов, таких как негативные аспекты экономической модернизации, маргинализация значительных слоев населения, провал «социалистического эксперимента», разочарование в национализме и неприятие капитализма, неспособность правящих режимов решить социальные проблемы, покончить с коррупцией и обеспечить поступательное развитие, отторжение вестернизации, чувство национального унижения, порожденное оккупацией Палестины и Ирака. Результат – стремление найти в исламе пути решения существующих проблем, превращение мусульманской религии в знамя борьбы за справедливость и независимость.

Превращение терроризма в международную угрозу стало возможным, благодаря глобализации, придавшей национальный характер экономическим, политическим, идеологическим проблемам современного общества, сделавшей прозрачными государственные границы, приведшей к появлению всемирных информационных систем, превратившей миллионы людей в мигрантов. Возникли предпосылки к превращению национальных экстремистских организаций в интернациональные, появлению террористических сетей, охватывающих весь мир. Терракты планировались теперь нередко в одной стране, финансировались из другой и осуществлялись в третьей. В цели для террористов превратились не только отдельные объекты, но и целые города (как это имело место при проведении боевиками «Лашкар-э-тайба» операции в Мумбаи в Индии в конце 2008 г.)

Первой транснациональной фундаменталистской группировкой была Ассоциация «Братья-мусульмане» (АМБ), созданная в 1928 г. в Египте школьным учителем Х. аль-Банной. Позже секции этой организации, деятельность которых направлялась и

координировалась из Каира, возникли в ряде арабских стран. В последующем, однако, они утратили связь с Центром и превратились в самостоятельные группировки. В настоящее время организации «Братьев-мусульман» существуют в государствах Ближнего Востока и Магриба, в Турции, Пакистане, Афганистане, а также в мусульманских общинах в Германии, Великобритании, Швейцарии. Действуют они независимо друг от друга, хотя и проводят время от времени координационные встречи.

С самого начала АМБ получала финансовую помощь от Всеобщей компании Суэцкого канала, рассматривающей ее как силу, способную противостоять египетским националистам. Затем, когда «Братья-мусульмане» вступили в конфронтацию с насеристами, им стали оказывать поддержку и британские спецслужбы. Афганские «Братья-мусульмане», развернувшие еще до Апрельской революции 1978 г. борьбу против светского режима М. Дауда, установили через Пакистан контакты и наладили сотрудничество с Центральным разведывательным управлением США.

После Второй мировой войны возникла еще одна международная фундаменталистская организация – Партия исламского освобождения (ПИО).

Советская интервенция в Афганистане повлекла за собою интернационализацию джихада и формирование «Аль-Каиды», с самого начала представлявшей собою наднациональную структуру. Позже под ее патронажем возник Всемирный фронт джихада. После вывода советских войск из ДРА и падения прокоммунистического правительства упоенные победой «ветераны джихада» стали ударной силой террористических организаций, ведущих борьбу за свержение «нечестивых режимов» или за освобождение от власти «неверных» в Алжире, Египте, Саудовской Аравии, Пакистане, на Филиппинах, в Чечне, Дагестане. Захват в 1996 г. Движением «Талибан» (ДТ) Кабула повлек за собою превращение «Исламского эмирата Афганистан» в центр международного терроризма. Его территория стала операционной базой «Аль-Каиды». В ИЭА проходили подготовку иностранные боевики, в том числе с Северного Кавказа и из Средней Азии.

Немалую роль в становлении «Аль-Каиды» сыграли американцы. В Вашингтоне, где опасались, как бы также противостоящие Кабулу роялисты и прозападно настроенные либералы не пошли на сговор с правящим режимом, быстро пришли

к выводу, что наиболее непримиримым противником афганских коммунистов и русских являются исламисты, и сконцентрировали усилия на оказании помощи им. Успешное взаимодействие с фундаменталистами породило у американцев иллюзию, что теми можно манипулировать. Ошибочность такого рода расчетов выявилась уже через несколько лет после вывода из Афганистана советских войск. В 1996 г. руководителем «Аль-Каиды» У. бен Ладеном была принята положившая начало глобальному террору фетва, в которой он призвал к повсеместному (а не только в Сомали или Саудовской Аравии) уничтожению американцев и их союзников. Апогеем «глобального джихада» стали теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. «Америке, по воле всемогущего Бога, нанесен удар в жизненно важные органы», – так отреагировал на происшедшее У. бен Ладен.

Целью экстремистов, по словам заместителя руководителя «Аль-Каиды» А. аз-Завахири, является «установление шариата на всех землях ислама, создание всемирного исламского халифата и возвращение исламу былого величия». Делая ставку на насилие, фундаменталисты рассматривают терроризм как универсальное средство достижения успеха. Но при этом террористические группировки не придерживаются единой стратегии. Некоторые из них считают главным свержение «вероотступнических правительств» в мусульманских странах, что открывает путь к эффективной борьбе против «внешнего врага» – Израиля, Соединенных Штатов, Запада в целом, другие отдают приоритет борьбе против «дальнего врага», полагая, что его разгром повлечет за собою крах «марионеточных режимов» в исламском мире.

Фундаменталисты всегда придавали первостепенное значение пропагандистской работе, сознавая, что успех деятельности исламистских группировок во многом зависит от преданности своему делу входящих в них людей. Только подвергшийся интенсивной идеологической обработке боевик способен стать фидаем, без колебаний жертвующим собой при совершении террористического акта, либо рассматривать как богоугодное дело убийство ни в чем неповинных мирных жителей, женщин, детей. Только эффективная пропаганда может обеспечить приток в исламистские организации «свежей крови», породить симпатии к экстремистам у общественности мусульманских стран, побудить сочувствующих «правому делу» де-

лать добровольные финансовые взносы. Руководство экстремистских группировок прекрасно сознает и роль пропаганды как эффективного средства борьбы с противниками исламистов. Налицо четкое понимание способности пропаганды формировать в массовом сознании нужные фундаменталистам представления о происходящих событиях, более того – об окружающем мире в целом. В транснациональном плане пропаганда призвана поддерживать идеологическое единство исламистского движения.

Фундаменталистские организации сумели создать мощный пропагандистский аппарат, укомплектованный хорошо подготовленными кадрами и оснащенный современными техническими средствами. Вопросами пропаганды занимаются в этих группировках специальные структурные подразделения. В частности, в руководящем органе «Аль-Каиды» – Шуре такая задача возложена на Отдел по связям с общественностью.

Проведение идеологической работы облегчается высокой степенью религиозности населения. Даже в такой вестернизированной и секуляризированной стране, как Тунис, 21% молодежи считает религию основным элементом, предопределяющим культурную самобытность тунисцев, а 31% ощущает себя принадлежащим к исламскому миру.¹ В силу этого религиозно-возрожденческая пропаганда не воспринимается на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке как нечто, а priori чуждое существующим там представлениям и стереотипам.

К настоящему времени сложилась следующая ситуация. Единого всемирного центра, из которого осуществлялась бы координация акций террористов, не существует. На международной арене действует несколько самостоятельных организаций, объединенных не структурно, а идеологической общностью. Но при этом транснациональные экстремистские группировки располагают сетями вербовки боевиков и переброски их в зоны боевых действий, организационной, финансовой и технической инфраструктурами, базами, инструкторами, источниками получения оружия, возможностями изготовления фальшивых документов, собственной разведкой и контрразведкой.

Наиболее крупной из этих группировок является «Аль-Каида». Ее руководящий аппарат – Шура базируется в Афганистане, но количество находящихся там боевиков не столь уж велико. Более значительные вооруженные формирования этой организации сосредоточены в Пакистане, откуда они,

впрочем, при необходимости легко проникают в ПИГА. Тем не менее основной силой исламистского сопротивления продолжает оставаться Движение Талибан (ДТ). В его рядах сражается большое число иностранных добровольцев, в основном чеченцы, узбеки, саудовцы и европейские мусульмане.

С военной точки зрения перелома в пользу американских войск, Международных сил содействия безопасности в Афганистане и афганской армии так и не наступило. Более того, ситуация ухудшается. По словам министра обороны ПИГА А.Р. Вардака, хотя средства «напряжены до предела», в 2008 г. не удалось отвоевать у ДТ и «Аль-Каиды» новые районы страны, и это при том, что нынешний год стал наиболее кровавым с момента начала антитеррористической операции в 2001 г. В Афганистане сейчас находится «больше талибов и иностранных боевиков, чем во все последние годы, и они действуют в большем числе провинций, чем прежде... Террористы наводняют наши пористые границы». Они «хорошо организованы», не испытывают недостатка в «ресурсах и снаряжении», применяют «новую тактику и более отлаженную координацию». В целом, констатировал А. Р. Вардак, «в настоящее время приходится иметь дело с намного более сильным противником».

Впрочем, успехи ДТ и «Аль-Каиды» не следует преувеличивать. Действительно, потери международного контингента – 226 человек за девять месяцев 2008 г. – уже стали наиболее тяжелыми за весь период боевых действий. Но в абсолютных цифрах они отнюдь невелики. Не может быть и речи о том, что талибы и «Аль-Каида» нанесут поражение силам коалиции. Другое дело, что нынешняя ситуация, когда ни одна из сторон не в состоянии одержать верх, может сохраняться бесконечно долго, и все это время контролируемая талибами территория будет служить операционной базой для «Аль-Каиды».

Финансирование деятельности ДТ и «Аль-Каиды» осуществляется за счет продажи наркотиков. Американцы разработали планы бомбардировок лабораторий по производству героина, но против этого возражают англичане, опасаящиеся, что такие бомбежки приведут к дополнительным жертвам среди населения, что еще более ухудшит их отношение к силам коалиции. Основания для подобных опасений действительно имеются. По данным, приведенным в докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности»

от 29 сентября 2008 г., за первые восемь месяцев 2008 г. в ПИГА погибло 1,4 тыс. гражданских лиц, что на 39% больше, чем за тот же период 2007 г. При этом 40% потерь среди мирных жителей стало следствием боевых операций, проводимых афганской армией и международными силами.

К тому же у американцев возникла новая проблема – нехватка войск. Как признал в своем выступлении 24 сентября в Комитете по делам вооруженных сил Сената министр обороны США Р. Гейтс, налицо настоятельная необходимость переброски в Афганистан трех дополнительных бригад, но осуществить передислокацию американцы в лучшем случае могут лишь весной или летом 2009 г., да и то лишь в случае увеличения сроков службы в контингенте, находящемся в Ираке.

Эскалация боевых действий происходит и в *Пакистане*, где, по словам генерала Д. Петруэса (который должен с 31 октября 2008 г. возглавить Центральное командование ВС США), боевики «угрожают самому существованию» этого государства.

Главным же «полем боя» продолжает оставаться *Ирак*. Успех там стал в последнее время постепенно склоняться на сторону американцев и центрального правительства. Заметно снизился уровень насилия. Число убитых мирных жителей в августе (359 человек) и сентябре 2008 г. (382 человека) в два и два с половиной раза меньше, чем в августе и сентябре 2007 г. соответственно. Меньше стали и потери среди американских военнослужащих – 8 убитых в сентябре 2008 г. по сравнению с 62 убитыми в сентябре 2007 г. Эффективным ходом американцев стало налаживание взаимодействия с формированиями лояльных Багдаду суннитских племен и проправительственных военизированных группировок, такими, например, как подразделения «Сахва» или организация «Сыновья Ирака», которые проводят контрпартизанские и антитеррористические операции самостоятельно либо совместно с американскими войсками.

По словам командующего Многонациональными силами в Ираке Р. Одьерно, на 80% территории страны обстановка стабилизировалась.² Практически ежемесячно под контроль иракских войск передаются новые провинции. Как заверил, выступая 26 сентября 2008 г. на 63-й сессии Генассамблеи ООН президент Ирака Дж. Талабани, уже в конце 2008 г. иракское руководство «будет готово взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в стране». Продолжается сокращение численности американских экспедиционных сил: к февралю

ию 2009 г. должно быть выведено еще 8 тыс. военнослужащих армии США.

Тем не менее до окончательной нормализации обстановки пока далеко. По оценке Р. Гейтса, «политический прогресс остается слишком медленным», иракские армия и полиция все еще «не обладают многими ключевыми способностями», а «угроза со стороны группировки «Аль-Каида» и других экстремистов... еще очень велика».

По-прежнему нестабильна ситуация на *Аравийском полуострове*, где 17 сентября 2008 г. был осуществлен теракт против посольства США в Йемене. Государственный департамент в заявлении от 24 сентября 2008 г. назвал высоким уровень террористической угрозы в этом регионе, где, как полагают в Вашингтоне, «Аль-Каида» и связанные с ней организации планируют атаки против американских интересов».

Заметен рост интереса «террористического интернационала» к *Ливану*, где активизировалась ассоциированная с «Аль-Каидой» группировка «Джунуд аш-Шам». Во второй половине 2008 г. неоднократно предпринимались попытки проникновения связанных с «Аль-Каидой» вооруженных экстремистов из Ливана в *Сирию*. По словам президента САР Б. Асада, северные районы этой страны превратились «в настоящую базу фундаменталистов и представляют серьезную угрозу безопасности Сирии».³ К тому же и в самой САР действует связанная с «Аль-Каидой» антишиитская группировка «Такфиристы».

В *Алжире* Организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба продолжает свои операции и пытается распространить их на Тунис, Марокко и Мавританию. Тем не менее пик террора, похоже, там все-таки позади.

Мусульманские общины в *Европе* остаются для международных террористических организаций поставщиками рекрутов и источником финансирования. Но при этом угроза осуществления в странах Европейского союза террористических актов далеко не снята.

Что касается *России*, то хотя на Северном Кавказе обстановка несколько нормализовалась, причины, породившие всплеск исламизма, полностью не искоренены, и угроза новой волны дестабилизации продолжает сохраняться. Толчок этому может дать переброска в регион «ветеранов джихада» в случае их «выдавливания» из Ирака. К тому же на территории на-

шей страны действовали, а возможно, и продолжают действовать ПИО и «Аль-Каида».

Глобальный характер террористической угрозы требует объединения в борьбе с нею усилий мирового сообщества. После терактов 11 сентября была сформулирована антитеррористическая коалиция. Ее создание позволило разгромить ИЭА и тем самым лишить «Аль-Каиду» поддержки государства-спонсора. Хотя под контролем ДТ продолжает оставаться часть территории Афганистана, усилия талибов сосредоточены сейчас на борьбе с войсками центрального правительства и коалиционными силами, что ограничивает возможности оказания ими помощи международным экстремистским организациям.

К антитеррористической коалиции присоединилась сразу же после ее создания также и Россия. Этот шаг Москвы выглядел как абсолютно обоснованный, и сотрудничество с Западом на данном направлении следует продолжать, несмотря на вызванное событиями в Закавказье ухудшение российско-американских отношений. В частности, не следует ни в коем случае идти, поддавшись эмоциям, на запрет на использование территории нашей страны для транзита грузов, предназначенных для французского и немецкого контингентов в Афганистане (аналогичная договоренность, достигнутая с Организацией Североатлантического договора, не осуществляется, действуя, по словам министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, лишь формально). Нельзя при этом упускать из виду, что поскольку операция в ПИГА проводится по решению Совета Безопасности, мы обязаны в соответствии со ст. 43 Устава ООН предоставить участвующим в ней силам «помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода». Главное же – победоносное завершение антитеррористической кампании отвечает российским интересам, и в силу этого нам следует делать все возможное, чтобы способствовать успеху операции.

Как существенный практический вклад нашей страны в противодействие экстремизму следует рассматривать созываемые с 2002 г. на российской территории ежегодные совещания старших должностных лиц служб безопасности и правоохранительных органов. Очередная встреча такого рода, в которой приняли участие 78 делегаций из 55 стран и представители 4 международных организаций, состоялась 6–7 сентября 2007 г. в Хабаровске⁴. На ней обсуждались вопросы совершенствования сотрудничества спецслужб в сфере борьбы против международных террористи-

ческих организаций, использования ими интернета, а также в деле обмена информацией между правоохранительными органами.

Важным направлением антитеррористической борьбы остается для России Средняя Азия. Достаточно вспомнить, что этот регион стал базой проникновения в нашу страну ПИО, ячейки которой были раскрыты в Татарстане, Башкортостане, Сибири. В целях противодействия экстремизму в Средней Азии была учреждена Организация Договора о коллективной безопасности и открыт региональный антитеррористический центр СНГ. В 1996 г. к коллективным усилиям подключился Китай, по инициативе которого была сформирована «Шанхайская пятерка» (преобразованная позже в Шанхайскую организацию сотрудничества). В 1997 г. РФ содействовала примирению между Душанбе и Объединенной таджикской оппозицией (основу которой составляла ПИО), продемонстрировав тем самым, что исламизму можно успешно противостоять не только военными, но и – когда обстановка этому благоприятствует – политическими методами. Вместе с тем достичь такого уровня координации, к которому стремились в Москве, не удалось. Узбекистан и Таджикистан не пошли на создание совместного с нашей страной союза для противодействия радикальному исламизму, видимо, опасаясь чрезмерного, по их мнению, сближения с Россией, что было бы чревато разбалансированием системы их международных связей. Не хватило сил и на планировавшееся в 1994 г. создание в среднеазиатском регионе 30 российских военных баз⁵.

Главным центром многосторонней координации контртеррористической деятельности является Организация Объединенных Наций, но при этом надо отдавать себе отчет, что на уровне ООН подобная координация не может не иметь «рамочного характера». Практическое же взаимодействие в большей степени осуществляется между правительствами, спецслужбами, министерствами иностранных дел на двусторонней основе.

Но при этом крайне важно не ограничиваться собственно борьбой с терроризмом, а уделять должное внимание устранению порождающих этот феномен причин: ликвидации разрыва в уровнях развития между Севером и Югом, урегулированию региональных конфликтов, наращиванию диалога цивилизаций.

Серьезный ущерб противодействию экстремизму нанесли непонимание этого американцами, порожденная у них плохим знанием Востока иллюзия, что достаточно воздвигнуть, так сказать, в центре Багдада или Кабула Капитолий и Белый дом и

провести всеобщие выборы, чтобы с терроризмом было сразу же покончено, в Ираке и Афганистане восторжествовала демократия и воцарилось всеобщее благоденствие. Оказалось, что совсем недостаточно...

В Афганистане, несмотря на полученные с 2001 г. миллиарды долл., экономика продолжает находиться в состоянии полного упадка, и страна по-прежнему относится к числу самых бедных в мире. Из-за роста цен на продовольствие работающий афганец может сейчас купить на свою зарплату на четверть меньше продовольствия, чем в 2007 г. 42% населения живет в состоянии крайней нищеты. Численность безработных превышает 40%. В серьезнейшую проблему превратилась коррупция. Среди среднего класса начинает распространяться ностальгия по временам Демократической Республики Афганистан и пребывания в стране советских войск, когда уровень жизни населения был если не высоким, то приемлемым и сохранялись низкие цены на продовольствие.

Сложившимся почти катастрофическим положением в экономике умело пользуются талибы. Как констатирует профессор Кабульского университета В. Сафи, продовольственный кризис существенно облегчил ДТ вербовку новых боевиков. В свою очередь глава Провинциального совета Кандагара А. Карзай полагает, что рост числа вооруженных столкновений «вызван главным образом отсутствием работы, плохим состоянием экономики страны и высокими ценами на продукты питания».

Хотелось бы верить, что в Вашингтоне смогут сделать из полученных горьких уроков правильные выводы. Обнадешивает, во всяком случае, заявление президента США Дж. Буша 1 октября 2008 г., что для достижения победы в Афганистане необходима «всеобъемлющая стратегия», предусматривающая не только увеличение численности американских войск, но и «гражданскую составляющую», которая должна включать в себя повышение эффективности работы центрального правительства и «программы помощи».

¹ Аль-Муляхиз, 21–27.03.2001, с. 34.

² Интервью Р. Одьерно газете «Ю-Эс-Эй Тудей». – USA Today, 01.10.2008.

³ Интервью Б. Асада газете «Аль-Бейрак». – Аль-Бейрак, 01.10.2008.

⁴ <http://fr.rian.ru/world/20070905/76886718.html>.

⁵ Малащенко А. В. Ислам для России. М., 2007, с. 146.

Б.В.Долгов

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В СТРАНАХ МАГРИБА

Исламистское движение и его экстремистское течение – радикальный исламизм или джихадизм (от арабск. *джихад* – священная война) продолжают оставаться наиболее значительным феноменом XXI в. Мы рассмотрим проявления радикального исламизма в трех странах Северной Африки – Алжире, Тунисе и Марокко. Причины подъема фундаменталистской идеологии в арабо-мусульманском мире в целом и в Северной Африке, в частности, были обусловлены как внутренними причинами, специфическими для каждой страны, так и внешними факторами. Тем не менее можно констатировать, что общим явлением, характерным для внутренней ситуации в Алжире, Тунисе и Марокко, в конце 80-х гг. XX в. стало обострение социально-экономических проблем. В Алжире и Тунисе это происходило на фоне политического кризиса. Что касается внешних факторов, то они во многом были обусловлены следующими важными событиями истории XX века. Первое – исламская революция в Иране (1978–1979 гг.), свергнувшая шахский режим, пытавшийся осуществить вестернизацию Ирана. Иранская исламская революция явилась своеобразным импульсом для распространения и экспансии исламистских концепций в мусульманском мире, хотя и имела определенно ограниченный характер в силу своей шиитской догматики, отличающейся в известной мере от суннитского «исламского проекта». Второе – гражданская война в Афганистане (1979–1992 гг.), привлекая тысячи мусульман со всего исламского мира, в том числе из стран арабского Магриба, в ряды *муджахидов* (борцов за веру), воевавших против афганского правительства, стремившегося реализовать в Афганистане социалистическую идею, и поддерживавших его советских войск. Необходимо отметить, что в тот период, характеризовавшийся глобальным противостоянием двух сверхдержав и соответственно двух военно-политических блоков,

существенную роль в становлении радикального крыла исламистского движения сыграли также США и Саудовская Аравия. Эти государства, стремясь ослабить своего главного стратегического противника – СССР, оказывали всевозможную поддержку исламистским организациям, направлявшим наемников для борьбы с афганским правительством. Впоследствии афганские «муджахиды» (арабы и выходцы из других мусульманских стран) составили ядро многих радикальных исламистских группировок как в арабских странах, в т.ч. в Магрибе, так и в «горячих точках» по всему миру. В то же время развал советского блока и крах социалистической доктрины, явившиеся наиболее важными событиями конца XX в., косвенным образом также стали факторами, способствовавшими распространению исламистской идеологии. Речь идет о том, что в результате коллапса «социалистического лагеря» на рубеже 80–90-х годов XX в. происходит отказ ряда арабских стран от ранее провозглашавшейся ими идеологии национализма с элементами социализма (национальный или исламский социализм). В результате образовавшийся своеобразный идеологический вакуум стал заполняться различными исламистскими концепциями, отражавшими, в том числе, социальный протест неимущих слоев населения, т.к. многие арабские страны переживали в этот период социально-экономический кризис.

В Алжире на волне масштабной демократизации общественно-политической жизни, проходившей на фоне системного кризиса, переживавшегося страной, в начале 90-х гг. сформировалось и выросло в наиболее влиятельную политическую силу самое массовое в арабском мире исламистское движение^{*} – Исламский фронт спасения (ИФС). Легитимному приходу к власти исламистов после того, как на муниципальных и парламентских выборах за ИФС проголосовало около 50% избирателей, помешало вмешательство армии, традиционно занимавшей доминирующее положение в жизни алжирского общества. Это, в свою очередь, привело к радикализации исламистского движения, экстремистские силы которого развязали многолетнее вооруженное противостояние с властями.

^{*} Согласно заявлениям председателя алжирского Исламского фронта спасения (ИФС) Аббаси Мадани, в начале 90-х гг. XX в. в рядах ИФС состояло около 3 млн. алжирцев.

В своей активной форме оно продолжалось с 1992 по 1999 гг., в течение которых погибло более 150 тысяч алжирских граждан. Алжир был поставлен на грань гражданской войны и стал одним из очагов радикального исламизма, борьба с которым продолжается до сих пор. Тем не менее руководство Алжира во главе с президентом Абдель Азизом Бутефликой, избранным в 1999 г. и переизбранным на второй срок в 2004 г., сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм и, с другой стороны, инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Был принят закон об амнистии исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. была одобрена на общенациональном референдуме «Хартия за мир и национальное примирение», имевшая целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем, кто был вовлечен в экстремистские группировки. Со значительной долей уверенности можно констатировать, что большинство алжирцев и алжирского истеблишмента поддерживает политический курс президента Бутефлики, направленный на улучшение социально-экономической ситуации в стране, дальнейшее развитие демократических процессов и одновременно жесткое подавление экстремизма. Отражением этого курса является завершение новой редакции гражданского, уголовного и семейного кодексов. Наряду с этим планируется существенным образом повысить роль местных органов власти и совершенствовать процесс демократизации общественно-политической жизни. В связи с этим вносятся изменения и дополнения в законы о местном самоуправлении, политических партиях и СМИ. В целях инициирования развития местного самоуправления на основании финансового бюджета на 2008 г. и разрабатываемых Министерством внутренних дел поправок к статусу *бальядий* и *вилай* (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивается почти в десять раз. При разработке перспективных программ дальнейшего социально-экономического развития страны алжирское руководство учитывает недавний исторический опыт «черного десятилетия» (так в Алжире называют период вооруженного противостояния оппозиционных группировок с властями в 1992–1999 гг.) и уделяет большое внимание как социальным вопросам, так и политике по отношению к той части населения, которая считает необходимым сохранение мусульманских исторических традиций и «исламских ценностей» в качестве непереносимого

условия дальнейшего развития алжирского общества. В правительственной программе развития Алжира на 2004–2009 гг. планируется, в частности, ввод в строй более 1 млн. единиц жилья (к 2008 г. уже возведено около 500 тыс. единиц жилья). В то же время провозглашается, что «алжирский народ, внесший огромный вклад в развитие и распространение ислама, и впредь будет прилагать все усилия для сохранения и дальнейшего процветания великой арабо-мусульманской цивилизации»². Большой интерес и дискуссию в обществе вызвало предложение, поддержанное парламентом, «Национальной организацией муджахидов» (ветеранов национально-освободительной борьбы 1954–1962 гг.), Форумом руководителей предприятий (крупнейшей организацией представителей алжирского бизнеса, объединяющей руководителей как государственных, так и частных предприятий) и премьер-министром о внесении поправок в Конституцию Алжира, предусматривающих, в частности, предоставление третьего мандата для президента страны на президентских выборах в 2009 г. Соответствующий закон, закрепляющий данные поправки, был принят в ноябре 2008 г., а официальное выдвижение кандидатуры А. Бутефлики на пост президента Алжира в качестве независимого кандидата состоялось 13.02.2009 г.³. Несмотря на то, что действующий президент далеко не молод (род. в 1936 г.) и не совсем здоров (Бутефлика страдает язвой желудка. В 2005 г. он находился на лечении во Франции, где ему была сделана операция), большинство политических сил поддерживает Абдель Азиза Бутефлику и его курс, и видит в нем харизматического лидера, которому нет равноценной альтернативы на настоящий момент. Необходимо подчеркнуть, что умеренное крыло алжирского исламистского движения достаточно полно представлено в алжирском парламенте – Национальной народной ассамблее (ННА) тремя политическими партиями. Причем они не представляют собой единого парламентского блока. Две из них – «Движение общества за мир» (ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани, и «Нахда», во главе которой стоит Ляхбиб Адами, в настоящее время входят в президентскую коалицию и полностью поддерживают президентский курс. Более того, партия ДОМ, обладающая достаточным политическим весом (на парламентских выборах 2007 г. она получила 52 депутатских места), наряду с партиями НДО и ФНО составляет основу президентской

коалиции в ННА. Третья исламистская партия, представленная в ННА, «Движение за национальную реформу» (ДНР), возглавляемая одним из наиболее известных деятелей умеренного исламизма Абдаллой Джабаллой, состоит в оппозиции официальному курсу, выступает против правительственной программы широкомасштабной приватизации и ратует за «исламскую социальную справедливость». ДНР, считавшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивает доверие у избирателей, получив на парламентских выборах 2007 г. всего 3 депутатских места (на прошлых парламентских выборах 2002 г. ДНР имела 43 места). В то же время руководство бывшего ИФС пытается добиться отмены судебного решения о его роспуске (принятого в 1992 г.) и вновь выйти на политическую авансцену. Бывшие лидеры ИФС и «Исламской армии спасения» (ИАС) в интервью алжирской прессе объявляют о своей готовности работать совместно с властями для возрождения Алжира. Так, например, Аббаси Мадани и Али Бенхадж (бывшие президент ИФС и его заместитель) заявили, что в результате их активного посредничества многие боевики из экстремистских группировок, действовавшие в десяти центральных и восточных провинциях страны, сложили оружие и сдались властям. В свою очередь Мадани Мезраг, бывший эмир Исламской армии спасения (ИАС), проводивший посреднические переговоры с боевиками, объявил, что он не пожалеет усилий, чтобы вернуть обманутых алжирских братьев к мирной жизни⁴.

В Алжире действует также радикальное течение исламизма, которое в настоящее время представлено в основном двумя вооруженными группировками – «Салафитской группой для проповеди и борьбы» (СГПБ) и «Вооруженными исламскими группами» (ВИГ), которые насчитывают в своих рядах, по разным оценкам, от 650 до 1 тыс. боевиков. Причем ВИГ

* Исламская армия спасения (ИАС) – военное крыло ИФС. Сформирована в 1994 г., участвовала в вооруженном противостоянии с властями. В 1997 г. между ИАС и алжирской армией было заключено перемирие, в соответствии с которым ИАС совместно с силовыми структурами Алжира участвовала в операциях по подавлению исламистских группировок ВИГ и СГПБ. В 2000 г. Мадани Мезраг объявил о самороспуске ИАС.

в начале 2000-х гг. распались на несколько, зачастую враждующих между собой группировок, а их бывший лидер отказался от вооруженной борьбы. СГПБ была создана в 1998 г. Хасаном Хаттабом, одним из командиров ВИГ, не согласным с *такфиристской* доктриной тогдашнего национального эмира ВИГ Антара Зуабри. Хасан Хаттаб, пользовавшийся поддержкой Бен Ладена и иорданского исламистского идеолога Абу Катады, издававшего в 90-е гг. в Лондоне исламистский журнал «Аль-Ансар» (Соратники Пророка), провозгласил возврат к «подлинному салафизму», вышел со своими сторонниками из состава ВИГ и создал собственную группировку – СГПБ. Наряду с действиями внутри Алжира СГПБ, выполняя указания руководства «Аль-Каиды», с 2004 г. предпринимала попытки распространить джихад на территории других африканских государств, поддерживавших, по заявлениям «Аль-Каиды», «агрессивную политику США». Такими странами были Мавритания, Республика Чад, Мали, Нигер и Буркина-Фасо, где появились салафитские проповедники⁵. Двое видных руководителей СГПБ Хасан Хаттаб и Абд ар-Раззак аль-Пара возглавили отряды боевиков, пытавшиеся «экспортировать» джихад за пределы Алжира^{***}. В 2006 г. «нацио-

* *Такфир* (араб.) – обвинение в неверии. На основе доктрины такфиризма, исповедовавшейся лидерами ВИГ, в неверии обвинялись все, в том числе мусульмане, не разделявшие концепции ВИГ.

** *Салаф* (араб.) – праведный предок. Салафизм – доктрина, проповедующая как идеал общественного устройства, мусульманскую общину эпохи Пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов – Абу Бакра, Омара, Османа и Али.

*** Абд ар-Раззак со своей группой сумел проникнуть на территорию Мали и в одной из наиболее бедных провинций – Кидале приступил к вербовке местного населения в ряды СГПБ, намереваясь сделать этот район своей опорной базой в Мали. Затем он попытался пройти на территорию Нигера, чтобы установить контакт с местными исламистскими боевиками, но его отряд был обнаружен, и Абд ар-Раззак вынужден был изменить маршрут и перешел на территорию Республики Чад. Здесь Абд ар-Раззак пытался наладить связь с антиправительственной группировкой «Движение за демократию и справедливость в Чаде» (ДДСЧ) и склонить ее руководство к совместным действиям с СГПБ. Тем не менее переговоры не увенчались успехом, в том числе из-за идеологических разногласий, так как ДДСЧ было создано на

нальный эмир» СГПБ Абд аль-Ваххаб Друкдель объявил о присоединении СГПБ к «Аль-Каиде» и изменил ее название на «Аль-Каида исламского государства Магриб» (КИГМ). В 2006–2008 гг. КИГМ активизировала свои террористические действия и осуществила ряд взрывов в различных городах Алжира, в т.ч. в столице. В результате погибли десятки алжирцев, как военнослужащих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых были 11 сотрудников миссии ООН в Алжире. Достаточно значительную роль в КИГМ играют «алжирские иракцы», т.е. молодые алжирцы (по различным оценкам, их несколько сотен), получившие боевой опыт в Ираке, где они действовали против оккупационных сил США. По возвращении в Алжир часть из них вступает в ряды КИГМ и применяет здесь свой «иракский опыт». Необходимо отметить, что борьба с проявлениями экстремизма является одной из наиболее важных задач, стоящих в настоящее время перед алжирским руководством, которое использует для ее решения, в том числе международную помощь. В рамках подписанного между Алжиром и РФ в 2001 г. Договора о стратегическом партнерстве наряду с экономическим и политическим сотрудничеством продолжается работа совместной алжирско-российской группы по сотрудничеству в области борьбы с терроризмом и по вопросам безопасности. В то же время в сентябре 2008 г. началась подготовка к заключению договора о стратегическом сотрудничестве между Алжиром и США, одним из главных пунктов которого будет координация усилий двух стран в борьбе с международным терроризмом, в частности с КИГМ. В связи с участвовавшими террористическими актами в Алжире усилены меры безопасности и регулярно проводятся мероприятия по предотвращению актов террора.

светской основе и не разделяло фундаменталистской идеологии СГПБ. Однако Абд ар-Раззак не оставлял намерения создать на территории Республики Чад в горной области Тибести укрепленный район по подобию афганского Тора Бора и провозгласить себя «эмиром африканского Сахеля». С этой целью он намеревался вступить в переговоры с немногочисленной, но более радикальной по сравнению с ДДСЧ группировкой, возглавлявшейся чадскими исламистами, исповедовавшими салафизм. Однако, направляясь к месту конспиративной встречи Абд ар-Раззак аль-Пара погиб в результате несчастного случая (сорвавшись в пропасть на горной дороге).

Например, в марте-апреле 2007 г. объединенные силы армии, полиции и жандармерии провели войсковую операцию, в результате которой был разгромлен крупный отряд КИГМ (около ста боевиков), его опорный пункт, склады с оружием и взрывчаткой. Таким образом, можно констатировать, что эскалация террористической активности радикального исламизма в Алжире в 2006–2008 гг. не привела к дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране. Основные силы экстремистских группировок в Алжире подавлены, тем не менее о полной стабилизации обстановки говорить еще рано.

В **Тунисе** проходили во многом идентичные алжирским процессы, т.е. подъем исламистского движения на фоне социально-экономического и политического кризиса, переживавшегося страной в конце 80-х гг. Тем не менее за последние годы Тунис достиг существенного прогресса как в экономическом развитии, так и в демократических преобразованиях. Его руководству удалось вывести страну из кризисного состояния, существенно улучшить экономическую ситуацию, а также в достаточной степени поднять жизненный уровень основной массы населения. Так, в среднем за период 2000–2005 гг. ВВП в расчете на душу населения в Тунисе составил \$2321 (94-е место в мире). Для сравнения на тот же период в Алжире этот показатель равен \$1978 (103-е место), в Марокко – \$1390 (135-е место), в Египте – \$1356 (133-е место)⁶. В частности, в Тунисе были разработаны специальные программы (на общегосударственном и региональном уровне) по профессиональной подготовке молодежи и созданию дополнительных рабочих мест, а именно, «Программа по вовлечению молодежи в профессиональную жизнь».

Необходимо отметить также, что президент Бен Али после своего прихода к власти в 1987 г. упразднил существовавшие ранее в Тунисе суды государственной безопасности и чрезвычайные трибуналы. Одним из первых законов, принятых новым руководством, стал Закон о политических партиях

* 13.02.2009 г. на востоке Алжира (примерно в 100 км. от г. Аннаба) был совершен террористический акт, в результате которого погибли четверо мирных граждан и трое военнослужащих жандармерии, тяжело ранен офицер жандармерии. Ответственность за теракт взяла на себя экстремистская группировка «Аль-Фатх аль-мубин» (Уверенная победа), входящая в состав КИГМ.

(Закон № 32 от 3 мая 1988 г.), согласно которому запрещается использовать религию в политических целях. Кроме того, партии должны оставаться независимыми от какого бы то ни было иностранного влияния, им также запрещено получать любую форму помощи от зарубежных организаций и физических лиц. Важной особенностью нового закона явилась закрепленная в нем обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия решения о роспуске политической партии, в то время как в предыдущем Законе об ассоциациях (1959 г.) такая процедура была необязательной. В настоящее время в Тунисе действуют девять политических партий, шесть из которых (Демократическое конституционное объединение, Партия народного единства, Социально-либеральная партия, Движение «ат-Тадждид» (Обновление), Движение демократов-социалистов и Демократический юнионистский союз) представлены в парламенте и имеют официальное право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Особо следует выделить организации, официально не имеющие статуса политической партии, но в то же время пытающиеся влиять на общественно-политическую жизнь, представляя на выборах своих кандидатов в качестве независимых. Это прежде всего находящаяся на полулегальном положении партия «Ан-Нахда», лидеры которой в начале 90-х гг. ратовали за создание «исламского государства» в Тунисе. В то же время в Тунисе действуют небольшие объединения различной политической направленности от арабских националистов, баасистов и насеристов до ультра-левых социалистов.

Важным политическим событием в Тунисе стали проходившие в 2004 г. президентские и парламентские выборы. Им предшествовали произведенные в 2002 г. и одобренные на общенациональном референдуме изменения в тунисской конституции. Согласно этим изменениям, была сформирована нижняя палата тунисского парламента – Консультативный совет. Ранее тунисский парламент состоял из одной палаты – Совета депутатов. Наряду с этим были упразднены ограничения на переизбрание президента на следующий мандат и увеличен предельный возраст для претендента на президентский пост (до 75 лет), что позволило действующему президенту Бен Али (род. в 1936 г.) выставить свою кандидатуру и быть избранным на пост президента на четвертый срок (2004–2009 гг.).

Необходимо отметить, что в последние годы как в Тунисе, так и в других арабских странах наблюдается усиление внимания к мусульманской идентификации и политизации ислама, особенно в молодежной среде. Это явление, скорее всего, нельзя назвать «подъемом исламизма». Тем не менее Калифа Шатер, представитель тунисской профессуры, вице-президент Ассоциации международных исследований назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом». Причем данный процесс имеет не только религиозный, но также культурологический и социально-политический характер. В определенной мере этот феномен можно охарактеризовать как своеобразный ответ «арабской улицы», демонстрирующей таким образом свою мусульманскую самоидентификацию в ответ на определенные элементы исламофобии. А именно: карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные в некоторых европейских газетах, неудачные высказывания по поводу ислама папы римского, а также продолжающееся военно-политическое давление Запада и прежде всего США, проявляющееся в постоянной поддержке Израиля в арабо-израильском конфликте, вторжении в Ирак, а также ливанском, афганском, иранском кризисах. Тем более, что часть молодежи арабских стран является в достаточной степени политизированной и живо интересуется политическими событиями, происходящими в мире, чему способствует распространение кабельного телевидения и сети Интернета. В то же время именно молодежь в наибольшей степени страдает от нерешенности внутренних социально-экономических проблем в арабском мире и, особенно, безработицы. Главари террористических организаций, прикрывающиеся лозунгами ислама, используют такую ситуацию в своих целях, объявляя действия Запада «войной против ислама». Пытаясь таким образом усилить свое влияние в молодежной среде, они в некоторых случаях достигают своей цели. В январе 2007 г. спецслужбы Туниса в ходе успешной операции ликвидировали в пограничном с Алжиром районе группу боевиков, насчитывавшую 27 человек (граждан Туниса). Боевики имели на вооружении автоматы, гранатометы, большое количество взрывчатых веществ и планировали осуществить террористические акции в столице Туниса и ряде крупных городов. В ходе следствия выяснилось, что боевики проникли на территорию Туниса из сопредельного района Алжира, где они проходили боевую

подготовку в течение 45 дней на нелегальных тренировочных базах алжирской террористической группировки «Аль-Каида исламского государства в Магрибе». В этой связи необходимо отметить, что президент Бен Али проводит умелую и взвешенную политику. Он сохраняет принципиальную преемственность с политическим наследием первого президента Туниса Х. Бургибы и в то же время подтверждает арабо-исламскую идентификацию Туниса. Наряду с этим президент Бен Али жестко преследует любые проявления экстремизма и сохраняет имидж харизматического лидера. Это в немалой степени способствовало тому, что ряд политических партий выдвинул кандидатуру Бен Али на пятый мандат на президентских выборах, которые состоятся в Тунисе в 2009 г.

В **Марокко** король Мухаммед VI, вступивший на престол в 1999 г. после кончины своего отца короля Хасана II, провел ряд достаточно важных политических и административных реформ с целью демократизации общественно-политической жизни страны. В феврале 2004 г. вступил в силу новый Семейный кодекс (*Мудавана*), предоставляющий больше прав женщинам. Больше свободы и возможностей получили политические партии. По инициативе короля была создана «Комиссия по расследованию нарушений прав человека», имевших место в период правления короля Хасана II. В ходе административной реформы были приняты постановления с целью ограничения всевластия губернаторов, борьбы с коррупцией и усиления роли выборных законодательных органов в провинциях. Коррупционированность государственного аппарата оставалась одной из главных проблем Марокко, о которой в своем докладе упомянули эксперты Международного банка. В то же время необходимо подчеркнуть, что коррупции и злоупотреблениям власти в той или иной мере подвержены многие режимы арабских и мусульманских стран (и не только), и Марокко не является в этом смысле каким-то исключением. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что коррупционированность и неэффективность государственного аппарата, а также всевозможные нарушения и злоупотребления властей дают бесприкрытый козырь в руки исламистских идеологов. Они предлагают простое и быстрое, по их заявлениям, решение проблемы – свержение коррупционированного и «неверного режима» и построение «исламского государства» на основах «справедливых законов Корана и шариата», в котором воца-

рится «исламская социальная справедливость». В то же время необходимо отметить, что в 2000-е гг. в Марокко продолжался процесс расслоения общества, уровень жизни значительной части населения оставался низким, острые социально-экономические проблемы – безработица, жилищный кризис, неразвитость жилищно-коммунальной структуры в провинциях и бедных кварталах – оставались нерешенными. Практически по всем гуманитарным показателям, в т.ч. по количеству неграмотных, Марокко было аутсайдером среди арабских стран.

Мухаммед VI, пытаясь осуществить модернизацию экономики, демократизацию и обновление госаппарата, с одной стороны, продолжал политику реформ Хасана II, и в то же время в известной степени совершал «революцию сверху». Она затрагивала все ветви государственного аппарата, включая армию и правоохранительные органы. Причем вновь назначаемые руководящие кадры должны были соответствовать так называемой «схеме Мидауи», то есть системе отбора, сформулированной ближайшим помощником короля Ахмедом Мидауи. Эта система включала в себя два основных критерия – высокие моральные качества (честность, неподкупность) и профессионализм, подтвержденный предыдущей безукоризненной службой. Среди таких высших функционеров «поколения Мухаммеда VI» можно отметить министра внутренних дел Шакиба Бенмусса (назначен на этот пост в 2006 г.), получившего высшее техническое и юридическое образование во Франции и США, и Амину Белькадра, министра энергетики, шахт, водных ресурсов и окружающей среды, закончившую Высшую национальную техническую школу в г. Нанси во Франции⁷. Амина Белькадра, которую в Марокко называют «мадам Энергетика», заняла этот пост в 2007 г.

Что касается исламистского движения в Марокко в 2000-х гг., то умеренные исламисты продолжали быть представлены двумя наиболее значительными организациями – политической Партией справедливости и развития (ПСР) во главе с ее генеральным секретарем Саадом Дин Османи и движением «Справедливость и благодеяние» (*аль-Адль ва-ль-ихсан*), которым руководит шейх Ясин. Наряду с ними функционируют также другие общественно-религиозные организации, среди которых продолжает выделяться «Ассоциация исламской молодежи» (АИМ), «Группа Мухаммеда» и «Священное братство

Зейтуни». Наиболее влиятельной является ПСР, завоевавшая на последних парламентских выборах в сентябре 2007 г. 40 депутатских мест из 450 (на предыдущих парламентских выборах в ноябре 2002 г. ПСР получила 38 мест). Причем руководство ПСР заявляло, что успех партии мог бы быть еще большим, как и число завоеванных депутатских мест, если бы не использование властями «административного ресурса». В свою очередь ассоциация «Аль-Адль ва-ль-ихсан», возглавляемая шейхом Ясином, проявила значительную активность во время парламентских выборов 2007 г., организовав митинги своих сторонников и встречи с избирателями (которые в некоторых случаях разгонялись полицией), и тем не менее смогла получить лишь одно депутатское место.

Что касается радикальных исламистских группировок в Марокко, то одной из наиболее известных и многочисленных является «Салафитский джихад» (*салафийя джихадийя*), боевики которой осуществили громкие террористические акты 16 мая 2003 г. в г. Касабланка, в результате чего погибли несколько десятков человек. Полицией было арестовано около 4 тыс. исламистов, подозреваемых в причастности к терактам (из них почти 3 тыс. 500 чел. впоследствии были освобождены). 390 из них были приговорены судом к различным срокам заключения, причем 53 – к пожизненному заключению и 16 – к смертной казни⁸. Наряду с «Салафитским джихадом» в стране в начале 2000-х гг. действовали другие, менее значительные экстремистские группировки, такие как «Правильный путь» (*ас-сырат аль-мустахим*), «Обвинение в неверности и хиджра» (*ат-такфир ва-ль-хиджра*). В основном боевики «Салафитского джихада» оперировали на севере страны, в районе Феса, Касабланки и Танжера. Их число приблизительно оценивается в 1 тыс. человек, которые были разбиты на подпольно действовавшие ячейки по 10–12 человек.

Попытки продолжить террористический «джихад» в Марокко исламистские экстремисты предприняли в 2006–2008 гг. В июле-августе 2006 г. марокканские спецслужбы раскрыли и обезвредили радикальную исламистскую группировку «Воины Махди» (*Ансар аль-Махди*), действовавшую в пригородах г. Рабата и в г. Марракеш. В ближайшие ее планы входило физическое уничтожение политических деятелей леводемократических взглядов, иностранцев-христиан и «плохих мусульман», а также взрывы в ресторанах и гостиницах, где

проживали иностранные туристы, и на авиабазе в г. Сале. В феврале 2008 г. была раскрыта и ликвидирована террористическая исламистская организация, которая орудовала в районе городов Касабланка, Рабат и Надор. Она располагала подпольным арсеналом оружия и крупными денежными суммами (более 2,5 млн. евро). В связях с террористами были замешаны руководители легально действовавших с 2005 г. исламистской политической партии «Аль-Бадиль аль-хадарий» (Цивилизационная альтернатива) и ассоциации «Аль-Харака мин аджли ль-умма» (Движение за Умму). Марокканская полиция арестовала около 40 членов экстремистской группировки, которых обвиняют в организации заговора и планировании террористических актов. Большинство арестованных являются жителями бидонвелей и беднейших кварталов. В то же время необходимо отметить, что руководство Марокко предпринимает меры по ликвидации глубинных причин возникновения экстремизма, то есть решения социально-экономических проблем и сокращения числа неимущих. В частности, предполагается формирование социальной инфраструктуры, открытие учебных заведений, создание новых рабочих мест и постепенная ликвидация бидонвелей. С этой целью создан специальный координирующий государственный орган «Omrane» (Урбанизация), который строит в год 70 тыс. «социальных жилищ». Разработан проект ликвидации Сиди Мумена, одного из самых крупных бидонвелей в окрестностях г. Касабланка, печально известного как рассадник исламистского экстремизма, где проживают около 300 тыс. беднейших жителей. На его месте будут созданы объекты социальной инфраструктуры, включая стадион на 70 тыс. мест⁹. Стратегические планы марокканских руководителей направлены на всеобъемлющую модернизацию экономики страны в целом, в частности на создание «свободных экономических зон». В одной из таких зон, расположенной в районе городов Риф и Танжер, открыто 254 предприятия и создано 26 тыс. рабочих мест. Наиболее амбициозным проектом являются строительство туннеля под проливом Гибралтар и создание атомной энергетики, первый реактор для развития которой, мощностью 2 МВт начал работать в мае 2007г.¹⁰

В заключение можно констатировать, что радикальный исламизм продолжает, хотя и в разной степени, действовать в арабском Магрибе. Причем степень его активности прямо

пропорциональна уровню решения социально-экономических проблем в данных странах. Подтверждением этого является туниССкий опыт. Известно, что Тунис является наиболее благополучной страной в Магрибе в плане социально-экономических показателей, и в то же время на его территории отмечается наименьшая террористическая активность радикальных исламистов по сравнению с Алжиром и Марокко. Тем не менее очевидно, что нельзя видеть в социально-экономическом факторе единственную причину исламистского экстремизма. Здесь существует комплекс причин, как внутренних, так и внешних. Внутренние во многом специфичны для каждой страны и обусловлены ее историей, национальными и культурными традициями, уровнем грамотности и экономического и политического развития, особенностями национального характера. Страны Магриба имеют много общего в своем историческом развитии, и наряду с этим у каждой есть свои особенности. Внешний фактор обусловлен общей тенденцией политического и экономического развития в мире. Такой тенденцией, от которой в очень большой степени зависит внутренняя ситуация в арабо-мусульманском мире, является усиление роли в мировой политике и экономике наднациональных структур – транснациональных корпораций (ТНК) и во многом зависимых от них международных финансово-экономических институтов (ВТО, МВФ, МБ и др.).

Ярким примером такого положения стал мировой финансовый кризис в 2008 г., обостривший социально-экономические проблемы, в том числе в арабском мире. Следствием такой ситуации является продолжение, а иногда и усиление влияния среди неимущей (и не только) части мусульман исламистских идеологов, которые предлагают свое «исламское решение» социально-экономических проблем и выставляют себя в роли защитников «исламских ценностей». В то же время продолжение кризисных политических ситуаций в мире, в которых так или иначе присутствует «исламская составляющая», воспринимается частью мусульман как «война против ислама». На наш взгляд, данная тенденция мирового развития в ближайшей перспективе не претерпит существенных изменений, несмотря на декларируемое во время мирового финансового кризиса намерение наиболее экономически мощных держав (G8 и G20) реформировать международную финансово-экономическую систему. В то же время стратеги-

ческий вектор внешней политики США вряд ли значительно изменит свое направление, хотя избрание нового президента Б. Обамы дает определенные надежды на уменьшение конфронтационных ситуаций в мире.

¹ Jeune Afrique. P., 1999, № 2000–2001, с. 36.

² Аль-Барнамадж ат-такмилиий ли-д-даам ан-нумув. Фатрат 2005–2009 (Дополнительная программа по поддержке развития. Период 2005–2009). Алжир, 2005, с. 10.

³ <http://www.liberte-algerie.com> 14.02.2009.

⁴ Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. М., 2004, с. 134.

⁵ Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире после президентских выборов 2004 г. // Ближний Восток и современность. Вып. 24. М., 2004, с. 128.

⁶ Видясова М.Ф., Фролов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008, с. 96.

⁷ Jeune Afrique. P., 2007, № 2449, с. 48.

⁸ L'Express, 23.10.2003, с. 24.

⁹ Jeune Afrique. P., 2008, № 2453, с. 56.

¹⁰ Ibid, P., 2007, № 2421, с. 44–45.

Д.А.Нечитайло

О ПОЛОЖЕНИИ «АЛЬ-КАИДЫ» В ИРАКЕ

Несмотря на последние поражения «Исламского государства Ирак», первые лица всемирного радикального исламизма возлагают большие надежды именно на победу в этой стране. По заявлениям аз-Завахири, именно с Ирака должно начаться победоносное шествие ислама по всему миру. Целью «Аль-Каиды» в Ираке было создание исламского государства. В настоящее время это кажется маловероятным. Тем не менее уже пять лет, именно эта цель является движущей силой группировок, разделяющих устремления «Аль-Каиды», и организаций, связанных с ней идеологически. Второй целью являлось создание территории, где муджахеды разных стран могли бы беспрепятственно проходить подготовку, скрываться от преследований спецслужб. Многочисленные акты насилия, неправомерного применения оружия со стороны оккупационных сил, в результате которых гибли многие иракские граждане, привели к началу партизанской войны – «джихаду», объявленному «многонациональным силам» (МНС) в Ираке исламистскими и национал-патриотическими группировками.

Когда был уничтожен аз-Заркауи, некоторые эксперты заявили, что смерть лидера будет означать начало конца «Аль-Каиды в Двуречье». Однако действительность подтвердила обратное. Новый руководитель, Абу Айюб аль-Масри, в отличие от своего предшественника оказался более гибким и эффективным организатором. Ему удалось улучшить имидж «Аль-Каиды». Он стал создавать более широкий альянс джихадийских группировок¹. Аз-Заркауи приобрел репутацию жестокого убийцы и тем самым утратил поддержку и симпатии многих мирных иракцев. Это вызвало негативную реакцию со стороны первых лиц «Аль-Каиды» и теоретиков всемирного исламизма. Достаточно вспомнить обращение аз-Завахири к аз-Заркауи, в котором говорится, что тот одними казнями не сможет найти себе сторонников среди иракцев, и ему «не сле-

дует обольщаться тем, что некоторые рьяные молодые люди называют его шейхом, их мнение не отражает общего видения сторонников сопротивления в Двуречье». Аз-Завахири наставлял его: «тех, кто симпатизирует «Аль-Каиде», следует оберегать, чтобы у них в сердцах и умах не возникало вопросов о пользе наших действий». Аль-Масри, в свою очередь, стал придерживаться той стратегической линии, которую предложил аз-Завахири его предшественнику. Он начал «иракизировать» «Аль-Каиду», привлекая местные кадры². В конце 2006 г. аль-Масри обратился к двум крупнейшим группировкам иракского сопротивления – «Аль-Ансар» и «Джайш уль-Муджахедин»: «Мы нуждаемся в вас больше, чем вы в нас. Мы молимся за вас, чтобы Аллах защитил вас. Мы не лучше вас, вы идете впереди, в то время как мы отстаем от вас. Вы начали джихад раньше нас, вы более бескорыстные, чем мы, ваши муджахеды более дисциплинированы». Мы считаем вас более богобоязненными. Аз-Заркауи заработал имидж лидера, уничтожающего всех тех, кто не разделял его взглядов, в то время как аль-Масри призывал других муджахедов «заботиться о суннитских братьях».³

Деятельность «Аль-Каиды» и сформированного «Исламского государства Ирак» (ИГИ) можно охарактеризовать как тактику в условиях гражданской войны. Ее основная задача – продержаться как можно дольше. Радикальные исламисты в Ираке находятся в довольно сложных условиях. Им противостоят коалиционные войска совместно с иракскими силами безопасности, шиитские вооруженные отряды, «советы пробуждения» – «Ас-сахва», баасистские группировки, исламисты умеренной направленности, курдская «пешмерга».

Несмотря на принципиальные идеологические отличия между националистическими повстанческими группировками и «Аль-Каидой», общая заинтересованность и тех и других в борьбе против оккупационных сил и пришедших к власти в Ираке шиитов явилась причиной сотрудничества радикалов и светских повстанческих группировок в стране. В то же время в руководстве «Аль-Каиды» в Ираке серьезно опасались, что местные группировки сопротивления и правительство смогут договориться и сторонники вселенского джихада останутся обделенными властью, как это случилось в свое время в Йемене. В задачи сторонников «чистого ислама» входило принятие под контроль местного движения сопротивления и придание ему облика вселенской борьбы против неверия ради установления

вселенского господства шариата. Это и явилось основной причиной создания организации «Исламского государства Ирак». Однако националисты отказались признавать новую структуру и присягать на верность ее лидеру Абу Умару аль-Багдади. Во-первых, сама личность лидера самопровозглашенного государства ИГИ, по мнению повстанцев, является вымышленной. «Багдади», означающее «багдадский», а значит, иракский, а не иностранный, по мнению повстанцев, является типичным пропагандистским ходом, чтобы скрыть засилье иностранцев, стремящихся задавать тон в иракском освободительном движении. Во-вторых, провозглашение независимого исламского государства также не нашло отклика в суннитской среде иракских националистических группировок. Они отвергают идею федерализма страны, ведущей к независимости курдов на севере, шиитов на юге и суннитов в бедных углеводородами центральных районах Ирака. В-третьих, иракские националистические группировки составляют абсолютное большинство сил сопротивления, и навязать им идеологические ориентиры вселенской борьбы за торжество ислама на планете оказалось сложным.

«ИГИ» стала вести фактическую охоту на руководителей нелояльных ей группировок. Так, в марте 2007 г. был убит командир «Бригад революции 1920 г.», большие потери от радикальных исламистов понесла «Исламская армия Ирака» (ИАИ). Противоборство различных националистических группировок и «Аль-Каиды» приводит к уменьшению проводимых акций против оккупационных сил. Представитель «Исламской Армии Ирака» Ибрагим аш-Шамари утверждает, что столкновения и тех и других носят широкомасштабный характер. В результате постоянных столкновений с «Аль-Каидой», обладающей возможностями получать информацию о перемещениях активистов других группировок, а также знакомой с методами борьбы «Исламской армии Ирака», движение сопротивления ищет новые способы противодействия радикальным исламистам, пересматривает тактику боевых действий. Аш-Шамари категорически выступает против проведения терактов в отношении мирных жителей, использования женщин-смертниц, участия детей в боевых операциях. Свертывание военных акций, по мнению Шамари, является вынужденной мерой, направленной на сохранение боевого потенциала, подготовку терактов против первых лиц государства, хорошо охраняемых промышлен-

ных объектов, обучение высококвалифицированных групп снайперов. По его мнению, сложившаяся обстановка вынуждает бойцов ИАИ искать возможности для сотрудничества с другими организациями сопротивления⁴.

12 февраля ежедневная катарская газета «Аль-Араб» опубликовала интервью с лидером «Аль-Каиды» в северном Ираке Абу Турабом аль-Джазаири. Он признал, что организация находится в трудном положении и совершила ошибки, одной из которых было поголовное убийство мирных жителей, которое резко снизило ее популярность. Он заявил, что в провинции Аль-Анбар иракцы-сунниты добровольно вступили в ряды бойцов джихада не потому, что они поддерживают джихад, а из ненависти к американцам и желания отомстить им. Некоторые стали участвовать в рядах бойцов джихада по финансовым соображениям, а потом увлеклись убийствами, в результате которых погибло множество людей. Убивая без разбора мирных жителей, организация «навредила своей репутации». По заявлению Джазаири, «уничтожение крестоносцев и лидеров племен, которые сотрудничают с предателями ислама, следовало бы выполнить более разумным способом». На вопрос о том, как исправить ошибки «Аль-Каиды», Аль-Джазаири ответил, что они могут быть исправлены исключением подразделений, навредивших репутации «Аль-Каиды», и следованием принципу «не количество, а качество». «Сегодня наша организация насчитывает более 9 000 бойцов, но пожить можно только на 3 000 из них. Остальные наносят ущерб репутации «Аль-Каиды» — как вы ее называете — т.е. «Исламского государства Ирак»...»⁵

Он также признает переход на сторону «советов спасения» (ас-сахва) многих активистов организации. Тем не менее, по его мнению, любая война всегда предполагает наступление и отступление, поэтому положение «Аль-Каиды» недопустимо называть «параличом», т.к. оно связано с военной необходимостью. Он также говорит, что в пропагандистских целях через СМИ американцы и спецслужбы Ирака приписывают «Аль-Каиде» и те теракты, которых она не совершала, тем самым настраивая жителей против муджахедов. Так, например, им приписывают атаку мечети в городе Аль-Хаббания, находящемся на западе от города Аль-Фаллуджа и взрывы в городах Аль-Фаллуджа и Аль-Рамади, где был использован смертоносный хлорный газ.

По поводу изменения стратегии «Аль-Каиды» и продолжения атак Аль-Джазаири заявил: «Ясно, что стратегия захвата городов и превращение их в базы «Аль-Каиды» не имела успеха, так что в настоящее время мы ведем партизанскую войну, которую некоторые называют «уличными боями». Эффективность этой стратегии была доказана в различных ситуациях. Мы получили инструкции сосредотачивать наши атаки на целях, которые важны нашим врагам со стратегической и моральной точки зрения в преддверии предвыборной кампании в США»⁶.

Ситуация осложняется и тем, что заинтересованные силы стремятся проведением терактов решить свои финансовые и политические проблемы. Совершаемые акции при этом, как правило, автоматически приписываются «Аль-Каиде». В этой связи некоторые полевые командиры «Аль-Каиды» заявляют о том, что на них возлагают ответственность за ряд кровавых терактов, которых они не совершали. Ветераны войны в Ираке также настаивают на цензуре видеоматериалов с акциями, приписываемыми «Аль-Каиде» и соответственно «Исламскому государству Ирак», которые попадают западным информагентствам. У сторонников ИГИ вызывает обеспокоенность, что, совершая теракты, решают свои внутривнутриполитические задачи лидеры третьих сил, возлагая всю ответственность на ИГИ. В результате большинство усилий повстанцев и радикалов направлено друг на друга.

Ислам стал орудием, которое в своих интересах используют самые разные силы — от светских и умеренно-религиозных до самых радикальных, применяющих в своей борьбе террористические методы. Ислам выступает в качестве единственного способа выражения чаяний и настроений народа, служит объединяющим элементом против агрессии внешнего врага в лице США и их политических союзников. Многие офицеры из бывшей тайной полиции и республиканской гвардии Саддама скрывают свое равнодушие к религии под маской воинствующего ислама, призывая к джихаду против неверных, захвативших исламские земли. Еще несколько лет назад они не проявляли религиозности, однако сегодня говорят, что воюют за Аллаха, а следовательно, отказываются от земных слабостей. Они сообщают, что сейчас их цели гораздо шире, чем просто изгнание американцев. Они хотят превратить Ирак в Афганистан образца 80-х годов, сделав из него полигон для обучения молодых борцов за веру, которые сформируют сле-

дующую волну последователей идеологии всемирного движения джихада.

Некоторые группировки, состоящие в своем большинстве из офицеров саддамовских спецслужб, как например «Катаиб аль-Джихад аль-Исламия» (Батальоны священной войны), ранее избегавшие терактов против гражданских лиц, сегодня заявляют, что признают правомерными атаки с массовыми жертвами, а невинные люди, убитые в ходе таких нападений, направляются прямоком в рай. «Катаиб» набирает новых членов из числа бывших узников тюрьмы Абу-Грейб. Бывшие заключенные говорят, что проводили время в тюрьме, изучая салафистский ислам под руководством арестантов из Сирии и Саудовской Аравии. Тюремные камеры стали тайными мини-медресе. Религиозная направленность иракского сопротивления вызвана также финансовой необходимостью: поимка Саддама и его ближайших сподвижников лишила повстанцев источников финансирования. Это заставило иракские группировки искать спонсоров в странах Персидского залива, которые, в свою очередь, потребовали от повстанцев принятия радикальной религиозной идеологии. «Захватом Саддама мы нанесли по ним мощный удар, и вот к чему это привело, – говорит высокопоставленный американский военный, – получается, что существуют не только браки по расчету, иногда и группы боевиков по расчету принимают установки джихада».⁷

На радикальных исламистских форумах появилось интервью с представителем «Исламского фронта освобождения Ирака» (ИФОИ) Абу Басиром. По его словам, для Ирака неприемлема такфиристская идеология «Исламского государства Ирак». Тем не менее он указывает на вселенский характер борьбы мусульман против неверных, требует освободить Афганистан, Чечню, Сомали, призывая иностранных добровольцев примыкать именно к ИФОИ. Более умеренная идеологическая направленность ИФОИ, равно как и призыв к мировому торжеству шариата в настоящее время привлекает тех, кто раньше отдавал предпочтение «Аль-Каиде». Таким образом, в настоящее время происходит эволюция движения сопротивления в Ираке. Ислам как идеология национально-освободительной борьбы, постепенно расширяет свои масштабы до уровня вселенской борьбы. По сути, это и является главной задачей «Аль-Каиды» в Ираке, выступающей в качестве носителя идей глобальной борьбы. В связи с этим поражение «Аль-Каиды»

как структурной единицы всемирной сети движения джихада не будет означать стратегического поражения радикалов от ислама.

Ослабленные сопротивлением с другими суннитскими организациями, теснимые силами коалиционных войск и отрядами «ас-сахва», активисты «Аль-Каиды» вынуждены были недавно отступить в провинциях Дияла и Нинава, а также прибегнуть к новой тактике «непрямой конфронтации» – подрывам автомобилей, атакам снайперов, использованию межплеменных противоречий, созданию т.н. «спящих ячеек».⁸

Сложность ландшафта Дияла с гористой местностью на севере, равнинами в центре, пустыней на востоке лишь обеспечивают дополнительную привлекательность для «Аль-Каиды». Здесь отмечается межэтническая и межконфессиональная напряженность. В этом регионе преобладают арабы-сунниты (60%), проживают также фейли (курды-шииты), арабы-шииты и туркмены. При прежнем режиме на севере региона, в частности в г.Ханакин проводилась искусственная «арабизация» путем вытеснения курдов. В настоящее время ситуация изменилась и наблюдается обратный процесс. Зачастую при поддержке пешмерги в населенные пункты возвращается курдское население, что явилось причиной оттока суннитов из Ханакина и ряда других населенных пунктов. Преобладание шиитов в администрации провинции стало причиной крупных столкновений между шиитской полицией и суннитскими группировками в 2007–2008 гг. «Аль-Каиде» и другим идеологически близким ей группировкам удастся успешно использовать в своих интересах недовольство суннитов происходящими процессами и сохранять свой боевой потенциал. Однако под ударами коалиционных войск совместно с иракскими силами безопасности, шиитских милиций, активистов из движения «Сахва» радикальные исламисты несколько утратили свои тактические возможности, изменили тактику. «Аль-Каида» решила разыграть межнациональную карту для того, чтобы столкнуть между собой силы, представляющие для нее угрозу, – шиитов и суннитов. В сентябре 2007 г. на так называемой встрече-примирении шиитской и суннитской общин в шиитской мечети в Баакубе радикалами был проведен теракт с участием смертника, в результате которого погибло 28 чел., включая известных политических деятелей из обеих общин. В дальнейшем исламисты продолжили совершать теракты большей частью против руководи-

телей «Советов пробуждения». Спровоцировав межнациональную напряженность, «Аль-Каида» сумела несколько отвести от себя удары основных оппонентов, сосредоточив внимание на проведении операций против коалиционных сил.⁹

Радикальные исламисты проявляют относительную активность в Мосуле (провинция Нинава). Здесь проживает около 1400 тыс. арабов-суннитов, 500 тыс. курдов, 200 тыс. туркмен, ассирийцев и др. Многонациональность региона несколько сдерживает развитие движения «Сахва» – одного из основных оппонентов «Аль-Каиды» в Ираке. Радикальные исламисты также паразитируют на недовольстве арабов курдизацией некоторых районов провинции. После утраты позиций в Анбаре и других провинциях, здесь радикальные исламисты избрали более выверенную тактику. Они осторожны во введении шариатских норм в подконтрольных им районах. Кварталы Мосула буквально поделены между национально-патриотическими группировками, отрядами баасистов и «Аль-Каидой». Методы борьбы исламистов в западном и восточном Мосуле неодинаковы. В старом городе с преобладанием суннитов (запад, «арабский Мосул») они силой вынуждают христиан и шиитов переселяться в другие районы. Большинство операций экстремисты проводят в восточных районах города, где расположены правительственные объекты. В западном Мосуле радикальные активисты «Аль-Каиды» пополняют бюджет за счет криминальной деятельности. Они занимаются перепродажей бензина, товаров первой необходимости, похищением людей с целью получения выкупа, облагают сотовые компании 20%-ным налогом от заключенных контрактов. Если организация отказывается платить требуемую сумму, то экстремисты начинают взрывать сотовые вышки. По оценкам американских военных, радикальные исламисты быстро выявляют операционное пространство и проводят несколько терактов. Частые столкновения с коалиционными силами, «сахвистами» заставляют муджахедов «Аль-Каиды» постоянно перемещаться, что является основной причиной децентрализации исламистов. Пополняя за счет криминальной деятельности бюджеты группировок, исламисты утрачивают связь с региональными эмирами и начинают действовать автономно. Отмечается ослабление руководящих функций головной структуры «Аль-Каиды» в Ираке. Это явилось причиной того, что руководителю ИГИ Абу Айюбу аль-Масри из Пакистана отправляют муджахедов, чтобы неким образом обеспечить контроль за прово-

димыми операциями в Ираке. Например, в феврале 2008 г. в Мосуле были уничтожены Абу Ясир ас-Сауди и Хамдан аль-Хаджи, переправленные из Пакистана в Ирак в ноябре 2007 г. Таким образом, в стране под брендом «Аль-Каиды» действуют независимые мелкие группы радикальных исламистов, как правило, иракцы и иностранные муджахеды.

В последнее время активность «Аль-Каиды» заметно снизилась. Это объясняется многими факторами, в том числе столкновениями с другими суннитскими группировками, не разделяющими ее идеологию – «Исламской армией Ирака», иракским отделением движения ХАМАС, «Армией Праведных». Радикальные исламисты нападают на последователей шиизма и их святыни, стремясь нарушить веками складывавшийся баланс между ними и суннитами Ирака. Сторонники «чистого ислама» прибегают к массовому террору, направленному не столько против оккупантов, сколько против мирных граждан и сил правопорядка, широко используя при этом смертников. Вместо того чтобы обрести поддержку со стороны простых жителей Ирака, «Аль-Каида» настроила их против себя. В свою очередь иракское правительство и руководство коалиционных сил использовало в своих интересах это недовольство. В регионах центральной и северо-центральной части страны, где исламисты проявляли наибольшую активность, власти стали получать от лидеров влиятельных суннитских племен сигналы о желании сотрудничать в борьбе с приверженцами идеологии «Аль-Каиды».

¹ Abu Hamza al-Muhajir. A Lecture Entitled: The State of the Prophet // Al-Furqan Institute for Media Production, 19.09.2008.

² Kohlmann E. State of the Sunni Insurgency in Iraq: August 2007 // The NEFA Foundation, August 2007.

³ The Mujahideen Shura Council in Iraq: Announcing the Establishment of the State of Iraq. Al-Fajr Media Center, 2006.

⁴ Batti D. Frustration and Hope on the Syrian Border // *Newsweek*, 22.08.2008.

⁵ Remarkable Release: Two Years With the Islamic State // Al-Furqan Institute for Media Production, 22.09.2008.

⁶ Pollack M. How to Leave a Stable Iraq // *Foreign Affairs*, 2008, № 5, с. 34.

⁷ Pollack M. How to Leave a Stable Iraq // *Foreign Affairs*, 2008, № 5, с. 34.

⁸ Gardon M. The Last Battle // *New York Times*, 03.08.2008.

⁹ Charles Tripp. *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, с. 42.

3.И.Левин

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ
В ДИНАМИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
АРАБСКОГО ОБЩЕСТВА

Всякий раз, когда речь идет о современном Востоке, и не только в связи с проблемой модернизации, возникает тема «традиции и современность».

Проблема соотношения традиционного («старое», институты и представления доиндустриального общества) и современного индустриального и постиндустриального общества, ориентированного на новейшие технологии («новое»), является главной в современной социальной истории народов Востока. И это понятно, потому что противоборство «старого» и «нового» на Востоке как нигде составляет стержень бытия, своеобразие восточного менталитета. Оно, по словам марокканского ученого, занимающегося вопросами философии и арабо-исламской мысли Мухаммада Абид аль-Джабри, породило раздвоенность, порожденную столкновением «старого» и «европейского нового», «навязанную нам извне, а не являющуюся делом свободного выбора»¹. Характеризуя состояние современной арабской общественной мысли, он пишет: «В нынешней арабской действительности все переплетено. Она медленно преодолевает переходный этап, нагромождающая ошибки, мешая время и место, старое и новое, что искажает видение, рождает тревогу и создает напряженность, придавая делам характер проблем, кризисных явлений»².

Вопрос о модернизации восточных обществ является частью этой сложной и всегда актуальной проблемы: взаимодействия традиции и инноваций. Модернизация происходила (происходит) на Востоке в условиях неизбежного противостояния «нового» и «старого», символизирующего силы средневековой традиционности.

Их место в жизни народов Востока нельзя определить однозначно, не говоря уже об относительности этих понятий:

новые времена переводят в традицию некогда наиновейшие нормы и представления. На Востоке полемика по вопросу о месте традиций в современном восточном обществе не утихает вот уже два столетия. «Обращает на себя внимание, — пишет египетский публицист Джаляль Амин, — значение, которое в нашей литературе и искусстве придается проблеме дихотомии (старое — новое — З.Л.)... Сто лет как она остается главным источником вдохновения»³. Традиционалисты с их апологией традиционности противостоят радикальным поборникам «нового», современного строя жизни, считающим традиции препятствием на пути прогресса. Наряду с приверженцами крайних взглядов имеются сторонники синтеза традиционного и современного на пути модернизации, которые подчеркивают высокую адаптивность традиций. От понимания важности этой проблемы и степени изученности этого феномена, в конечном счете, зависит понимание восточных реалий.

В самом общем виде традиции — это совокупность институтов неформального общения (нормативных принципов, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, регулирующих отношения между людьми), которая передается от поколения поколению. Западные социологи и востоковеды, подчеркивая сложность вопроса о месте традиции на современном Востоке, расходятся между собой по принципиальному вопросу о судьбе традиционности⁴. Одни считают, что «новое» попросту вытесняет «старое» (этого взгляда придерживаются такие признанные корифеи разработки проблем модернизации, как американские ученые Дэниел Лернер⁵ и У. Ростоу⁶). По мнению других, не менее известных ученых, традиция дает возможность относительно безболезненно ассимилировать «новое» традиционным обществом. Американский социолог Э. Шилз пишет: «Традиция — это не мертвая рука прошлого. Это скорее рука садовника, питающего и выявляющего духовные устремления, которые иначе были бы недостаточно сильными, чтобы появиться сами собой»⁷.

Модернизация — сложный процесс преодоления господства консервативного традиционного начала. Он происходит в виде общественного синтеза — инкорпорации в жизнь традиционного общества элементов общества современного.

В синтезе (в широком понимании слова) заключается главная функция восточного общества, которая на этапе его перехода из средневековья в современность, в конечном сче-

те, состоит в выводе его социальных структур и механизмов регулирования из области традиционных категорий в область современных понятий.

Я – с теми, кто считает, что традиция – это живое «прошлое» в «настоящем», а модернизация – его (прошлого) преобразование на пути в будущее. Не желая вступать в дискуссию, я хотел бы только на основе уже сделанного в науке выделить основные моменты во взаимодействии средневековой традиционности и современного начала, «старого» и «нового». Для меня очевидна расплывчатость этих понятий, поскольку будучи продуктом социальной эволюции, они являются величинами переменными. Совокупность традиций подвижна и очень пластична. Одни традиции отмирают, утратив практическую ценность, другие живут, «втягивая» новшества в свою структуру, сохраняются как часть культурного наследия; «старое» прирастает «новым», отмечая вехи социокультурного развития народа: то, что было недозволенным вчера, сегодня становится дозволенным. Она (эта совокупность традиций) постоянно пополняется за счет переходящих в традицию социальных механизмов и регуляторов, возникающих в ходе общественного развития, они взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга. Как афористично высказалась Анна Ахматова, «как в прошедшем грядущее зреет, // так в грядущем прошлое тлеет...».

Традиции существуют во всяком обществе, но в развитых странах современного мира не они являются основным регулятором общественных отношений, в то время как на Востоке традиционализм во многом остается нормой общественной жизни, где день сегодняшний сосуществует (нередко бесконфликтно) с днем вчерашним. Восток слишком консервативен, слишком инерционен. Влияние культурных традиций во всем, что касается норм поведения, социальных отношений, духовного, иррационального начала в арабских странах, очень велико, несмотря на все успехи модернизации. Модернизация Востока отмечена взаимодействием в сопряжении и взаимоотрицании «старого» и «нового», традиций и новаций, религиозного и светского начала, национального и интернационального, прагматизма и утопизма.... Это – процесс преодоления инерционности консервативного традиционного начала. «Старое» – традиционализм – обращенное в прошлое, рутинное в жизни и мыслях с характерной метафизичностью и пре-

небрежением к личности мощное консервативное начало, «новое» – институты и представления преимущественно индустриального общества, потому что Восток в целом еще не прожил свой индустриальный век и все еще питает иллюзии, посеянные эпохой Просвещения, идеями, революционизирующими, ориентированными на будущее.

При этом старые механизмы и регуляторы, не утратившие своего значения, служат «новому», а новые облекаются в старую форму, чтобы не вызвать отторжения в обществе. Это объясняется как хозяйственной, а стало быть, социальной многоукладностью, что предполагает отчасти сохранение традиционных стандартов социализации, так, в частности, и консервативностью общественного сознания. Ибо для того, чтобы «новое» могло вытеснить «старое», нужны не только непрерывное воздействие «нового», но и готовность общества к переменам.

С одной стороны, традиция – это консервативное начало, поддерживающее стабильность общественной жизни, защищающее общество от разрушительных внешних влияний и тормозящее процесс модернизации,

А с другой стороны, в области социальных отношений традиции как часть культурного достояния проявляют поразительную адаптивность. Они могут мешать, а могут содействовать общественному развитию.

Современная история Востока подтверждает правоту социологов, которые, как пишет отечественный историограф Ольга Осипова, уже в 50-х гг. XX в. высказывали мнение о том, что экономическое развитие по существу не связано с какими-то определенными формами политической организации или идеологии и «в принципе может происходить в условиях любой национальной традиции, что в целях развития нет необходимости в коренной ломке традиции»⁸.

Исторический опыт показывает, что экономическое развитие совместимо с сохранением в обществе традиционных элементов социальных отношений, если это не мешает его функционированию. Япония доказала, что модернизация возможна в русле национальной традиции без радикальной ломки общественной жизни. Традиционные структуры и нормы в арабских странах трансформируются и приспособляются к нуждам модернизирующегося общества, а традиция может служить новым целям.

Примером подобного «наложения» традиционного и современного начала служат едва ли не все концепции «социализма национального типа», получившие на Востоке и в Африке широкое распространение в 60–70-х гг. XX столетия не только среди интеллектуальной элиты и политического руководства, но и отчасти (как социальный миф) в массах. Мелкобуржуазные по провозглашенным целям концепции, выдвигаемые в качестве альтернативы марксистской, объединяет в основном неприятие капитализма и построение общества (по-своему понимаемой) социальной справедливости с упором на моральные принципы и традиционные ценности как ядро национальной идентичности и обоснование социальных преобразований. Мусульманские идеологи и публицисты социалистической ориентации толкуют социализм в свете учения Корана, полагая, что в нем заложена идеальная модель социализма. Так, к примеру, сириец Мустафа ас-Сибай в книге «Исламский социализм», подчеркнув, что основы социализма провозглашены исламом, утверждает, что социализм пронизан гуманистическими и рационалистическими идеями ислама, содержит социальные, морально-этические, экономические установки, которые превосходят любые концепции такого рода⁹.

Авторы монографии «Социальный облик Востока» констатируют, что и в самых развитых странах Востока современность сосуществует с традицией, но считают, что «в этом, возможно, не слабость, а сила» молодого и динамичного восточного капитализма, «черпающего из традиционного социального наследия то, что помогает ему успешно конкурировать с его соперниками на Западе»¹⁰. Исследователь мировоззрения крестьянина Северной Африки и Египта российский этнолог Владимир Бобровников заметил, что традиционное крестьянское хозяйство адаптировалось к требованиям рынка, причем традиция по-своему трансформировала современные институты и ценности, и что традиционное мировоззрение не столько охраняет деревню от разрушительного влияния внешнего некрестьянского мира, сколько помогает крестьянину усвоить ценности современного общества, переработать их в соответствии с традиционными крестьянскими нуждами и интересами¹¹. Тунисский социолог Фредж Стамбули, рассматривая проблему «традиции и современность» сквозь призму проблемы урбанизации в Тунисе, приходит

к заключению, что традиция проявляет свою жизненность, обладая как динамизмом, так и консервативной потенцией¹².

Высокая адаптивность традиций заложена в их природе как части духовной культуры – совокупности регуляторов внутрисистемных процессов, меняющейся в ходе общественного развития. Между традицией и новациями нет раздвительной черты. Традиция как социальный феномен возникает вслед за появлением в обществе «нового». Они сосуществуют в борьбе, потому что «старое» не хочет умирать. Изменения в экономике и социальной жизни восточных обществ в новое и новейшее время так стремительны, а сила традиции и устойчивость социэкономических структур все еще так значительна, что «новое» не может полностью вытеснить «старое». Инерционность традиционализма обусловлена как многоукладным характером социально-экономической структуры арабского общества, так и невозможностью для человека вовремя осознать и осмыслить перемены быстро текущей жизни. Марокканский писатель Шрайби, касаясь проблемы смены ценностных ориентаций у марокканцев, писал: « Пробуждение было слишком внезапным, будто по команде... люди и вещи перешли из одного мира, принадлежавшего им в течение веков... в другой, где они почувствовали себя потерянными, чужими, заранее побежденными»¹³. Эмиль Нахле, канадский ученый, который понимает, что попытка осовременивания традиционного общества без учета фактора традиционности, обречена на неудачу, пишет: «Урбанизация в новых государствах Залива – это долгий процесс, состоящий главным образом в психологической трансформации племенной культуры в отвечающую XX веку организацию, в которой исламские принципы – шариат (закон божий) и шура (совещательность) – нашли бы воплощение в современных политических техниках демократии»¹⁴.

Постепенно под влиянием сил модернизации и деятельности просвещенной интеллектуальной элиты менялись образ жизни и образ мыслей людей. Они привыкали пользоваться новыми вещами, вступали в новые для них отношения и медленно и трудно в постоянном компромиссе с традиционной ограниченностью привыкали к новому. Вовлечение широких слоев населения в процесс осовременивания порождало цепную реакцию появления новых потребностей и потребления и тем самым ускоряло пересмотр социокультурных критериев,

что в свою очередь стимулировало действенность нового. Но традиционализм остается значимым фактором общественной жизни в арабском мире. Новое сосуществует со «старым», опирается на «старое», использует «старое», хотя при этом и теряет кое-что, порою очень существенное. Сохраняются реликты прежних эпох, традиционные производство и институты не только обслуживают потребности внутреннего рынка, но и составляют порою структурный элемент современности. Больше того. «Если быть до конца откровенным, – пишет марокканский поэт и прозаик Мухаммад Беннис, – то надо сказать, что сейчас верх берет традиционная культура» И даже так: «Возможно, призывы к новациям... были своего рода приступом безумия в арабском мире»¹⁵.

На примере арабских стран можно видеть, что экономический рост и социальный прогресс возможны даже в обществе, где доминируют традиционные ценности и структуры: они адаптированы к требованиям современности и прежде всего к нормативному коду экономической этики на основе экономического рационализма.

Особенно показательно в этом отношении положение дел в странах Аравийского полуострова с преобладающим кочевым населением, ставших мировыми центрами нефтедобычи с высокотехнологичным производством и современной инфраструктурой, где в условиях быстрой индустриализации и урбанизации все еще прочны устои традиционализма. Это страны поздней модернизации, которая происходит в эпоху высоко-развитых технологий, сильно интегрированной мировой экономики, совершенных средств сообщения, насыщенного планетарного информационного поля и вполне осознается как неизбежность правителями и общественностью. Принц Халед, будущий король Саудовской Аравии, выступая на конференции «Арабы между культурой изменений и изменением культуры», говорил о том, что Восток не должен отставать от поезда глобализации, сохраняя при этом свою самобытность. «Сегодня, – говорил он, – арабский мир стоит перед альтернативой: либо арабское общество реформируется само, опираясь на свое культурное наследие, либо вынуждено будет измениться под давлением извне. Нам не следует изолироваться от окружающего нас мира, не следует отвергать все, что может быть для нас полезным, но арабы не могут под напором инноваций отказаться от своей веры, от своей идентичности»¹⁶.

Новое на Востоке прививалось с трудом, встречая сопротивление традиционных институтов, стереотипов мышления и поведения. Устойчивость традиционных институтов, представлений, норм остается особенностью арабского общества.

Регулирование социокультурных процессов все еще часто осуществляется с оглядкой на традицию и даже на традиционной основе. Конфессиональная, сословно-кастовая, клановая, родоплеменная разделенность остается одной из основ социальной организации, хотя в конституциях большинства стран провозглашается приверженность общепризнанным принципам и нормам защиты прав человека, Уставу ООН и т.п.

Традиционность проявляется как в многообразном сочетании с проявлениями современного образа жизни и мыслей, так и сама по себе в виде обычаев, вкусов, а также сохранивших жизненность традиционных общественных отношений внутри однородных по составу социальных групп вне современных структур и институтов, особенно в деревне. Для восточных обществ имеют значение социальная иерархичность, пиетет по отношению к старшему. Статусные роли в арабском мире ритуализированы, сохраняя до сих пор традиционный характер, и любому члену общества приходится соблюдать эти правила, являющиеся составной частью этического кода поведения. В этом, в частности, причина культурной маргинальности современного араба, особенно горожанина. Часто он носит одежду европейского покроя, находится под влиянием западных средств массовой информации и западной масскультуры, ведет себя в обществе на западный манер, но мотивация его поступков обусловлена диктатом традиционных представлений. Во многих странах сохранилась традиционная специфика социального устройства, что закреплено в институционных документах. «Вне всяких сомнений, – считают авторы упомянутого коллективного труда «Социальный облик Востока», – традиционные и связанные с ними смешанные переходные общности охватывают или по крайней мере держат в орбите своего влияния большинство населения»¹⁷.

Традиционность нередко определяет политическое поведение масс, о чем свидетельствуют, например, результаты парламентских выборов во многих странах Востока. Деревенский избиратель по большей части не разбирается в тонко-

стях демократических процедур и обычно на выборах в представительные органы власти голосует за своего патрона.

Культурное наследие и традиции используются для индоктринации масс. Как замечает специалист в области философии и арабоисламской мысли марокканец Мухаммад Абид аль-Джабри, «объективные условия, в которых происходит современное арабское пробуждение, превращают наследие в орудие самозащиты»¹⁸.

Цивилизационные особенности, традиция, религиозные доктрины зачастую питают национализм, этнизм, являются составляющей политических и социальных теорий, важнейшими признаками персональной и коллективной самоидентификации. У людей растет стремление опереться на традиционные ценности и лояльности, чтобы защитить свой интерес, сохранить свое своеобразие, особенно в условиях дискредитации, унижения национального достоинства, оскорбления религиозного чувства и т.п.

Интеллектуальная элита арабского общества в период классической модернизации в XIX – XX вв. по большей части отличалась двойственностью по отношению к инновациям: она не могла принять новое полностью и не могла полностью освободиться от старого. Тем более, что со временем таяли ее надежды на возможность догнать Запад с помощью Запада. Отрицательный опыт общения с западным миром стимулировал ее интерес к собственному культурному наследию. В свете идеализированной истории, традиций своего народа и традиционных мировоззренческих конструкций либерально ориентированная арабская интеллигенция пыталась, с одной стороны, переосмыслить опыт контактов Востока с Западом, ценности западной цивилизации, а с другой, – найти опору в поисках образца для преодоления отсталости.

Высокая устойчивость традиционных институтов, представлений, норм остается особенностью афро-азиатских стран. Национальные мифы и традиции лежат в основе стереотипов национальной идентичности. Символы и легенды – древние и вновь сотворенные – призваны объединить народ на пути к сохранению или возрождению национального величия. Кувейтский журнал и марокканский социолог Абдалла Ларуи согласны в том, что «мусульмане вступают на арену будущего с всеобъемлющей приверженностью к прошлому»¹⁹. А индийский социолог С. Дьюба замечает, что «индийское

общество не может сделать двух шагов, чтобы хоть раз не оглянуться назад»²⁰.

Традиционность общественного сознания особенно характерна для стран поздней модернизации. Отечественный востоковед Александр Яковлев, автор ряда исследований, посвященных Саудовской Аравии, пишет, что, судя по результатам социологического обследования в 1968 г. среди учащихся нефтяного колледжа в восточной провинции королевства, «оказалось, что на вопрос о своих ценностных приоритетах в жизни они ответили следующим образом: на первое место поставили «следование учению религии», на второе – «следование совету родителей», на третье – «принимать жизнь как она есть», на четвертое – «верность своей стране», а «принятие новых идей» разделило девятое – десятое места»²¹. Позже он отмечает: «Судя по всему, последовавшие реформы короля Фейсала (правил в 1964–1975 гг.) не изменили мировоззрения нового поколения саудовцев» И еще: «Чем шире становился слой по-современному образованных людей (в Саудии), тем (более) усиливалась в общественной жизни тенденция к полному сохранению традиционных духовных ценностей саудовского общества – при использовании всех материальных достижений Запада»²².

Показательна судьба демократии на Востоке. В разных культурных ареалах в обыденном сознании существует разное представление о свободе и демократии (народоправстве) или модернизации (обновлении): для одних – это благо, а для других – подрыв устоев.

Как известно, в основе евроатлантической культуры нового времени, которую наследует гипотетический планетарный социум Нового постиндустриального мирового порядка, заложены представления о приоритете интересов личности, ее прав и свобод над интересами общества, установка на постоянное развитие потребностей и потребления, свободную конкуренцию, верховенство закона, принципа равенства возможностей и прочее в том же роде. Иное дело на Востоке. На Востоке личность поглощается всеобщностью. И хотя силы модернизации едва ли не вырвали уже Восток из трясины средневековой традиционности, для массовой политической культуры на Востоке все еще характерны патронажно-клиентальные отношения как преобладающая форма системных социальных отношений и отсутствие свободы выбора. На Востоке

не было, и в большинстве случаев все еще нет гражданского общества. Власть, лидер едва ли не сакрализуются, воспринимаются как самоценность, заслуживающая подчинения возвращенных под знаком господства иерархического начала подданных. Западный концепт демократии преломляется на Востоке в местной специфике. Правящие круги мусульманских стран проводят политические реформы, находя им исламское обоснование.

Положения конституций, провозглашающие демократические права, порою толкуются в духе присущего традиционному Востоку подданнического типа политической культуры. Хотя шариат во многих странах и заменен или сильно потеснен светским законодательством европейского типа, в одних он является юридическим кодексом, в других признан основным источником права, во многих – одним из источников законодательства. Видный ливанский общественный деятель Жорж Ханна имел основание утверждать, что в реальной жизни арабская демократия не похожа на демократии западного мира: «в арабских странах существует феодальный или полупфеодальный строй, лишь облаченный в тогу демократии»²³. И тем не менее идея демократии в западном понимании, кажется, овладевает сознанием, во всяком случае, образованных кругов восточного общества. Это результат победы демократии после Второй мировой войны и длительного воздействия западного доминирования в послевоенном мире. Причем утверждению в общественном сознании на Востоке западноевропейского понимания демократии в известной мере способствовали существующие в священных текстах, древних книгах, в традиции, по-видимому, у всех народов элементы демократизма. Арабскому сознанию издревле было присуще представление о свободе как состоянии, отличном от рабства, и о равенстве как равенстве соплеменников или членов конфессиональной общины, и это, возможно, облегчает ему восприятие западноевропейского понимания свободы и демократии.

* * *

В общем случае мера успеха модернизации в жизни арабского общества определяется соотношением сил «старого» и «нового». Борьба между ними идет с переменным успехом: слишком велика изначально была культурная дистанция меж-

ду Востоком и Западом в Новое время, слишком велика инерционность традиций.

Не составляет секрета тот факт, что и в условиях «индустриально-компьютерной повседневности» и триумфа «материалистическо-сциентистско-технологического мировоззрения» в арабских странах сохраняется потенциал ретрадиционализации общественного сознания даже в наиболее развитых странах. Это стало особенно заметно с 80-х гг. прошлого века: заметно растет политическая роль религии, традиционные национальные ценности сознательно используются для решения политических и культурно-исторических задач. Мощным стимулом к сохранению приверженности традиции, политизации ислама является, по-видимому, поиск новой идейной опоры и духовных ориентиров в мире, в котором модернизация нарушила конформистскую целостность личностного сознания, стремление к обретению утраченной целостности. Люди обращаются к прошлому, желая обрести нравственную опору в беспокойном «море житейском».

¹ Аль-Джабри, Мухаммад Абед. Ишкалят аль-фикр аль-араби аль-муассар. Бейрут, 1989, с. 19.

² Аль-Джабри....., с. 10.

³ Джаляль Амин. Маза хадаса ли-льмысриин? Каир, 1999, с. 221.

⁴ Проблемы политики, идеологии, культуры стран современного Востока. М., 1983, с. 111–121.

⁵ Lerner D. The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East. N-Y., L., 1964.

⁶ Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960.

⁷ Ethics, 1958, № 3, с. 156.

⁸ Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985, с. 77–78.

⁹ Мустафа ас-Сибай. Иштирак аль-ислам. Дамаск, 1959.

¹⁰ Социальный облик Востока. М., 1999, с. 362.

¹¹ Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха. М., 1998, с. 142.

¹² Revue tunisienne de sciences sociales. Tunis, 1971, с. 19.

¹³ Шрайби Д. Наследники. М., 1975, с. 28.

¹⁴ Nakhle E.A. Bahrein. Political Development in a Modernizing Society. Toronto-London, 1976.

¹⁵ Аль-Хуррийя, Иерусалим, 15.02.1987.

¹⁶ Аль-Арабийя, 30.11.2004.

¹⁷ Социальный облик Востока, с. 76.

¹⁸ Аль-Джабри, Мухаммад Абед. Ишкалият аль-фикр аль-араби аль-муассар. Бейрут, 1989, с. 26.

¹⁹ Аль-Араби, Кувейт, 1983, № 3, с. 14.

²⁰ Modernization and Social Change. 1988, New Delhi, с. 40.

²¹ Яковлев А.И. Саудовская Аравия и Запад. М., 1982, с. 83.

²² Яковлев А.И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX вв. М., 2006, с. 406.

²³ Ханна Жорж. Вакеа аль-алям аль-араби. Бейрут, 1953, с. 87.

О.П.Бибикова

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ: СИМБИОЗ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

После событий 11 сентября в мире возникла новая точка отсчета. Если до сих пор разрозненные теракты осуществлялись в ряде стран Европы, то здесь речь шла о заговоре на территории США. Благодаря этому исламский терроризм стал восприниматься как угроза всему миру.

Сразу после событий в арабском мире зазвучали предположения, что эта акция была задумана и организована ЦРУ, которому нужно было поддерживать в мире исламофобию. Появились специальные исследования, в которых инженеры-строители доказывали, что без дополнительных зарядов, заложенных внутри зданий башен-близнецов, они бы не разрушились.

Вторжение США в Ирак еще более убедило арабов в том, что американцы под любым предлогом стремятся усилить свою гегемонию как на Ближнем Востоке, так и во всем мире (кстати, в этом ключе в арабском мире трактуется и крах коммунизма).

Оценивая итоги американской спецоперации в Ираке, приходишь к выводу, что в администрации Буша доминируют неверные представления об арабах. Считается, что арабы уважают только силу, а доводы разума рассматривают как проявление слабости; что общественное мнение в арабских странах почти ничего не значит, что ненавистью арабов к Америке и Западу в целом можно пренебречь, так как она является частью исламской религиозной культуры.

Американское вторжение в Ирак стало новым этапом в международных отношениях на Ближнем Востоке. Речь идет о глобальном изменении существующего международного порядка, закрепленного Уставом ООН, ключевым принципом которого до недавнего времени был отказ от применения силы. В этой связи характерно, что даже западные политологи и юристы расценивают действия Буша как «военную агрессию»¹.

Французский генерал Арно де Фойар, признавая опасность, исходившую от режима Саддама Хусейна, тем не менее осудил избранный США метод действий. Он заявил, что США открыто пренебрегли мнением ООН и мировой общественности. «Они заменили силу права правом силы»². По его мнению, «вполне правдоподобным кажется и предположение о том, что США стремятся реализовать более широкий проект: реорганизовать в соответствии со своими гегемонистскими амбициями все геостратегическое пространство Ближнего Востока»³. Он также обращает внимание на то, что иракский конфликт может резко активизировать антизападные настроения в исламском мире, что представляет непосредственную угрозу для стран Евросоюза.

Оценивая сложившуюся в конце XX века ситуацию, де Фойар отмечает, что «постоянно растущая пропасть между богатыми и бедными странами создает взрывоопасную ситуацию, основная причина такого положения – «вирус неконтролируемого капитализма, который выдвигает прибыль в качестве приоритетной мотивации и стремится превратить мир в огромный рынок, управляемый свободной дикой конкуренцией»⁴.

Его точку зрения вполне разделяет и Т. Франк, почетный профессор Международного Нью-Йоркского университета и бывший президент Американского общества юристов-международников, который заявил, что теперь «Устав ООН превратился в клочок бумаги»⁵.

Недавно стало известно, что еще в 1997 году в США был создан так называемый «Проект нового американского столетия», суть которого – заполнение пространства, оставленного после распада СССР со всеми вытекающими последствиями. Среди авторов проекта имена нынешних американских стратегов Д. Чейни, Р. Рамсфелда, П. Вулфовица, Ф. Фукуямы и др. Очевидно, что теракт 11 сентября 2001 года стал не просто предлогом для реализации этого проекта. Уже на следующий день в Белом доме выбирали объект для нанесения ответного удара – Ирак или Афганистан. Казалось бы, никаких очевидных причин бомбить Ирак в связи с терактами 11 сентября не было. Но, как оказалось, американцы уже накопили на Саддама материал. Во-первых, в Ираке находится второе по величине в мире месторождение нефти, во-вторых, как раз накануне Багдад решил перейти в расчетах по экспорту с доллара на евро. К этому следует добавить наметившуюся общую линию поведения по отношению к США со стороны Ирана, Ирака, Венесу-

элы. Но все это надо было подать под благовидным предлогом, коим и стало обвинение Ирака в создании ядерно-бактериологического оружия и т.д.

Несколько ранее, в 1987 году, американский исследовательский совет по социальным наукам объявил о финансировании крупного научного проекта: «Ослабление государства и усиление общества на Ближнем Востоке». Гарвардский и Нью-Йоркский университеты спонсировали аналогичные программы. По замыслу авторов проекта, речь шла о внедрении демократических институтов и создании того, что называется «гражданским обществом». Однако эта точка зрения не встретила поддержки. Покойный король Саудовской Аравии Фахд заявил, что «демократическая система не подходит для Ближневосточного региона, так как уклад и традиции наших народов отличаются от остального мира»⁶. Тем не менее американские политологи в поисках аргументов в защиту доктрины превентивного удара заявляют, что отсутствие демократических институтов в большей мере, чем бедность, служит питательной средой для терроризма⁷. Поэтому провозглашается необходимость экспорта, прививки или насаждения демократии в мусульманском мире. Естественно, что при этом подчеркивается незыблемость и универсальность американских ценностей для всего мира.

Как бы в противовес этой точке зрения не так давно Самюэль Хантингтон из Гарвардского университета написал работу, озаглавив ее чрезвычайно символично: «Запад: уникальность, а не универсальность». Он писал, что «в последние годы люди Запада успокоили себя и разозлили других, всячески поддерживая представление о том, что культура Запада является и должна быть культурой всего мира»⁸. Развивая эту мысль, можно сделать вывод о стремлении Запада сделать приоритетной не только свою культуру или образ мысли, но и признать свою гегемонию в мире вообще.

Для современного западного и мусульманского общества характерно настороженное, а порой и враждебное отношение друг к другу. Подобные стереотипы массового сознания являются благоприятной почвой для роста, с одной стороны, исламофобии на Западе, а с другой, – радикального антизападного исламизма в мусульманском мире.

В сфере пропаганды исламофобии США прилагают массу усилий. В этом они выступают вместе с представителями ев-

ропейских стран, где имеются мусульманские диаспоры. Непонимание и враждебность между Западом и исламским миром поддерживаются и усиливаются устойчивыми стереотипами, существующими в массовом сознании благодаря деятельности средств массовой информации как в западном, так и в мусульманском мире. Еще со времен средневековья на Западе было широко распространено негативное восприятие ислама. Неприятие мусульманской культуры и науки, стремление замалчивать близость религиозных доктрин превратили ислам в нечто абсолютно враждебное западной цивилизации. Сегодня об этом говорят многие ученые, но большинство из них – уроженцы мусульманских стран, в том числе и христиане, работающие ныне в европейских и американских университетах.

Свою лепту в формирование исламофобии внесла и итальянская журналистка Ориана Фалаччи, скончавшаяся в 2004 г. в США. Ее вышедшая в 2002 г. книга «Ярость и гордость» переведена на многие языки мира. Она пишет: «Единственное, что я нахожу в мусульманской культуре, так это Пророка с его священной книгой, ужасно нелепой, которая, вероятно, является плагиатом Библии, Евангелия, Торы... Еще я нахожу у них Аверроэса с его неоспоримыми заслугами перед наукой (имеются в виду комментарии к Аристотелю – авт.), Омара Хайяма... И еще несколько красивых мечетей. Никаких иных достижений ни на полях Искусства, ни в садах Мысли, ни в мире Науки, технологии или бытоустройства»⁹. Подобные книги – не редкость, как правило, они представляют собой набор цитат из Корана, которые призваны доказать косность ислама, жестокость и нетерпимость мусульман к представителям иных религий. Исламофобские настроения Орианы Фалаччи находят отклик на фоне неудач реализации моделей ассимиляции или мультикультурализма в странах Запада.

В свое время папа Иоанн Павел II заявил, что «сыны и дочери Церкви должны вернуться к духу раскаяния» за времена нетерпимости и насилия, и принес мусульманам извинение за крестовые походы. В противоположность своему предшественнику новый папа уже продемонстрировал свое негативное отношение к исламу.

Исламофобия процветает и в России. И она питается не только событиями в Чечне или ситуацией на московских рынках. Мне пришлось реферировать книгу Б. Соболева из Санкт-Петербургского университета об арабах во Франции, где мате-

риал был подан абсолютно с антимусульманских позиций. В одном месте автор аргументирует свою позицию тем, что его мнение совпадает с мнением настоятеля Петербургской епархии Кирилла. Антимусульманские высказывания можно услышать и в русских программах радиостанции «Европа». Так, например, ведущий одной из программ В. Портников вину за осенние (2005 г.) погромы во Франции возложил на «Аль-Каиду», в то время как присутствующие в студии гости из Франции назвали их причиной неудачу социальной политики французского правительства по отношению к молодежи. Та же радиостанция неоднократно озвучивала материалы одного из известных американских специалистов Дэвида Льюиса, для которого ислам – «религия изуверства».

К сожалению, и наши коллеги допускают грубые ошибки в отношении ислама, искажая образ этой религии и ее приверженцев – мусульман. Так, в газете «Известия» журналист О. Осетинский утверждал: «Фундаментальные проблемы христианства, как свобода воли человека, т.е. допускаемая Христом возможность выбора своей судьбы, а также необходимость самоусовершенствования для получения Божеской награды и духовная ответственность самого человека за свои поступки, проблема духовного делания и другие глубокие, трудные, сложные религиозные догматы христианства – в исламе в общем отсутствуют. А то, что заимствовано из Евангелия и Библии, упрощено. И вот эта редукция, упрощение, легкость восприятия мусульманства простым народом – трактуется главными заинтересованными лицами исламских стран как самый привлекательный момент в исламе!» Это высказывание не прошло мимо внимания депутата Государственной думы Гаджимурада Омарова, который предъявил О. Осетинскому иск по ст. 282 Уголовного кодекса («Возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды»). Случившееся является примером активного невежества. Стоит также вспомнить появившийся на прилавках роман в стиле фэнтези «Мечеть Нотр-дам де Пари». Как один из сотрудников ежемесячного дайджеста «Россия и мусульманский мир» я постоянно сталкиваюсь с материалами антиисламского характера. Недавно подобный материал был прислан из Ростова-на-Дону, что свидетельствует об отсутствии национального консенсуса в этом городе.

Многие западные востоковеды отмечают, что европейские СМИ создают множество неверных стереотипов, которые ис-

кажают образ Запада в мусульманском мире и образ исламского мира на Западе. Массовое распространение взглядов, которые глубоко проникли в стереотипы и идеологии религиозных и культурных конфликтов, создают серьезную угрозу миру в глобализованном мировом сообществе.

Египетский ученый И.А. Рагаб (Хелуанский институт, Египет), анализируя распространенный на Западе тезис о том, что ислам несовместим с модернизацией, критикует подобный подход. Кроме того, он обращает внимание на то, что Запад неверно понимает само слово «ислам», переводя его как «покорность», как символ пассивности и бездеятельности. Должна сказать, что года два назад я с изумлением увидела книгу нашего коллеги, который именно так трактовал слово «ислам». На самом деле речь идет о принятии бога единого, отказе от многобожия, то есть принятии божественных откровений, полученных Мухаммадом от Аллаха. К этому следует добавить, что в России многие, особенно христиане (включая московского мэра), не отождествляют Бога и Аллаха. Этому способствовал перевод Корана на русский язык, где доминирует слово Аллах, а не Бог. Во французском, немецком и английском переводах слово Аллах используется наравне со словом Бог, под которым подразумевается Создатель. Сегодня европейское общество во многом отдалилось от христианства и там эта терминологическая ситуация мало кого волнует...

Справедливости ради следует отметить, что не все европейские ученые, оценивая ситуацию вокруг ислама в мире, видят в этой религии врага. Еще Абрам Ясент Анкетиль дю Перрон (1731–1805), французский востоковед, положивший начало изучению авестийского языка и зороастрийской письменности, после своего пребывания в Индии и ряде других восточных стран одним из первых задумался над вопросом, почему Коран привлек к себе столь внушительное число верующих на значительной части земного шара. Он выступал против негативного отношения к исламу, утверждая идею равноценности и равноправия всех религий. Он утверждал, что каждый народ, даже если он отличается от нас, может иметь достоинство, настоящие законы, обычаи и разумные мнения.

На самом деле Запад не понимает арабского мира. Арабский социум разделяет ценности коллективистской культуры, которая имеет как свои положительные, так и отрицательные качества. Коллективистская культура предполагает умение

сопереживать и ценить семейные узы. Кроме того, в этой культуре можно всегда рассчитывать на поддержку на самом разном уровне, ибо каждый индивидуум является членом многочисленных объединений: семьи, клана (племени), религиозной общины и т.д. В таком обществе моральные ценности пользуются особым уважением. Естественно, что здесь всегда бывает резкая реакция на оскорбление религиозных святынь. Этим во многом объясняется конфликт, который происходит между представителями диаспор и принимающих их европейских обществ, где коллективистская культура противостоит индивидуалистской.

Одним из средств, скрепляющих мусульманское содружество, является общественное мнение. Можно говорить об определенной циничности арабской элиты (наверное, это имманентная черта элиты вообще) и религиозности, а также националистичности арабской улицы. Но отношение Запада к арабскому миру объективно создает консенсус элиты и среднего класса во всем арабском ареале. Вопрос об отношении к США в арабских странах является одним из тех, где нет разных мнений.

Во второй половине 90-х годов арабская пресса (особенно та, которая находится за пределами арабских стран, например, в Лондоне, то есть вне прямого правительственного контроля) взяла на себя не только образовательные функции. Сегодня арабская пресса формирует общественное мнение, держит аудиторию в курсе всех событий, происходящих как на Востоке, так и на Западе. Характерно, что уровень излагаемых материалов очень высокий, информация дается буквально с мест событий. Кроме того, арабские СМИ постоянно ведут опрос своих сограждан по наиболее значимым вопросам. Таким образом, можно говорить об очень большой включенности «арабской улицы» в политические дебаты, о ее информированности, и, следовательно, о существовании механизма выработки общего мнения. Позволю себе предположить, что современные арабские СМИ частично взяли на себя интегрирующую роль, которую до недавнего времени традиционно играла мечеть. В диаспорах практически все мужчины получают ежедневную информацию благодаря радиостанциям, ведущим свои передачи на арабском языке. Таким образом, можно говорить о поддержании коллективистского начала как внутри арабского мусульманского мира, так и за его пределами.

Как будет развиваться диалог между арабо-мусульманской и европейской цивилизацией? Очевидно, что усиливающаяся глобализация неизбежно приведет к созданию тесных контактов во всех областях мирового развития, и каждая культура, каждая цивилизация должны, привнося свою самобытность, принимать и адаптировать ценности других цивилизаций. И той и другой стороне следует понять, что ни европейские, ни исламские ценности не могут кому-либо угрожать. Напротив, они должны стать основой культурных и политических отношений между исламским и западным миром.

¹ Buhler P. La guerre d'Irak: paysage après la bataille// Critique intern, 2003, № 19, с. 11.

² Arnaud de Foyard P. Irak: urgencies d'après-guerre// Défense nationale, P., 2003, № 7, с. 23.

³ Там же, с. 22.

⁴ Там же, с. 28.

⁵ Buhler P. La guerre d'Irak: paysage après la bataille// Critique intern, 2003, № 19, с. 11.

⁶ Там же.

⁷ Exposito J. Islamic threat., N.Y., 1992, с. 33.

⁸ Huntington S.P. The West: Unique, not universal // Foreign affairs – N.Y., 1996. – Vol. 75, № 6, с. 28.

⁹ Россия и мусульманский мир. М., 2007, №3(177), с. 136.

А.И.Яковлев

АРАБСКИЙ ВОСТОК ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В попытках определить характер современного развития мира применительно к развитым странам Запада используются разные понятия: постмодерн, глобализация и др., а качество самого западного общества определяют как постиндустриальное, посткапиталистическое, постхристианское и информационное. Реже, но используется и понятие кризис. На мой взгляд, это уместная характеристика.

Не менее важным представляется рассмотрение последствий этого кризиса для стран Востока, в частности Арабского Востока. Ранее, во второй половине XX в., они сталкивались с вызовом Запада в социально-экономической и политической сферах, и ответом на этот вызов стали модернизация экономической и социальной жизни, а также противостояние (в различных формах) давлению западных стран. На нынешнем рубеже эпох проблемы Запада усугубились, что усилило степень вызова для арабских стран.

Стоит оговориться, что кризис Запада – это вовсе не обязательно конец. Кризис, как и в ходе болезни у человека, показатель неблагополучия. Исторический опыт развития западноевропейских стран и США показал, что они успешно преодолевали возникавшие серьезные трудности. В настоящее время мы являемся современниками переходного состояния мира. Совершается переход наиболее развитой в социально-экономическом отношении части мира от одного состояния к другому, в ходе которого проявляются симптомы неблагополучия не только в финансовой, промышленной, экологической сферах, но также и в сфере духовной жизни.

Для стран и народов Востока названный кризис усиливается тем обстоятельством, что во многих из них еще не завершён переход от традиционного строя. Состояние пере-

ходности к современному обществу усугубляется последствиями ускоренной модернизации по западному образцу.

За несколько десятилетий ускоренного развития во многих восточных обществах возникли анклавные современного строя и уклада жизни, следующие изначально избранному образцу – западной модели. В частности, в нескольких арабских странах в сжатые сроки прошли процессы экономического развития, в ходе которого сочетались элементы промышленного переворота, научно-технической и «зеленой» революций (с разной степенью эффективности). Несомненным там является значительный рывок к созданию и развитию современного, то есть капиталистического и индустриального общества. Поскольку в конце XX в. произошло разделение так называемого «третьего мира» на второй-третий (Тайвань, Южная Корея, Малайзия, нефтяные монархии Аравии) и третий-четвертый (Афганистан, Непал, Йемен), то возник более или менее заметный разрыв в уровнях развития техники и технологий между различными странами, в том числе и арабскими. Его следствием стали и различный уровень социального развития и уровень жизни населения. Соответственно и архаичные остатки старого уклада жизни и хозяйствования также в большей или меньшей степени «перемолоты» в этих двух группах восточных стран.

Фактически в ряде арабских стран возникает новый тип многоукладности, критерием которого становится не только способ производства или его масштабы, но также степень вовлеченности в процесс производства и использования информации. Между тем, по данным МБРР на 2002–2003 гг., число персональных компьютеров и число пользователей Интернета (на 1 тысячу человек) составляли соответственно: в Тунисе – 40,5 и 64; Египте – 21,9 и 39; Иордании – 4,7 и 81; Сирии – 19,4 и 2; Саудовской Аравии – 130,2 и 65; Йемене – 7,4 и 1; в то время как в США – 658,9 и 551; Японии – 382,2 и 449; Германии – 484,7 и 473; Австрии – 369,3 и 415¹. Это качественный разрыв не только в сфере высоких технологий, это показатель иного качества жизни населения и рабочей силы.

Конечно, нефтяные монархии Аравии в качестве важных источников поставок энергоресурсов сохраняют свое место в мировом хозяйстве, но значение нефтяного фактора, прежде столь могущественного, явно уменьшается. В структуре ми-

рового энергопотребления доля нефти за последние четверть века постепенно снижается: 1980 г. – 43,4%, 1990 г. – 39,9%, 2000 г. – 38,9%, 2007 г. – 35,6%². Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., видимо, еще более понизит значение нефти.

Правда, Саудовская Аравия, в недрах которой, по оценкам, находятся еще 264 млрд. барр. нефти, сохраняет роль лидера среди мировых нефтепроизводителей. Несмотря на существенное падение уровня доходов стран-нефтепроизводителей, нефть остается стабильным источником пополнения казны. Но при всех очевидных достижениях в развитии национального хозяйства, в монархиях Аравии возникли лишь анклавные участки постсовременной экономики, причем преимущественно в сфере финансов, то есть зависимые от Запада. Арабские страны за последние десятилетия сумели провести необходимые структурные перемены в экономике, но их главной целью было скорее создание устойчивой модели национального хозяйства, чем попытка утвердить свою самостоятельность в мировом хозяйстве.

По недавнему прогнозу ИМЭМО, мировая экономика при всех неизбежных конъюнктурных и циклических колебаниях «никогда уже не вернется к прежней “доинформационной” конфигурации развития»³. По этому показателю, особенно важному в условиях наступившей «информационной эпохи», арабские страны заметно отстают. В списке 20 крупнейших компаний мира по расходам на НИОКР по состоянию на 2008 г. нет ни одной не только арабской, но и восточной компании (Япония не в счет).

Совершенный Западом качественный рывок в инновационной сфере может быть сравним с Промышленной революцией XVIII в. или Научно-технической революцией середины XX в., и он знаменует собой углубление разрыва между «передовым Западом» и «отстающим Востоком», несмотря на вполне успешные показатели в доходной части бюджетов восточных стран. И это новый вызов для Арабского мира, последствия которого окажутся весьма долгосрочными.

Однако к рубежу XX-XXI веков в разных странах Востока стали назревать сходные кризисные процессы, лишь косвенно связанные с трудностями социально-экономического развития. Возникают вызовы в неэкономических сферах.

«Эпоха процветания» западного общества в 1950–1970-е годы, равно как и военные и экономические конфликты на Ближнем Востоке, стали в массовом сознании народов Арабского Востока *вызовами* со стороны Запада. Исламская революция в Иране и события 11 сентября 2001 г. в США стали *вызовами Востока Западу*, они со всей очевидностью показали ограниченность значения западной модели как образца для стран Востока. Модернизация не сделала эти страны подобиями западных, и в массовом сознании лишь отдельные элементы западной модели принимаются как положительные.

Думаю, для более полного понимания происходящего стоит вернуться к использованию скоропалительно отвергнутого понятия «формация», дополнив его столь же скоропалительно ставшим модным понятием «цивилизация». Рассмотрение общественного развития по этим двум системам координат позволяет получить более точное и глубокое представление об идущих в обществе процессах.

Тогда понятно, что восточное общество в состоянии использовать западную формационную модель развития, как совокупность начал материальной и общественной жизни: господство частной собственности, отношения свободного найма рабочей силы в процессе производства, сочетание производительных сил в хозяйстве, основанных на использовании техники, научных достижений и энергии угля и нефти, а также производные от них формы политической и общественной жизни (парламент, конституция, партии, выборы). В XIX в. Запад совершил решающий рывок в формационном отношении и закрепил его в XX в. Остальной мир, захваченный и вдохновленный его достижениями, последовал ему.

Однако, рассматривая человека не просто как «большой желудок», но как существо духовное, необходимо признать его принадлежность не только материальной сфере жизни, но и сфере нематериальной, то есть цивилизационной. Различные цивилизации прочно укоренены в пространстве и во времени, они представляют собой стабильную этнодемографическую и социально-культурную общность, длительное время существующую на определенной территории и имеющую исторический опыт существования, собственную систему ценностей, морали и норм поведения, свою религию и культуру.

Религия является системообразующим элементом цивилизации, но сводить цивилизационное начало к религиозному было бы упрощением. Жители многих стран самоидентифицируют себя скорее по принадлежности к определенной культуре: американской, арабской, турецкой, русской, индийской, китайской, английской, французской и т.д.

Во всякой цивилизации в той или иной форме имеется обращение к высшим духовным ценностям. И именно эта вертикальная ориентация на высший смысл – Бога придает осмысление человеческому существованию и задает основные параметры земной жизни человека. Отказ от высших ценностей и сведение человека к элементарным животным функциям потребления и удовольствия, в конечном счете, вызывают необратимые негативные последствия в обществе.

Между тем западная модель, плодом развития которой как раз и стало современное – индустриальное капиталистическое общество, постепенно отказалась от использования своего традиционного цивилизационного наследия – христианства и западноевропейской культуры. Там подчинили цивилизационное развитие формационному, сделав именно формационные, материальные ценности – высшими, а материальное благо и полную независимость отдельного человека – абсолютной ценностью. Этим объясняется вступление западного мира в качественно новое состояние: не только постиндустриальное, но и постхристианское. В этом – важная часть вызова Запада всему миру.

Очевидно, что восточные общества, не желавшие, а частью не успевшие реализовать на своей земле западную модель в ее двух проявлениях, на рубеже веков оказались перед выбором. Они обладали немалым опытом конфликтов и кризисного взаимодействия двух разнородных начал – современного западного и традиционного восточного. И выбор был сделан: используя во второй половине XX в. формационное содержание западной модели, страны Востока отвергли ее духовную составляющую как эпохи модерна, так и постмодерна, а поскольку никакое общество не в состоянии существовать без духовной составляющей (хотя бы псевдодуховной), ею вновь стала Традиция. Правда, по мере модернизации дух эгоизма и индивидуализма усиливается в наиболее современных восточных обществах, но едва ли сможет там господствовать.

Таким образом, неожиданным, отчасти парадоксальным следствием модернизации восточных стран стало возрождение их цивилизационных начал, их Традиции. Конечно, есть основания говорить о кризисе традиционных ценностей как современного западного общества, так и о кризисе традиционных ценностей до-современного или анклавно современного восточного общества, которое вольно или невольно втягивается в стремительно глобализирующийся мир, но для Востока это не системный кризис.

Для Арабского Востока важными остаются еще два аспекта цивилизационного фактора, от которых они не собираются отказываться: историческая память и религия. В массовом сознании, но сильнее – в сознании разных поколений арабских интеллектуалов жива память о великольном прошлом Арабского халифата, о высоком уровне арабской культуры Средневековья, синтезировавшей достижения Античности и наследие восточных культур. Религиозный фактор, остающийся фундаментом личности, общности и общества на Арабском Востоке, также питает чувства гордости и самоуважения, безусловную уверенность общества в своей значимости.

Стоит обратить особое внимание не только на все более ясно выявляющееся противостояние различных культур и цивилизаций, но также на внутренние процессы, происходящие в них. Там продолжается процесс развития, все менее зависимый от внешнего фактора – Запада. И в ходе этого противоречивого процесса возникают конфликты разного уровня: между традиционными и полутрадиционными силами, между ними и современными силами, между ними и национальными представителями космополитичной «давосской культуры». Источниками конфликтов служат не только отношение к Западу, вестернизации и глобализации, но различное отношение к Традиции и религии (оставляя в стороне этнические, национальные, региональные и прочие факторы).

В этой связи заслуживает внимания личность саудовского эмира Бандара ибн Султана, пробывшего 23 года в Вашингтоне в качестве посла Саудовской Аравии в США и игравшего важную роль не только в двусторонних отношениях этих государств, но и мировых делах. На первый взгляд, он стал олицетворением космополитичной «давосской культу-

ры», подобно некоторым другим экстравагантным саудовским предпринимателям и эмирам. В частности, эмир Бандар чувствовал себя в Вашингтоне вполне «своим парнем»; он выступал в качестве посредника при урегулировании и выводе советских войск из Афганистана в 1989 г., в урегулировании Ближневосточного конфликта и в ходе войн в Персидском заливе против Ирака. Этот дипломат мирового уровня в равной степени принадлежал к двум культурам: арабо-мусульманской и западной; среди саудовских либералов он заслужил прозвище «принц нашей надежды»⁴. В то же время после возвращения в королевство он вернулся к образу жизни и укладу жизни, привычному для большинства населения.

Таким образом, в последние годы появляется все больше оснований для того, чтобы с большим вниманием относиться к *нематериальным факторам развития*. Уже сейчас и в перспективе очевидно возрастание значения духовного фактора в общественной жизни. В мире происходит подлинное возрождение религии, названное в России «вторым крещением Руси», а на Западе – «десекуляризацией мира». Христианство, ислам, иудаизм, индуизм и буддизм – все они испытывают огромный подъем приверженности и понимания со стороны широких народных масс. В частности, в десятки мечетей, появившихся за последние двадцать лет во всех крупных городах Запада, приходят не только приехавшие мусульмане-эмигранты, но и сотни европейцев, принявших ислам.

Этот процесс стал не только ответом на вызов массовой потребительской культуры, реакцией на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, что присуще западной модели развития. В условиях все ускоряющейся модернизации, стремительных социальных перемен и смены культурной парадигмы люди пытаются осознать себя самое, определить свое «я». Это порождает стремление к самоидентификации личности и общества в целом.

Целью развития модернизированного восточного общества становится уже не только социальное, материально-техническое и военное развитие, в основе которого лежало эгоистичное стремление к господству – человека среди людей и государства среди других государств, а все более – возвращение к своей Традиции.

И если продолжение развития по западной модели поставит под сомнение Традицию, то это повлечет за собой угрозу всему обществу в существующих национально-государственных границах. Вот почему король Саудовской Аравии Абдалла ибн Абдель Азиз, еще будучи наследником престола, часто указывал на необходимость безопасности и стабильности как обязательные условия для успешного развития страны⁵. Образно говоря, правители королевства способны отказаться от электрического освещения, если оно затмит «огонь веры». Вопрос, согласятся ли с этим их подданные?..

Судя по всему, известная западная модель потребительской экономики и потребительского общества исчерпала свои возможности не только в качестве абсолютного образца для подражания. «Информационная экономика» – лишь иное проявление той же модели общества крайних индивидуалистов, для которых иные люди и иные страны стали лишь средством для привычного потребления и собственного преуспевания. Впрочем, это вовсе не означает «смерти Запада», ведь за полторы тысячи лет западноевропейская цивилизация показала замечательное умение преодолевать сильнейшие кризисы и даже усиливаться. Время покажет, обратим ли вспять идущий там сейчас процесс постмодерна, сможет ли Запад свернуть от дороги к обрыву, сумеет ли избежать краха, а также разрастания и углубления конфликта со странами Востока в борьбе за необходимые ресурсы.

Смена *модели развития*, а следовательно, возвращение к своим цивилизационным основам в иных материально-технических условиях – это один из возможных путей выхода мира из кризиса. В этом отношении лучшие перспективы как раз у незападных обществ, у стран Востока – при условии, что они смогут преодолеть без катастрофических последствий кризисы нынешние и будущие и создать свою модель (модели) развития, смогут плодотворно синтезировать современное и традиционное, восточное и западное.

И ответ Арабского Востока на вызов Запада в сложившихся условиях может оказаться неожиданным. Поняв иллюзорность попыток догнать *Запад* в сфере высоких технологий, арабские страны в долгосрочной перспективе могут более четко структурировать и свое хозяйство и общественную жизнь, выделив в существующем многообразии много-

укладности место для слоя посткапиталистической, информационной формации – в той мере, в какой это покажется необходимым для нормального существования в мировом сообществе. А весь основной массив арабского общества может остаться в обновленном состоянии на основе традиционных ценностей арабо-мусульманской цивилизации.

¹ См.: Страны и регионы. 2005. Статистический справочник Всемирного Банка. М., 2005.

² Saudi Arabia Monetary Agency. Annual Report. 1429H (2008G). Riyadh, 2008, с. 156.

³ Россия и мир: 2008. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., 2007, с. 20.

⁴ Simpson W. The Prince. The Secret Story of the World's Most Intriguing Royal Prince Bandar bin Sultan. N.Y., 2006, с. 435.

⁵ Abdallah bin Abdul Aziz in words and pictures. Riyadh, 2000, с. 67.

Н.Н.Цветкова

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
И ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

К числу важнейших вызовов, с которыми сталкиваются страны Ближнего Востока в новом веке, принадлежат вызовы глобализации.

Глобализация как усиление взаимозависимости между странами и вообще всеми субъектами мировой экономики предполагает развитие единых мировых рынков капитала, технологии, рабочей силы, формирование единого механизма международного воспроизводства. Говоря о глобализации, следует разделять, как писал видный отечественный востоковед Г.К. Широков, с одной стороны, глобализацию как объективный процесс усиления взаимозависимости национальных экономик в условиях постиндустриального развития, после распада СССР, процесс, охватывающий не только экономику, но и политику, культуру, социальные процессы, и, с другой стороны, глобализацию как концепцию развития мировой экономики, пропагандируемую прежде всего самими крупнейшими ТНК и развитыми странами (риторику глобализации, которая во многом рассматривает глобализацию как распространение западной модели и сводит модернизацию к вестернизации)¹.

Глобализация как определенная концепция развития мировой экономики понимается как включение развивающихся стран в глобальную экономическую систему, при распространении определенных рецептов модернизации, реформирования незападных обществ, как правило, рецептов для экспортного исполнения, таких, например, как рекомендации Мирового Банка – МВФ (так называемые Вашингтонский и Поствашигтонский консенсусы).

Глобализация – это процесс прежде всего экономический, обусловленный уровнем развития производительных сил, но процесс этот влияет на различные стороны жизни общества. Глобализация затрагивает культуру принимающих обществ,

причем культуру, понимаемую как сущностное начало цивилизации. Свойственные глобализации черты (рационализм, приоритет рынка, рыночной экономики, основанной на стремлении к максимальной прибыли, индивидуализм в противоположность коллективизму, сложившейся системе социальных связей и императивов) входят в противоречие с системой ценностей восточных цивилизаций. Многие продукты идущей вместе с глобализацией массовой культуры, например, фильмы, прямо пропагандируют культ насилия, аморальность, ценности, глубоко чуждые восточному обществу.

Отторжение чуждых ценностей тем сильнее, чем меньше экономических выгод те или иные группы, общности, социальные (в том числе и сгруппированные по таким признакам, как гендер, возраст), этнические группы получают от интеграции в глобальную экономическую систему, а выгоды и доходы в глобальной системе распределены весьма неравномерно. При этом если в странах развитых в систему глобального процветания интегрировано подавляющее (или, во всяком случае, достаточно многочисленное) большинство населения, то в развивающихся странах, при отсутствии эгалитарной социальной политики, чем беднее страна, тем большая часть населения остается за бортом этой системы всеобщего процветания.

Подходы к глобализации и ответы на ее вызовы различны в разных ареалах Востока. Опыт Японии по заимствованию элементов западной культуры, в особенности технологий, при сохранении своеобразия национальной цивилизации часто признается весьма успешным. К нему в определенной мере близки в плане культурных и технологических заимствований китайская и (в определенной мере, но иначе) индийская модели: это сохранение сущностных элементов при готовности воспринимать и адаптировать элементы технологической модернизации.

Для мусульманского общества стран Ближнего Востока характерно стойкое сохранение сущностных элементов культуры, что вызывает тем больший протест против насаждения чуждых ценностей. Общеизвестно противостояние культурных ценностей исламского общества, его коллективистской модели и индивидуалистических по своему характеру ценностей, насаждаемых европоцентристской модернизацией.

Любопытны в этом плане мысли, высказанные тунисским профессором Мохаммедом Тальби в его докладе на международной конференции «Какая глобализация?», проведенной

в ноябре 2001 г. в Париже Всемирной академией культур, неправительственной организацией по вопросам межкультурного взаимодействия, в которой приняли участие видные политики, деятели науки и культуры, в их числе итальянский писатель и ученый-медиевист Умберто Эко, французский историк-медиевист Жак Ле Гофф, индийский писатель Арундхати Рой, президент Сенегала Абдулай Вад (в прошлом профессор Дакарского университета), индийский экономист Арджун Сенгупта.

Говоря о различии исламских и западных ценностей, профессор Туниского университета Мохаммед Тальби вспомнил миф о Прометее. Этот герой древнегреческой мифологии похитил огонь у Богов, чтобы отдать его людям. М. Тальби говорит о влиянии мифа о Прометее на всю философию развития западного общества, на идею о том, что человек – хозяин Природы, что он должен взять то, что ему нужно, силой. Согласно исламу, красть огонь у людей необходимости не было, он был дарован людям, отсюда, по словам М. Тальби, – фундаментально иное отношение к Природе, к окружающему миру. От древнегреческого героя Прометея прокладывается мостик и к насильственному вторжению западной цивилизации в жизнь восточного общества, к насаждению чуждых ему ценностей, в том числе и силой оружия или путем использования финансовых рычагов. Эту мондиализацию М. Тальби прослеживает от истории Римской империи и крестовых походов, колониальной экспансии западных держав до глобализации и деятельности транснациональных корпораций к началу XXI века. По словам М. Тальби, глобализация, символом которой может считаться Прометей, – это насильственный захват, конфискация Земли. Человек европейский построил глобализацию вокруг себя и для своей выгоды.

«Глобализация выступает как вестернизация, как насильственная американизация, которую осуществляют те, кто украл огонь у Неба и использовал его для своей выгоды». М. Тальби сетует и о том, что глобализация осуществляется Западом в альянсе с реакционными диктаторами арабо-мусульманского мира, причем этот альянс вызывает отчуждение у народов арабских стран.

В своем выступлении М. Тальби прослеживает связь между отторжением глобализации и терроризмом и говорит о том, что «лучшей защитой от международного терроризма является не война, не дьяволизация Иного, а справедливость и уважение культурного многообразия»².

Итак, глобализация как многосторонний процесс, посягающий на культурную самобытность мусульманских народов, на сущностные основы их бытия, вызывает в арабо-мусульманском мире реакцию отторжения. Взгляды М. Тальби, который при этом отнюдь не принадлежит к числу исламских фундаменталистов, а является интеллектуалом, во многом воспитанным на западной культуре, в этом плане весьма типичны.

Глобализация как усиление экономической взаимозависимости между странами – это процесс, в стороне от которого не остается ни одна страна, хотя отнюдь не все страны получают от этого выгоды.

Прямые иностранные инвестиции в странах Ближнего Востока

Важнейшей составной частью глобализации является международное перемещение факторов производства – прежде всего капитала.

В последние годы, а точнее, с началом нового века страны Ближнего Востока более активно включились в процессы международного перемещения капитала. С 2002 г., после того, как начался подъем мировых цен на нефть, резко возросла роль стран Ближнего Востока, прежде всего арабских стран Персидского залива, и как получателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и как экспортеров капитала, причем именно в форме ПИИ.

Как правило, под прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) понимается владение резидентами одной страны активами в других странах. В платежном балансе к прямым инвестициям обычно относится приобретение 10% и более уставного капитала фирмы³.

На фоне горячих денег с их высокой «волатильностью» (резкими колебаниями), «летучестью», по мановению клавиши компьютера приходящих в страну и убегающих из нее, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) выступают как феномен, отличающийся достаточно высокой стабильностью. Действительно, капиталовложения в производственные активы, в создание предприятий уже в силу своей специфики не могут быть изъяты моментально, в короткий срок. ПИИ осуществляют в основном транснациональные корпорации (ТНК). В настоящее время в ООН принято весьма широкое определение ТНК. К ним отно-

сят хозяйственные структуры, которые включают родительские компании и их зарубежные филиалы. Родительской компанией при этом называют компанию, которая полностью или частично контролирует активы других компаний за рубежом. Последние называют филиалами ТНК (или, точнее, аффилированными фирмами) и подразделяют на дочерние компании, где родительская компания владеет более 50% уставного капитала, ассоциированные компании (материнская компания контролирует от 10 до 50% капитала) и отделения, не являющиеся юридическими лицами в принимающей стране.

В 2002–2007 гг. наблюдался существенный рост притока ПИИ в страны Ближнего Востока. В международной статистике этот регион (точнее, Западная Азия⁴) рассматривается отдельно от Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии (ЮЮВВА). В 90-е гг. страны Ближнего Востока не играли сколько-нибудь заметной роли в качестве принимающих стран для ТНК. Балансовая стоимость ПИИ в странах Ближнего Востока составляла в 1990 г. 45,8 млрд. долл. (12,5% от балансовой стоимости ПИИ в развивающихся странах). К 2000 г. она равнялась только 4,0% от балансовой стоимости ПИИ во всех развивающихся странах, хотя по стоимости увеличилась до 68,9 млрд. долл., в 1,5 раза по сравнению с 1990 г. (а в странах ЮЮВВА она увеличилась в 6 раз за тот же период). Заметим, что 90-е гг. были периодом снижения мировых цен на нефть, которые опустились до своего минимума в 1998 г. С 1999 г. и вплоть до июля 2008 г. мировые цены на нефть росли весьма высокими темпами (хотя уровень 1980 г. при расчетах, принимающих во внимание обесценение доллара, был достигнут только в начале 2008 г., он составляет порядка 100 долл. за баррель). В 2000–2006 гг. балансовая стоимость ПИИ в странах Ближнего Востока увеличилась с 68,9 млрд. долл. до 242,6 млрд. долл., то есть почти в 4 раза (здесь и далее приводятся подсчеты коэффициента роста), темпы ее роста были значительно выше темпов роста ПИИ в мире и в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Доля стран Ближнего Востока в балансовой стоимости ПИИ в развивающихся странах повысилась до 7,7% (что, впрочем, было ниже их доли в мировых инвестициях в 1990 г., 12,5%). Особенно заметным был рост ПИИ в таких странах, как ОАЭ (с 1,0 до 37,1 млрд. долл., в 37 раз!), Турция (с 19,2 до 79,1 млрд. долл., в 4,1 раза), Саудовская Аравия (с 17,6 до 51,8 млрд. долл., в 2,9 раза)⁵. Бум иностранных

инвестиций в ОАЭ и Саудовской Аравии, являющихся капиталоемкими странами-экспортерами нефти, был связан с ростом доходов от экспорта нефти, с повышением темпов роста ВВП, в свою очередь обусловленным ростом цен на нефть.

Следует отметить, что размещение ПИИ в развивающихся странах характеризуется четко выраженной неравномерностью. Значительная доля зарубежных операций и активов ТНК в каждом регионе приходится на несколько стран. Так, в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии в 2006 г. 90% балансовой стоимости ПИИ приходилось на 7 из 26 стран, входящих в регион⁶. Бедные, наименее развитые, не обладающие конкурентными преимуществами страны ТНК обходят стороной.

Балансовая стоимость ПИИ в странах Ближнего Востока увеличилась с 43,8 млрд. долл. в 1990 г. до 353,5 млрд. долл. в 2007 г. Довольно значительной в ней была доля Турции (145,6 млрд. долл.). Балансовая стоимость ПИИ с 2000 г. по 2007 г. увеличилась в Саудовской Аравии с 17,6 до 76,2 млрд. долл., в ОАЭ – с 1,0 до 54,8 млрд., в Бахрейне – с 5,9 до 13,0 млрд., в Катаре – с 1,9 до 7,3 млрд., в Омане – с 2,6 до 5,9 млрд. долл. Именно в странах Залива балансовая стоимость ПИИ увеличивалась в начале XXI в. наиболее динамично. Особенно стремительно возросли в 2000–2007 гг. ПИИ по балансовой стоимости в ОАЭ – в 54 раза, в Саудовской Аравии – в 4,3 раза, в Катаре – в 3,8 раза. В Кувейте в 2007 г. балансовая стоимость ПИИ составляла всего около 1 млрд. долл.⁷

Если рассматривать не накопленную балансовую стоимость (stock) ПИИ, а приток (inflow) ПИИ, то приток ПИИ в страны Ближнего Востока в 2003–2007 гг. быстро возрастал. Приток ПИИ в регион в 1995–2002 гг. был весьма умеренным. В 2007 г. приток ПИИ в страны Ближнего Востока увеличился на 12% по сравнению с 2006 г., достигнув 71 млрд. долл. 4/5 притока ПИИ в регион направлялось в три страны – Саудовскую Аравию, Турцию и ОАЭ. Крупным получателем ПИИ был также Оман⁸. Приток ПИИ в Саудовскую Аравию возрос в 2007 г. на 33%, достигнув рекордного уровня в 24 млрд. долл. Приток ПИИ во все 6 стран-членов Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (Gulf Cooperation Council) достиг в 2007 г. 43 млрд. долл. Из всего притока ПИИ в страны Ближнего Востока в 2007 г. 60% направлялось в арабские страны Персидского залива. Еще 31% приходился на Турцию.

ПИИ делятся на два основных потока. Один из этих потоков направляется на слияния и поглощения (mergers and acquisitions), т.е. на скупку уже существующих предприятий, находящихся в собственности местного капитала или других иностранных инвесторов. Другой поток – это инвестиции в новые проекты, в создание новых предприятий (greenfield investments).

Общий объем сделок по приобретению (скупке) компаний в странах Ближнего Востока достиг в 2007 г. 30,3 млрд. долл. (Соответственно инвестиции в новые проекты можно подсчитать путем вычета этой суммы из общей суммы притока ПИИ в регион, что составляет около 40 млрд. долл.). 21,4 млрд. долл. вложили инвесторы из развитых стран, 7,7 млрд. долл. – инвесторы из развивающихся стран, в том числе и из стран Азии – 7,2 млрд. долл., среди них и сами страны Персидского залива – Катар (4 млрд. долл.), Кувейт, Саудовская Аравия, которые скупали предприятия в соседних странах своего же региона.

В 2007 г. из общей суммы инвестиций, направленных на приобретение компаний, в 30,3 млрд. долл. 89% было вложено в сферу услуг, в том числе в транспорт – 31% от всех инвестиций, в финансы – 29,4%, в услуги по обеспечению коммерческой деятельности – 10,5%, в коммунальные и личные услуги – 8,2%, в рекреационные услуги (индустрия отдыха и развлечений) – 6,6%, в торговлю – 4,3%. В обрабатывающую промышленность было вложено 3,2 млрд. долл. (10,6% от общей суммы), в сырьевые отрасли – 0,2 млрд. долл. (0,6%).⁹

В инвестициях в новые проекты несколько большей была доля промышленности, в том числе имели место новые проекты в сфере разработки энергоресурсов. Так, КонокоФилипс (США) выиграла на тендере контракт на разработку месторождений газа в ОАЭ¹⁰.

ТНК в нефтедобывающей и газодобывающей промышленности стран Персидского залива

Небольшое отступление – историческая ретроспектива. Сырьевые отрасли традиционно, с колониальных времен играли ведущую роль в экспансии частного монополистического капитала стран Запада в странах Ближнего Востока. Добыча нефти и газа – основной источник валютных поступлений для арабских стран Персидского залива. До 1970-х гг. в нефтедо-

бывающей промышленности стран Ближнего Востока доминировали ведущие нефтяные корпорации – так называемые «семь сестер», которые составляли Международный нефтяной картель: пять американских корпораций – «Эксон», «Мобил», «Тексако», «Стандарт ойл оф Калифорния», «Галф ойл», английская «Бритиш Петролеум» и англо-голландская компания «Ройял Датч Шелл» (В свое время о них написал книгу Энтони Сэмпсон «Семь сестер: нефтяные компании и мир, который они создали»). К «семи сестрам» примыкала и восьмая компания – французская «Компани франсез де петроль» (которая позднее стала называться «Тоталь»). «Семь сестер» вели добычу нефти в ближневосточных странах на основе неравноправных концессионных договоров, сохранившихся еще с колониальных времен, когда именно эти компании первыми начали вести разработку углеводородных ресурсов (Достаточно вспомнить только одного Галуста Гюльбекяна и его деятельность). Кроме ведущих нефтяных ТНК (их называют обычно majors) разведку и добычу нефти вели в ближневосточных и североафриканских странах и менее крупные (по сравнению с ведущими ТНК, но на самом деле весьма крупные по своим оборотам и активам) компании-аутсайдеры. К ним причисляли, например, итальянскую ЭНИ, американские компании «Маратон ойл», «Филипс петролеум», «Коноко» («Континентал ойл»), «Америкэн ойл». Аутсайдеры в отличие от «семи сестер», соглашались на более гибкие формы участия в нефтедобывающей промышленности развивающихся стран, например, в Ливии, шли на создание смешанных компаний, в том числе и с участием национального государства, на контрактные формы сотрудничества без участия в капитале предприятий.

В 60–70-х гг. нефтедобывающая промышленность и добывающая промышленность в целом стали отраслями, где молодые национальные государства, реализуя свое право на суверенитет над природными ресурсами, стали проводить национализацию. Несколько ранее, в начале 50-х гг. провело национализацию нефтяных компаний правительство Мосаддыка в Иране.

В 1960–1976 гг. в развивающихся странах, по оценкам ООН, было национализировано в среднем 18,8% иностранных активов. Из 1447 случаев национализации в развивающихся странах в 1960–1976 гг. 40% пришлось на страны Азии и Северной Африки.

В странах Ближнего Востока и Северной Африки в 1960–1969 гг. национализации подверглись прежде всего банки, страховые компании (1/2 всех случаев национализации), предприятия обрабатывающей промышленности (20% общего числа случаев). На активы нефтяных компаний пришлось в 60-е гг. в этом основном нефтедобывающем регионе мира лишь 12% от общего числа случаев национализации. В 1970–1976 гг. национализация охватила нефтедобывающую промышленность стран Ближнего Востока и Северной Африки, на нее пришлось 60% из 123 случаев национализации¹¹.

В результате одномоментных национализаций или постепенного перехода активов иностранных ТНК к национальному государству основными «актерами» в нефтедобывающей промышленности ближневосточных стран стали государственные нефтяные компании этих стран. Эта структура нефтедобывающей промышленности, заметим, сложилась уже к концу 70-х годов.

Наряду с национализацией в 70-е годы усилились и тенденции к более жесткой регламентации условий деятельности иностранных компаний в сырьевых отраслях, прежде всего в нефтедобывающей промышленности, во многих странах Азии. Тогда же в нефтедобывающих странах Ближнего Востока после национализации и пересмотра неравноправных концессионных договоров стали применяться контракты об услугах, о техническом содействии. Контракты об услугах предусматривают обязательства ТНК израсходовать определенную сумму на разведку и добычу нефти в обмен на право приобретать определенную долю, скажем, 35–40% продукции в течение определенного периода со скидкой с рыночной цены с учетом компенсации расходов на разведку нефти. По соглашениям о техническом содействии ТНК не инвестируют средства для осуществления проекта, не участвуют в капитале предприятий, но предоставляют только технологию и командируют технических специалистов. Доходы они получают только в форме вознаграждения за услуги, а командированный ими технический и управленческий персонал трудится под руководством управляющего из числа местных граждан.

«Наступление» стран-экспортеров нефти в 70-х гг. было сопряжено с повышением цен на нефть – в 1973 г. и в 1979 г. Если взять уровень мировых цен на нефть (реальных, а не номинальных) в 1980 г. за 100%, то в 1970 г. мировые цены на топливо составляли лишь 5,1% от этого уровня. Однако развитые страны

адаптировались к двум «нефтяным шокам» 70-х гг. С одной стороны, уменьшилась их зависимость от импорта нефти из развивающихся стран благодаря тому, что стали разрабатываться крупные месторождения нефти в развитых странах, прежде всего в Норвегии. С другой стороны, резко снизилась энергоемкость ВВП развитых стран. Результатом этого стала тенденция к снижению мировых цен на топливные товары, действовавшая вплоть до конца 90-х гг. Если, как уже говорилось, рассматривать цену на нефть 1980 г. (порядка 38 долл. США за баррель) как 100%, то к 1990 г. цены на нефть составили 69%, а к 1998 г. – 38% (с учетом обесценения доллара США) от этого уровня. Даже после начала роста цен на нефть в 1999 г. к 2000 г. мировые цены на нефть составляли 86% от уровня 1980 г.¹² За периодом роста цен на нефть, достигших своего пика в июле 2008 г. на уровне 151 долл. за баррель, что было связано, в том числе, и со спекуляциями, пришло падение цен на нефть, которые в марте 2009 г. составили порядка 40–45 долл. за баррель.

Во второй половине 80–90-х гг. низкие цены на топливо отрицательно сказывались на динамике капиталовложений в геологоразведочные работы и в наращивание мощностей по добыче топлива, в том числе и прямых иностранных инвестиций. Доля добывающей промышленности в балансовой стоимости ПИИ во всех странах мира снижалась на протяжении 90-х гг. и стала повышаться только после начала нового бума цен на нефть уже в новом веке.

Структура мировой нефте- и газодобывающей промышленности по сравнению с 60-ми годами претерпела изменения. Вместе с тем основы в ее развитии оформились уже в 70-х гг. Именно тогда ведущими актерами в добыче нефти и газа стали государственные нефтяные и газовые компании. Именно тогда иностранным ТНК стала предлагаться в добыче нефти не роль обладающего большими правами концессионера, но роль оператора, оказывающего услуги национальной нефтяной компании.

Нефть даже в условиях низких цен на нее остается товаром стратегическим. Ни одна из стран Востока даже в период неблагоприятной конъюнктуры на мировом рынке нефти не приватизировала государственные нефтяные компании, привлекая к участию в этом иностранных инвесторов.

В списке ведущих мировых компаний по добыче нефти и газа на 2005 г. первое место занимала саудовская компания

АРАМКО, второе место – российский Газпром, третье место – иранская НОК. На все 50 ведущих компаний-производителей приходилось в 2005 г. 72% мировой добычи нефти и газа (в пересчете на нефтяной эквивалент), составившей 47 млрд. барр. нефти.

В число 50 крупнейших компаний по добыче нефти и газа вошли 23 компании из развивающихся стран-производителей нефти и газа, в основном государственные (за исключением 2–3 компаний). Среди компаний из развивающихся стран крупнейшими производителями нефти и газа были после АРАМКО и НОК алжирская «Сонатрак», «Кувейт Петролеум Корпорейшн», «Абу Даби Нэшнл Ойл Компани» (АДНОК), иракская «Ираки Ойл эксплорейшн компани», «Катар Петролеум», «Национальная нефтяная компания Ливии». Всего в числе 23 компаний – ведущих производителей нефти и газа из развивающихся стран было 8 компаний из стран Ближнего Востока и 3 компании из стран Северной Африки.

На 35 компаний развивающихся и переходных стран пришлось около 70% объема добычи нефти и газа ведущими компаниями-производителями. Доля западных ТНК составила около 30%.

В целом доля иностранных компаний в добыче нефти и газа в развивающихся странах на протяжении последнего десятилетия осталась практически неизменной, увеличившись с 17,8% в 1995 г. до 18,9% в 2005 г.

В разных регионах развивающегося мира действовали различные тенденции. В 1995–2005 гг. доля иностранных компаний в добыче нефти и газа в Северной Африке возросла с 12,0% до 26,4%, в Тропической Африке – с 35,4% до 57,2%, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна – с 9,2% до 17,6%. В странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии за тот же период доля иностранных компаний в нефтяной и газовой промышленности понизилась с 40,5% до 32,3%, но осталась достаточно высокой.¹³

В странах Ближнего Востока – ведущем регионе мира по запасам углеводородного сырья вся добыча нефти и газа (в нефтяном эквиваленте) увеличилась за этот период с 8,3 до 11,0 млрд. барр., а доля иностранных компаний в ней сократилась с 9,4% до 3,5%. Относительно высокой была доля иностранных компаний в добыче нефти и газа в Катаре, где она сократилась в 1995–2005 гг. с 24,8% до 22,8%, в ОАЭ, где в тот

же период она повысилась с 11,0% до 14,4%. В основном же добыча нефти и газа в ближневосточных странах-экспортерах нефти оставалась для ТНК сферой, где они могли действовать только на основе контрактных, неакционерных форм сотрудничества, без участия в капитале создаваемых предприятий.

В нефтедобывающих странах Ближнего Востока уже с 70-х гг. используются преимущественно соглашения об услугах, о техническом содействии. В 2007 г. в Иране действовало 16 контрактов об услугах, в Кувейте – 3 таких контракта, в ОАЭ – 12 контрактов. Саудовская Аравия имела в 2007 г. 3 контракта с иностранными компаниями, но площадь территорий, охватываемых в среднем каждым из этих контрактов (75 000 кв. км), была многократно выше, чем по контрактам об услугах с другими странами (120 кв. км у Кувейта, 375 кв. км у ОАЭ, приблизительно 3000 кв. км у Индонезии)¹⁴. Применялись в странах Ближнего Востока и соглашения о разделе продукции, но они не были там преобладающей формой сотрудничества с ТНК. В Катаре в 2007 г. действовало 26 таких соглашений, причем других контрактов не было, в Ираке – 7 соглашений о разделе продукции (87,5% от общего числа контрактов в добыче нефти и газа).

Таким образом, нефтедобывающая и газодобывающая отрасли промышленности стран Ближнего Востока – экспортеров нефти, за редкими исключениями, остаются сферами, закрытыми для прямых иностранных инвестиций. С этим связан и низкий удельный вес этих отраслей в притоке и балансовой стоимости ПИИ.

Правда, в последние годы стали осуществляться некоторые новые проекты, в том числе и вышеупомянутый проект с участием американской ТНК в ОАЭ.

Рост цен на нефть способствует повышению темпов экономического роста, увеличению эффективного спроса, росту доходов от экспорта нефти, часть из которых используется для наращивания экспорта ПИИ.

Зарубежные инвестиции арабских стран Залива

Прямые инвестиции за рубежом осуществляют не только ТНК. Весьма важную роль в ПИИ играют так называемые институциональные инвесторы – пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные фонды развитых стран. В послед-

ние годы заговорили и о таких экономических агентах, осуществляющих прямые зарубежные инвестиции, как государственные финансовые фонды («национальные фонды благосостояния», *sovereign wealth funds*), причем эти институциональные инвесторы происходят в основном из развивающихся стран, прежде всего из стран Востока и в первую очередь арабских стран Персидского залива, а также Сингапура, Малайзии, КНР и ее специального района Гонконга, а также из переходных стран, в частности, РФ. Есть такие государственные фонды и в развитых странах, в частности в Норвегии, которая является крупным экспортером нефти.

В 2002–2008-х гг. резко возросли доходы стран Залива от экспорта нефти. Анализу проблемы использования странами Залива возросших в годы нефтяного бума нефтяных доходов посвящена статья в журнале «Экономист». В центре Абу-Даби возвышается здание Медицинского центра диабета («Импириэл Колледж оф Лондон»). Около 1/5 населения ОАЭ страдает диабетом. Это оборотная сторона «просперити», процветания – перехода к излишне богатому сахаром рациону питания и к оседлому образу жизни с его гиподинамией. Авторы сравнивают проблемы избытка нефтедолларов с диабетом. Страны Залива стремятся абсорбировать нефтедоллары, излишек которых ощущается, как излишек глюкозы в крови при диабете. Нефтедоллары аккумулируются в центральных банках (в виде валютных резервов), у богатых суверенов – правящих семейств монархий стран Залива и в суверенных фондах накопления доходов (национальных фондах благосостояния)¹⁵.

В 2003–2007 гг. арабские страны Залива лидировали среди развивающихся стран Ближнего Востока по масштабам вывоза ПИИ в большей степени, чем по масштабам привлеченных иностранных инвестиций. Из общей суммы вывезенных в 2007 г. из стран Ближнего Востока ПИИ на сумму в 44 млрд. долл. на арабские страны Персидского залива приходилось 93% (41 млрд. долл.). Вывоз прямых инвестиций из них был приблизительно равен притоку полученных ими иностранных инвестиций.

По масштабам вывоза ПИИ в 2007 г. среди арабских стран Залива лидировали Кувейт (14,2 млрд. долл.), который в том году почти не получал прямых инвестиций из-за рубежа, Саудовская Аравия (13,2 млрд. долл.), ОАЭ (6,6 млрд. долл.), Катар (5,3 млрд. долл.)¹⁶. В 1995–2003 гг. масштабы вывоза ПИИ

из региона были незначительными. Резкий рост вывоза ПИИ стал наблюдаться с 2004 г., как раз в разгар нефтяного бума. Он увеличился с 8 млрд. долл. в 2004 г. до 12 млрд. долл. в 2005 г., 23 млрд. в 2006 г. и 43 млрд. долл. в 2007 г.¹⁷

В 2006 г. затраты стран Ближнего Востока на скупку иностранных компаний составляли 41,8 млрд. долл., на развитые страны приходилось 65% (27,0 млрд. долл.), в том числе 18,4 млрд. долл. на ЕС в целом, из них 16,2 на Великобританию. В 2007 г. инвесторы из стран Ближнего Востока, участвуя в слияниях и поглощениях, приобрели иностранные компании на сумму 43,4 млрд. долл., 75% этой суммы приходилось на развитые страны (32,6 млрд. долл.). Львиная доля указанной суммы (26,8 млрд. долл.) была затрачена на скупку компаний в США. На страны ЕС пришлось 3,0 млрд. долл., в т.ч. 1,6 млрд. долл. на Великобританию. Значительными были затраты инвесторов из стран Ближнего Востока также на скупку местных компаний в Египте (2006–2007 гг.), Судане (2006 г. – 1,3 млрд. долл.), Тунисе (2006 г. – 1,3 млрд. долл.), Турции (2005 г. – 6,6 млрд. долл.)¹⁸. Если скупка компаний осуществлялась преимущественно в развитых странах и в странах своего региона, то инвестиции в новые проекты касались в большей мере развивающихся стран, причем не только арабских стран, но и стран Южной и Юго-Восточной, Восточной Азии, Африки. Страны Персидского залива участвовали в покупке акций при первоначальном размещении акций национальных компаний на фондовых рынках в Индии и Китае.

Страны Персидского залива аккумулировали значительные чистые зарубежные активы на сумму в 1,8 трлн. долл.¹⁹ Наиболее значительные инвестиции были сделаны ими в США и Великобританию. Капитал из стран Персидского залива направлялся в различные сферы – телекоммуникации, недвижимость, финансы, обрабатывающую промышленность, в том числе в ориентированные на экспорт производства. Из общей суммы инвестиций стран Ближнего Востока, направленных на скупку компаний за рубежом, львиная доля приходилась на сферу услуг.

В качестве ведущих инвесторов из стран Залива выступают за рубежом национальные фонды благосостояния (государственные инвестиционные фонды). Особенно возросла их инвестиционная активность в 2005–2007 гг. Из общей суммы инвестиций государственных инвестиционных фондов всех стран за последние 20 лет (1987–2007 гг.), составившей 39 млрд. долл.,

4/5 пришлось на 2005–2007 гг. В числе 20 крупнейших трансграничных сделок по приобретению иностранных компаний с участием государственных инвестиционных фондов в 1995–2006 гг. было 11 сделок с участием ОАЭ и одна сделка с участием Саудовской Аравии. Так, государственный инвестиционный фонд «Дубай Интернэшнл кэпитал» (ОАЭ) приобрел в 2005 г. английскую компанию «Тюссо групп» (сумма сделки – 1,5 млрд. долл.), индустрия развлечений (в нее входят и «Музеи восковых фигур мадам Тюссо»). В 2006 г. там же, в Великобритании, он приобрел фирмы «Трэвелодж» (гостиничный бизнес, сумма сделки – 1,27 млрд. долл.) и «Донкастер» (производство запчастей к самолетам, оборудования; 1,24 млрд. долл.), в 2007 г. в Германии – компанию «Маузер АГ» (производство изделий из пенопласта, сумма сделки – 1,2 млрд. долл.). Государственный инвестиционный фонд «Истисмар» (ОАЭ) участвовал в трансграничных поглощениях в сфере недвижимости и розничной торговли в США и Великобритании, в 2006 г. он приобрел две компании сферы недвижимости, являющиеся операторами нежилых помещений: американскую «280 Парк авеню, Нью-Йорк» (1,2 млрд. долл.) и британскую «Адельфи» (0,6 млрд. долл.), а в 2007 г. американскую компанию «Барниз» (розничная торговля мужской одеждой, Нью-Йорк, сумма сделки – 0,9 млрд. долл.). Государственный инвестиционный фонд «Дубай портс интернэшнл» в 2005 г. вложил 1,2 млрд. долл. в приобретение американской компании по обслуживанию портовых терминалов «CSX Уорлд терминалс». В Дании инвесторами из ОАЭ была приобретена компания «Бореалис» по производству изделий из пластмасс и синтетического каучука (1,7 млрд. долл.). Большинство слияний и поглощений с участием арабских инвестиционных фондов имело место в западных странах. Однако крупнейшей из сделок с участием ОАЭ была сделка по приобретению туниССкой компании «Тюнизи телеком» (2,3 млрд. долл., 2006 г.)²⁰.

Оборотной стороной нефтяного бума стал рост цен на продовольствие в странах Залива. Арабские страны-экспортеры нефти в целях обеспечения своей продовольственной безопасности стремятся вкладывать свои нефтедоллары в сельскохозяйственные проекты за рубежом. Пока Саудовская Аравия создает свой первый государственный фонд накопления доходов, рядовые саудовцы озабочены ценами на продовольствие. Это побудило правительство Саудовской Аравии рас-

смаТривать новое направление прямых инвестиций за рубежом – покупку ферм в бедных странах. Страна производит собственную пшеницу с использованием орошения опресненной морской водой, с самыми высокими издержками в мире. К 2016 г. решено свести производство пшеницы к нулю, перейдя на аутсорсинг, приобретение товара у внешних поставщиков. Рассматриваются возможности приобретения рисовых ферм в Таиланде. Инвесторы из стран Залива изучают перспективы инвестиций в сельскохозяйственные проекты в Пакистане, Судане, Мьянме, Камбодже и Лаосе. Ливийцы рассматривают возможности подобного рода инвестиций на Украине²¹.

Национальные фонды благосостояния из стран Залива вкладывают деньги и в приобретение весомых пакетов акций банковских учреждений в странах Запада, в чем, впрочем, последние были сами весьма заинтересованы в условиях разворачивающегося кризиса. В 2007 г. имел место ряд сделок по приобретению акций крупнейших банков, финансовых страховых компаний. Управление по инвестициям Абу-Даби приобрело в американском банке «Ситигруп» долю участия в капитале в 7,5 млрд. долл. Инвестиционная корпорация Республики Корея совместно с Управлением инвестиций Кувейта купила пакет акций американской «Меррил Линч» на сумму в 5,4 млрд. долл. Инвесторы из стран Залива приобрели пакеты акций крупнейших институциональных инвесторов США – инвестиционных компаний «Карлайл» («Мубадала фонд» из Абу-Даби), «Блэкстоун», «Аполло», фонда хеджирования «Ок-Зифф».²²

В 70-е годы во время нефтяного «бума» капиталомизбыточные страны-экспортеры нефти Персидского залива вкладывали свои нефтедоллары в приобретение государственных ценных бумаг (облигаций казначейства США), размещали их на депозитах в западных банках, осуществляли портфельные инвестиции, не дающие возможности контроля над компаниями, акции которых приобретены. Эти же пассивные инвестиции, размещение нефтедолларов в банки, в государственные ценные бумаги продолжали сохранять немалое значение и во время нефтяного «бума» 2002–2008 гг. В журнале «Экономист» высказывается мнение, что нефтедоллары арабских стран-экспортеров нефти, размещенные в западных банках в 70-е гг., способствовали росту кредитов транснациональных банков странам Латинской Америки, что в 80-х гг., когда поток нефтедолларов уменьшился, привело к долговому кризису латино-

американских стран. В 2000-х гг. приток тех же нефтедолларов способствовал буму ипотечных кредитов в США²³, разбуханию «мыльного пузыря», который впоследствии лопнул, положив начало мировому финансовому кризису. Кто виноват? Вина ли в этом нефтедолларов?

В 70-е гг. имели место отдельные сделки по приобретению инвесторами из арабских стран Залива пакетов акций западных компаний. В частности, Управление инвестиций Кувейта в 1974 г. приобрело пакет акций западногерманской «Даймлер-Бенц», но пакет акций был весьма незначительным (на 2007 г. он составлял 6,9% от стоимости акционерного капитала компании). В 1976 г. Иран приобрел 25% акций компании «Крупп», которая находилась тогда на грани банкротства. В 2003 г. компании «Тиссен-Крупп» (возникшей в результате слияния «Тиссен» и «Крупп») пришлось выкупить у Ирана часть акций, чтобы доля его участия составила менее 5%.²⁴ Однако прямые инвестиции стран Персидского залива в 70–80-х гг. были достаточно редким явлением. Странам-экспортерам нефти с небольшим населением была уготована роль «стран-рантье», не контролирующих использование вложенных ими капиталовложений.

В ходе нефтяного «бума» 2002–2008 гг. ситуация изменилась. При этом переход арабских стран – капиталоемких экспортеров нефти от роли пассивных инвесторов к роли активных, стратегических инвесторов тут же вызвал немалую озабоченность в западных странах. Так, в журнале «Экономист» появилась статья с «говорящим» названием «Нашествие национальных фондов благосостояния» (разумеется, речь шла не о Норвегии и ее фондах)²⁵. Стали высказываться опасения, что государственные инвестиционные фонды из развивающихся стран могут получить контроль над инфраструктурой и стратегическими отраслями экономики западных стран (порты, аэропорты, электроэнергетика, снабжение нефтепродуктами). В США, если считается, что под угрозу поставлена национальная безопасность, то вступает в действие поправка Эксона-Флорио, которая позволяет запретить скупку американских активов иностранными инвесторами. Относятся ли к стратегическим объектам музеи мадам Тюссо? Стали высказываться опасения и в связи с тем, что инвестиции осуществляются из стран, где не уважаются права человека, что в случае недавно приватизированных предприятий управление их такими фондами не будет достаточно эффективным.

Вместо заключения. Мировой финансовый кризис и перспективы ПИИ для стран Персидского залива

В результате мирового финансового кризиса, разразившегося в 2008 г., и резкого падения цен на нефть перспективы роста притока ПИИ в страны Персидского залива и вывоза инвестиций из них весьма неблагоприятны. Замораживаются отдельные проекты, сворачиваются грандиозные планы.

Опрос «Миддл Ист экономик дайджест» 30 ведущих строительных компаний в странах Залива в феврале 2009 г. показал, что 70% из них собираются сократить персонал в связи со снижением деловой активности, ожидаемой в ближайшем году. Между тем строительный сектор являлся одним из «локомотивов» роста экономики стран Залива в 2000-е гг. В странах Залива в годы нефтяного бума начали осуществляться и планировались крупномасштабные проекты по развитию портовой инфраструктуры (общей стоимостью в 100 млрд. долл.). В условиях кризиса и коллапса мировых цен на нефть, снижения объема морских грузоперевозок многие из этих проектов замораживаются. Задерживается реализация и других крупномасштабных проектов. В январе 2009 г. было объявлено, что откладывается открытие нового международного аэропорта Аль-Мактум в Дубае. Уже в 2008 г. существенно сократился приток ПИИ в страны Ближнего Востока: он снизился с 71,5 млрд. долл. в 2007 г. до 56,3 млрд. долл. в 2008 г., на 21%.²⁶

В феврале 2009 г. с долговой проблемой столкнулся эмират Дубай, общая сумма его задолженности (частной и государственной) составляет 80 млрд. долл. Для продолжения финансирования проекта по строительству порта руку помощи ему протянул братский эмират Абу-Даби, но не сразу, а выдержав некоторую паузу. Абу-Даби выкупил облигации Дубая на сумму в 10 млрд. долл.²⁷

По прогнозам Аналитической службы журнала «Экономист», при цене на нефть около 35 долл. за баррель дефицит платежного баланса Саудовской Аравии в 2009 г. может достичь 11,7% ВВП, при цене в 50 долл. за баррель он составит 1,7% ВВП. В ОАЭ при низком уровне цен на нефть дефицит государственного бюджета в 2009 г. может достичь 3,1% ВВП, возможно и отрицательное сальдо платежного баланса.²⁸

В этом случае, возможно, часть аккумулированных зарубежных активов будет выставлена на продажу с тем, чтобы обеспечить ресурсы для финансирования потребностей национальной экономики.

Итак, глобализация, особенно в культурно-цивилизационной сфере, там, где она несет угрозу национальным традициям, религиозным устоям общественной жизни, вызывает негативную реакцию в странах Ближнего Востока. Однако в начале нового века страны Ближнего Востока стали более активно участвовать в экономических процессах, связанных с глобализацией, в международном движении капитала. Впрочем, это относится не ко всем ближневосточным странам, а преимущественно к странам, получившим выигрыш в «геологической потере», т.е. обладающим богатыми месторождениями нефти и газа при относительно небольшой численности населения. Арабские страны Залива стали не только привлекать значительные инвестиции из-за рубежа. В 2005–2007 гг. скупка крупных пакетов акций западных компаний национальными фондами благосостояния стран Персидского залива приобрела большой размах, что вызвало озабоченность в западных странах, нередко воспринимающих глобализацию как улицу с односторонним движением, свободой передвижения по которой должны пользоваться только они.

¹ Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., 2002, с. 50.

² Quelle mondialisation? P. : Bernard Grasset, 2002, с. 192, 194, 198, 204, 207.

³ Международные экономические отношения / Под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Проспект, 2006, с. 248–249.

⁴ В регион Западная Азия (Ближний Восток) с 2008 г. в статистике ЮНКТАД включаются Бахрейн, Ирак, Кувейт, Ливан, Оман, Палестинские территории, Катар, Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ и Йемен (до 2008 г. включался также Иран). См.: World Investment Report 2008, с. 80.

⁵ Подсч. по: World Investment Report, 2007, с. 255–258

⁶ Там же.

⁷ World Investment Report 2008, с. 259.

⁸ Там же, с. 53.

⁹ Подсч. по World Investment Report 2008, с. 55, 56.

¹⁰ <http://www.zawya.com/projects/project.cfm?pid=0201070610329>

¹¹ Les sociétés transnationales dans le développement mondial : un réexamen. N.U. N.Y., 1978, с. 77, 259–260.

¹² Международные экономические отношения / Под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Проспект, 2006, с. 95–96.

¹³ Подсч. по: World Investment Report, 2007, с. 106.

¹⁴ World Investment Report, 2007, с. 108.

¹⁵ The Rise of the Gulf // The Economist, 24.04.2008.

¹⁶ World Investment Report 2008, с. 254.

¹⁷ Там же, с.55.

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ The Rise of the Gulf // The Economist. 24.04.2008.

²⁰ World Investment Report 2008, pp. 23–24.

²¹ The Economist, 21.08.2008.

²² World Investment Report 2008, с. 23–24.

²³ The Rise of the Gulf // The Economist, 24.04.2008

²⁴ World Investment Report 2008, с. 23, 35.

²⁵ The Economist, 17.01.2008.

²⁶ Middle East Economic Digest, 13.02.2009;

www.accessmylibrary.com/coms2/summary_0286-36948166_ITM.

²⁷ The Economist, 26.02.2009.

²⁸ [http://www.economist.com/countries/UnitedArabEmirates/profile.cfm?folder=Profile-Economic Data](http://www.economist.com/countries/UnitedArabEmirates/profile.cfm?folder=Profile-Economic+Data);
<http://www.economist.com/countries/SaudiArabia/profile.cfm?folder=Profile-Forecast>.

Р.М.Шарипова

МУСУЛЬМАНЕ
В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ДИАЛОГЕ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI вв.)

В жизнедеятельности современного мирового сообщества наряду с большими положительными достижениями в области межгосударственных и межконфессиональных отношений все более и более стала прослеживаться активизация различных форм агрессивного национализма, политического экстремизма, которые сопровождалась вспышками международного терроризма. Это в ряде случаев приводило к обострению международных отношений. Таким образом, религии, исторически выполняющие миссию толерантности и мира, в настоящее время нередко становятся материалом для разжигания конфликтов и терроризма. Немалую роль в этом играют современные миграционные процессы, которые вызвали и у мусульман, и у христиан одни и те же проблемы, в частности, связанные с созданием новых культовых зданий и значительным количеством смешанных межнациональных и межконфессиональных браков. Более того, быстрое распространение соответствующей информации через СМИ, причем нередко в упрощенной и тенденциозной форме, стало все более наносить вред положительному имиджу религий в глазах мирового общественного мнения. Например: история провокационно-кровавого межобщинного разделения Индии, приведшего к миллионам жертв, до сих пор отзывается в этнических и религиозных противоречиях, а иудеи и мусульмане на протяжении многих десятилетий борются друг с другом в Палестине; считается, что ирано-иракской войне способствовала неприязнь между шиитами и суннитами (хотя она по существу была вызвана политическими причинами), которая тем не менее получила продолжение в нынешней гражданской войне в Ираке; периодически вспыхивавшие межконфессиональные конфликты в Ливане; в бывшей Югославии восстали друг против друга католики-хорваты, пра-

вославные сербы и мусульмане – боснийцы и косовары; в бесконечной деколонизации Северной Ирландии друг другу противостоят католики и протестанты. И наконец, ко всему этому следует добавить трагедию в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Кроме того, т.н. «карикатурный скандал» и выступление Папы Бенедикта XVI в Регенсбурге (Германия) в сентябре 2006 г., нехотая процитировавшего нелестные высказывания византийского императора Мануила II о пророке Мухаммаде, также не способствовали укреплению доверия мусульман к межконфессиональной толерантности в христианской среде.

Как пишет известный российский ученый-исламовед Нуруллаев А.А., «обострение межконфессиональных противоречий мешает религиозным организациям и центрам объединить усилия в борьбе с силами зла, нарушающими мир и стабильность в обществе и несущими неисчислимые бедствия народам. Неудивительно поэтому, что наиболее дальновидные религиозные, общественные и политические деятели поднимают вопрос о необходимости постоянного диалога между разными конфессиями на страновом, региональном и международном уровнях»¹.

Серьезный и систематический диалог между мусульманами и православными начинается в ноябре 1986 г. при сотрудничестве Иорданской Королевской Академии исследований в области исламской культуры при фонде аль-Байт с православным центром Вселенского Патриархата в Шамбези (Женева). С этого времени они проводили преимущественно на академическом уровне совместные консультации по различным темам², цель которых заключалась в том, чтобы выявить теоретические предпосылки, способствующие налаживанию сотрудничества обеих религий по актуальным проблемам мирного сосуществования.

Во время этих встреч греческие православные иерархи и богословы отметили, что общность обеих религий заключается в вере в Единого Бога, а церковь и мечеть являются местами поклонения, способствующими духовному и нравственному развитию верующих. Они также призывали к совместной борьбе с материализмом, так как, с точки зрения митрополита Дамаскина Папандреу, «опасность нашего времени не столько в конфликте между Евангелием и Кораном, сколько в идолопоклонническом почитании всего материального, которое угрожает как Востоку, так и Западу»³.

Дальнейшему развитию межрелигиозных связей способствовали проводившиеся с 1994 г. совместные встречи между представителями Папского совета по межрелигиозному диалогу и иранской Организации по делам исламской культуры и отношений. Предметом их обсуждений были актуальные проблемы современности: арабо-израильский конфликт, помощь бедным и голодающим отсталых афро-азиатских стран⁴.

В 1997 г. представители фонда аль-Байт и Вселенского Патриархата сформулировали совместный документ, содержащий восемь основ диалога мусульман и православных. Согласно этому документу, обе стороны берут на себя ряд обязательств, служащих взаимному сотрудничеству и диалогу. Особое внимание уделялось единству всех людей, установлению мира и справедливости, совместной борьбе против насилия и войны. Отмечалось также, что в мусульманских и православных учебных заведениях будет пропагандироваться дух взаимного уважения и понимания с целью избежания межрелигиозной нетерпимости и фанатизма⁵. Большую роль в установлении и развитии исламо-христианского диалога на официальном уровне сыграли так называемые «комитеты взаимодействия». Первый из них – исламо-католический комитет взаимодействия – появился в 1995 году. А в мае 1998 г., согласно соглашению, подписанному между постоянно действующим исламским Комитетом аль-Азхара по вопросам диалога и Папским советом по межрелигиозному диалогу, был создан Объединенный Комитет. В его задачу входила организация постоянных встреч и дискуссий по разным практическим и теоретическим проблемам. Такую же работу выполняла координационная комиссия, учрежденная в 2002 г. Ливийским международным исламским обществом призыва вместе с Католической церковью⁶.

В конце апреля 2002 г. официальные представители турецкого министерства по делам религии подписали Декларацию с Папским советом, призванную всесторонне развивать исламо-христианское сотрудничество. В нем, в частности, подчеркнута важность установления и развития контактов между учебными заведениями, обмена преподавателями и студентами по примеру Папского Грегорианского университета в Риме и некоторых университетов Анкары⁷.

Однако в последние годы на развитие взаимоотношений между мусульманами и христианами не могли не повлиять разного рода антиисламские высказывания и выступления, а

также ранее упомянутые теракты в США и Европе. В христианской среде, с одной стороны, усиливались исламофобские настроения, а с другой, – звучали призывы не отождествлять терроризм с исламским учением. Мусульмане же, как на Западе, так и в самих мусульманских странах, стремясь развенчать негативный образ ислама, созданный и пропагандируемый враждебными данному вероучению силами, стали проявлять большую инициативу в развитии межрелигиозного диалога.

Так, мусульмане США, как отмечает американский ученый Джейн Смит, «с каждым годом все активнее вовлекаются в межконфессиональные или мультиконфессиональные мероприятия; за последние десятилетия наиболее типичной для них формой участия в других традиционных вероисповеданиях стали многообразные взаимодействия с христианами»⁸. С точки зрения ученого, так называемый диалог приобрел несколько форм или моделей⁹, каждая из которых отличается своим набором тем и проблем⁹.

Конфронтационная модель или модель дебатов в американской среде, по словам ученого, не пользуется особой популярностью, так как в ее основе лежит принцип «я прав, значит, ты не прав». Большинство мусульман поэтому считает, что такие дебаты не приводят к истинному межконфессиональному пониманию. По мнению члена Фонда исламского знания Ахмада Сакра, успех в таких случаях возможен только при выполнении коранической установки: «Если вступаешь в спор с людьми Писания, то ведите его наилучшим образом» (29:46).

Наиболее распространенной формой исламо-христианского диалога в США, как считает Джейн Смит, является обмен информацией. При этом мусульмане рассказывают об основных положениях ислама, а христиане – о сути христианского учения. Такая возможность предоставляется на занятиях в колледжах и университетах. Кроме того, дети из мусульманских семей могут посещать католические приходские школы, а в свою очередь дети из христианских семей – мусульманские школы. В государственных школах мусульманским детям и их родителям разрешается рассказывать другим ученикам о своих обычаях и праздниках.

Что касается модели теологического обмена, то есть углубленного изучения христианского и мусульманского вероучений, то она не пользуется популярностью среди американских мусульман. С их точки зрения, такой обмен не способст-

ует их духовному самосовершенствованию, и, кроме того, они усматривают в нем опасность дальнейшей евангелизации мусульман. Хотя некоторые мусульмане, например, бывший президент Исламского общества Северной Америки (ИОСА) Музаммил Сиддики, считают, что теологический обмен очень важен для мусульманско-христианского взаимопонимания.

В последние годы, по словам американского ученого, наблюдается большое внимание мусульман Америки к модели этического обмена. Ее инциатором и ярким сторонником был покойный мусульманский ученый Исмаил аль-Фаруки. Суть этой модели заключается в изучении и соблюдении мусульманами и христианами этических норм собственной религии. Это, согласно справедливому утверждению мусульман, приостановит упадок нравственности в американском обществе и поможет решению многих социальных проблем.

Модель «диалога ради сближения» вызывает опасения у большинства американских мусульман. Они считают, что снижение значимости различий между двумя сообществами может привести к некоему синкретизму, против которого выступают как мусульмане, так и христиане.

Модель «духовного и морального оздоровления» также стоит в ряду тех, в которых не заинтересовано большинство американских мусульман. По мнению Джейн Смит, они просто-напросто не готовы, т.е. находятся не на той духовной ступени, чтобы серьезно обсуждать на трансцендентном уровне проблемы, волнующие душу, сердце и разум.

Модель кооперативного подхода к прагматическим интересам заключается в том, чтобы мусульмане и христиане США на деле доказали свое стремление к сотрудничеству и взаимопониманию. Уже предпринимаются первые шаги в этом направлении. В некоторых городах в холодную погоду собирали бездомных и в течение одной недели укрывали в мечети, в течение другой – в церкви, и в течение третьей – в синагоге. Нередко мусульмане и христиане работают сообща, обустривая беженцев-мусульман.

Много вопросов у участников мусульманско-христианского диалога в американском обществе вызывают смешанные браки, например, какие советы могут дать единоверцы молодым людям, какую помощь могут оказать и т.д.

Согласно исследованию Джейн Смит, проблем на пути успешного развития исламо-христианского диалога в США более

чем достаточно, среди них культурные и религиозные противоречия внутри общины; незначительный опыт в ведении диалога; отсутствие концептуальной основы и другие. В диалоге участвует небольшая часть мусульман. Однако начало межконфессиональному общению положено и оно медленно набирает темпы.

В самих мусульманских странах заинтересованность политических, общественных и религиозных деятелей в межконфессиональном диалоге в последние годы заметно возросла. Если до этого инициаторами были главным образом представители христианской стороны, то теперь нередко в этой роли выступают мусульмане.

В 1997 году президент Ирана Мухаммад Хатами выступил в ООН с предложением обсудить основные положения теории диалога цивилизаций. Мировое сообщество в целом позитивно восприняло инициативу Ирана, в связи с чем ООН приняла решение объявить 2001 год годом диалога цивилизаций. В своей речи на пороге нового тысячелетия Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан сказал: «Вместо борьбы и столкновения пришло время диалога между цивилизациями... Несмотря на гражданство и национальную принадлежность, человечество объединяет общая цель»¹⁰. Большая заслуга в развитии межконфессионального диалога принадлежит Иордании. «Исторический опыт Иордании, – пишет известный ученый-востоковед В.В. Наумкин, – имеет огромное значение для строительства новых отношений между культурами и конфессиями. Библейская земля этого государства, кажется, пропитана духом взаимодействия, взаимопереплетения и взаимообогащения культур многочисленных народов, живших в течение столетий на ее территории: ассирийцев, вавилонян, набатеев, арамейцев, римлян, греков и многих других»¹¹. В 2004 г. было опубликовано «Амманское послание» (рисалат Амман), «зовущее к распространению знания о подлинном исламе, основанном на терпимости, взаимопрощении, сочувствии и уважении к людям. Именно этот ответ как экстремистам и террористам, пытающимся действовать от имени ислама и наносящим ему величайший ущерб, так и исламофобам, стремящимся подвергнуть мусульман чуть ли не международной изоляции. Является наилучшим средством изолировать и тех и других»¹².

Король Иордании Абдалла II, выступая 13 сентября 2005 г. в Католическом университете в Вашингтоне, говорил о необхо-

димости противостоять тем, кто поддерживает идею «столкновения цивилизаций»¹³.

С призывом к толерантности и диалогу между мусульманами и представителями других конфессий выступил созданный в 2006 г. в Кувейте центр «аль-Васатыя» (в переводе с арабского – «срединность, умеренность»). При поддержке эмира Кувейта шейха Сабаха аль-Ахмада Джабира ас-Сабаха и Министерства по делам вакфов и делам ислама государства Кувейт центром был проведен ряд международных конференций. 26 мая 2006 г. в Лондоне состоялась первая международная конференция с участием 140 ученых, а также лидеров мусульманских общин из 25 европейских стран. Вторая международная исламская конференция была проведена 17 ноября 2006 г. в Нью-Йорке, в которой приняло участие около 135 руководителей мусульманских общин Америки и Канады. Это были первые попытки такого масштаба, направленные на то, чтобы объединить исламскую умму, выработать верные формы общения с внешним миром, с уважением относиться к мнению других, проявлять милосердие, вести диалог с представителями разных культур и вероисповеданий, стремиться к мирному сосуществованию¹⁴. По словам Генерального секретаря Центра Ансама Башара, цель проведения конференций в Британии и США заключается также в том, чтобы способствовать вхождению мусульман в европейское общество, сохранив свои культурные и религиозные особенности. «Мы знаем, – подчеркивает Ансам Башар, – что люди различны, однако мы пытаемся использовать эти различия в созидательном русле, чтобы это разнообразие культур максимально сближало, а не приводило к ненависти, взаимной вражде и отчуждению»¹⁵. Важно, с точки зрения руководителя Центра, принимать людей такими, какие они есть, уважать их религию, культуру, самобытность и интересы, а также осознавать, что все они – жители одной планеты, поэтому добрые человеческие отношения должны охватывать всех.

В ноябре 2007 г. король Саудовской Аравии во время встречи с папой Бенедиктом XVI впервые высказал идею о межконфессиональном диалоге. А в июне того же года в Мекке в штаб-квартире Лиги исламского мира прошла конференция, на которой присутствовали представители разных стран. Она рассматривалась как первый шаг на пути к диалогу, на ней обсуждались принципы и механизмы ведения диалога. По сло-

вам руководителя Лиги исламского мира ат-Турки, на конференции была принята своего рода Хартия диалога.

В июле 2007 г. в Испании по инициативе саудовского короля прошла конференция с участием представителей мусульманских стран и западных мусульман. На этой конференции была принята Мекканская хартия и прозвучал призыв активизировать деятельность в направлении диалога.

На саммите ОИК в Сенегале в 2008 г. также был поднят вопрос о налаживании межконфессионального диалога между последователями ислама и христианства.

В своих инициативах о необходимости диалога мусульмане опираются прежде всего на аяты Корана о веротерпимости. Конструктивный диалог мусульман с людьми Писания (ахль аль-китаб), как пишет российский ученый-исламовед Тауфик Ибрагим, является фундаментальным императивом Корана¹⁶. Что касается отношения к иноверным вообще, то в Священном Писании сказано: «Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и вееди спор с ними наилучшим образом» (16:125).

Кроме того, Коран устанавливает и необходимую предпосылку для ведения диалога, которая состоит в том, чтобы его участники находились в равном исходном положении, независимо от того, что один из них может быть прав, а другой может ошибаться.

Мусульмане-инициаторы диалога ссылаются также на Мединскую конституцию или Соглашение 622 г., урегулировавшее отношения между представителями различных верований в Медине. Оно предоставляло равные права всем гражданам многонационального и полирелигиозного общества, содержало статью о государственном управлении. Более того, Мединское соглашение провозглашало свободу вероисповедания¹⁷.

Мусульманские сторонники диалога руководствуются свойственным исламу принципом васатыя, т.е. принципом умеренности и срединности, который способствует достижению гармонии и мирного сосуществования между всеми людьми, несмотря на их различия, потребности и особенности. Он позволяет строить отношения мусульман с немусульманами на основе доброты и справедливости.

Еще одним историческим фактом, свидетельствующим о необходимости диалога, по мнению мусульманских деятелей, является прощальная проповедь пророка Мухаммада. В ней он

подчеркнул значение терпимости, равенства и равноправия в исламе. «Все человечество произошло от Адама и Евы, поэтому араб не имеет превосходства над не арабом; белый не имеет превосходства над черным, черный не имеет превосходства над белым. Превосходство ваше определяется лишь благочестием и добрыми деяниями»¹⁸.

Отношения между религиями ни в коем случае не должны основываться на предубеждении в превосходстве одной и неполноценности другой, поскольку все религии представляют собой разные пути, идущие к единой цели, которая призвана поддерживать нравственный дух человечества.

Успешное развитие межконфессионального диалога может внести большой вклад для становления благоприятного климата в международных отношениях XXI века, где высокие экономические достижения и соответствующий уровень технологического развития гармонизировали бы с социальным благополучием всех народов мира.

Однако достижению этой глобальной цели препятствует много факторов. Так, например, в основе межконфессиональных разногласий лежат серьезные политические и экономические причины, решение которых – проблема не одного дня.

Кроме того, существует внутриконфессиональная разобщенность: сунниты, шииты, суфии и др., хотя 95% религиозных установок шиитов и суннитов одинаковы, а различия незначительны. Имеют место также разногласия между традиционалистами и модернистами.

В современном мировом сообществе весьма активно действуют политические силы, не заинтересованные в сближении мусульман и христиан. В данной связи уместно вспомнить слова Владыки Владимира, митрополита Ташкентского и Среднеазиатского, сказанные им на форуме «Религии и мир» в мае 2005 г. в Москве: «Мы знаем яркие примеры гармонии отношений между христианами и мусульманами. Эта гармония была разрушена военными авантюрами средневекового римокатолицизма, так называемыми «крестовыми походами»... В наши дни мы слышали из уст американского президента Дж. Буша тот же призыв к «крестовому походу». Поэтому американский лозунг «будьте демократичны, будьте свободны» стал сопровождаться в Ираке ракетно-бомбовыми ударами и ежедневными терактами. Очередной мишенью агрессивной «демократизации» назван Иран, а ведь предыдущий президент

этой исламской страны Мохаммад Хатами выступил инициатором мирного диалога между религиями и цивилизациями. Усугубляются всеобщие подозрения, под демократической демагогией скрывается жажда захвата нефтяных ресурсов, а в результате кровь мусульманских народов и американских солдат разменивается на нефтедоллары»¹⁹.

¹ <http://www.edu-zone.net/show/71093.html>

² <http://www.inst.by/basis/scwork-relig-vasm.html>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ <http://www.igpi.ru/bibl/other-article/muslim-america/1131007592.html>

⁸ Там же.

⁹ Современная мысль, январь 2001, № 6.

¹⁰ Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008, с. 499.

¹¹ Там же, с.500.

¹² Там же.

¹³ <http://www.islamnasledie.ru/analitics..php?id=1194>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Тауфик Ибрагим. Коранические чтения. Ч. 1. Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2008, с. 22.

¹⁷ Религии и мир. М., 2005, с. 87.

¹⁸ Там же, с. 88.

¹⁹ Там же, с. 55–56.

**ВЫЗРЕВАНИЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК
«ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ИРАНЕ**

ПРОБЛЕМЫ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Первые два десятилетия XX в. были в Иране временами напряженного социального брожения. Шло противоборство разных общественно-политических сил, нарастали довольно серьезные изменения в национальной психологии, в укладе жизни. При этом, однако, кардинальных изменений в унаследованном от XIX в. укладе жизни не происходило, решительного продвижения вперед не наблюдалось. Причину можно видеть в том, что сохранялись в неизменном виде два исторически сложившихся столпа иранской цивилизации – самодержавно-монархическая форма государственного правления и общие основы религиозного мировосприятия. Их конфликт и определял во многом общественное брожение. Как стало ясным теперь, две эти силы действовали в противоположных направлениях: монархия была тормозом движения вперед, а религия – главным двигателем общественного развития. Долгое время перевес оставался на стороне монархии, но, в конечном счете, верх взяла религия. Характерной особенностью иранского общества, сильно отличавшей его от Европы, было то, что процесс «обуржуазивания» не вел непосредственно к секуляризации общественной жизни. Налицо были внешние признаки обновления, несомненно, усваивались и некоторые элементы западной политической системы и формы общественной деятельности. Все это определенным образом действовало и на глубины массового сознания, и все же в нем сохранялась истовая, непоказная религиозность. Более того, как свидетельствуют многие факты периодов позднего средневековья и нового времени иранской истории, религия выступала как самая активная политическая сила, как опасный соперник светской монархии в управлении общественным процессом. В тот период еще не происходило открытых сдвигов в направлении введения теократической формы правления вме-

сто опустылевшей народным массам деспотической монархии. Но в условиях длительной нестабильности светской власти и постоянных проявлений массового недовольства шахским режимом явно проявлялись претензии духовенства на политическое лидерство. Противостояние длилось вплоть до 80-х гг. XX в., когда все иранское общество вошло в состояние глубочайшего общественно-политического и духовно-культурного кризиса. Ликвидирован был этот кризис, из которого, казалось, не было выхода, массовым волеизъявлением в пользу упразднения монархии и установления теократической формы правления.

Важным фактором, повлиявшим на развитие ситуации в Иране, стала первая мировая война. В ноябре 1914 г. турецкие войска вторглись в пределы Иранского Азербайджана; примерно в то же время в юго-западной части Ирана высадились английские части, что спровоцировало антианглийское восстание южных племен, которое длилось до 1918 г. В начале 1915 г. Иранский Азербайджан стал полем сражения российских и германо-турецких вооруженных сил. В 1915–1916 гг. в северо-западных, западных и центральных районах Ирана происходили столкновения между войсками сражавшихся коалиций. Весной 1916 г. англичане прочно оккупировали юг Ирана. В 1917–1918 гг. на севере, в Гиляне и Мазендеране вели активные боевые действия так называемые дженгелийцы. В июне 1918 г. английские войска оккупировали, по существу, всю территорию Ирана. Помимо развернувшихся на иранской земле вооруженных схваток, в эти же годы внутри иранского общества шло напряженное противостояние проимпериалистических и антиимпериалистических сил. Стране угрожала потеря суверенитета и разложение общественных связей.

В условиях борьбы между различными политическими силами, столкновений вооруженных ополчений, которые усиливали политический хаос, реальную силу могла представлять лишь хорошо организованная, дисциплинированная и обученная воинская часть, готовая беспрекословно выполнять приказы решительного командования. Единственной такой силой в то время была так называемая «персидская казачья» бригада созданная российскими царскими эмиссарами. 21 февраля 1921 г. бригада, под командой решительного, волевого офицера Реза-хана выступила для «наведения порядка» в стране. В результате был установлен режим военной диктатуры. Сформированное правительство во главе с Сеид-Зия од-Дином носило «декоративный»

характер. Пост военного министра, а фактически военного диктатора занял быстро разобравшийся в обстановке Реза-хан.

Для уяснения положения шиитского духовенства в Иране 20–40-х гг. важное значение имеют общеполитическая характеристика того времени, а также характеристика главных действующих лиц. Реза-хан (тогда еще не шах) и Сеид-Зия од-Дин сходились в своих политических убеждениях и взглядах на методы управления обществом и государством. И того и другого можно определить как радикальных политиков с националистическими и авторитарными настроениями, которым пришлось действовать в период объективно совершавшегося перехода страны от преимущественно феодальной организации общества к буржуазной, притом при сохранении многих традиций прошлых исторических эпох. Оба политика трезво оценивали внутреннее и международное положение страны, а также свои силы и возможности. Желая покончить с хаосом и укрепить суверенитет Ирана, они безошибочно выбрали ту политическую силу, на которую можно было всецело положиться в сложной международной обстановке, – молодую советскую власть в послереволюционной России. Без промедления, в конце февраля все того же 1921 г. в Москве был торжественно подписан двусторонний договор. Одной из договаривавшихся сторон были правительства РСФСР и АзССР, другой стороной – правительство Ирана. Советская власть признавала полный суверенитет иранского государства, соглашалась считать утратившими силу все привилегии, некогда предоставленные Ираном царскому правительству, и отказывалась от требований выплаты долгов Ирана царской России. В свою очередь, поддержка советского государства помогла иранскому правительству расторгнуть кабальный договор с Великобританией. В тот период бесспорным политическим лидером в государстве считался Реза-хан, хотя он и не занимал поста премьер-министра; под его руководством твердо осуществлялся курс на полную ликвидацию наследия унизительного капитуляционного режима и на обретение страной полного безоговорочного суверенитета.

Патриотизм и национальное самолюбие достались Реза-хану, образно говоря, по наследству от древних и средневековых иранских правителей; это были патриотизм, самолюбие и гордость абсолютного самодержца, отождествлявшего государство со своей персоной. Исходя из, казалось бы, благой идеи процветания своего отечества, Реза-хан не считался ни с каки-

ми демократическими принципами. Он стремился прежде всего с помощью принуждения установить строгий порядок в государстве и добиться от подданных полного повиновения. Во внутренней политике начался период так называемого «закручивания гаек», включая устранение всех находившихся в оппозиции правящему клану сил, в том числе духовных лидеров.

Полновластным диктатором Реза-хан стал не сразу, но дороге к диктатуре он начал мостить тотчас после переворота 21 февраля 1921 г. После подавления революции (январь 1912 г.) в Иране трижды избирались и действовали меджлисы, но как органы власти большой роли они не играли, и парламентская демократия была чисто декоративной. Это и неудивительно, поскольку в стране не было единства демократических сил, а английские военные и политики оказывали постоянное давление на иранские власти. Поэтому найти выход из кризисного состояния нормальным парламентским путем не удавалось. Под давлением Сеид-Зия од-Дина и Реза-хана 31 октября 1925 г. меджлис покорно принял закон о низложении номинально царствовавшей династии Каджаров и временной передаче власти в руки фактического диктатора Реза-хана. А уже 12 декабря специально созданное Учредительное собрание провозгласило Реза-хана шахом Ирана. В историю иранской государственности Реза-шах так и вошел как «Великий диктатор». Будучи по характеру и убеждениям вполне законченным политиком новейшего времени, Реза-шах тем не менее не пошел по европейскому пути республиканизма при сохранении монархического фасада. Как самодержец, он был не просто символом монархической старины в XX веке, но и реально действовавшим наследником традиционного восточного деспотизма. Чтобы подчеркнуть свою связь с древностью, Реза-шах дал основанной им династии заимствованное из среднеперсидского языка название «Пехлеви».

Следует напомнить о том, что в Иране иной формы правления, кроме деспотии, никогда не было. Реза-шах был очень жестоким деспотом, но при этом трезво мыслящим, волевым и очень целеустремленным человеком; при нем государство было вполне суверенно, а отношения с Западом не только не носили характера колониального, рабского подчинения, но даже унижительной зависимости слабого от воли сильного. Его можно назвать убежденным сторонником авторитарного правления. В период своего царствования он действительно провел очень важные реформы во всех сферах государственной и общест-

венной жизни. Деспотом он был постольку, поскольку считал, что в тех исторических условиях, которые существовали в «эпоху войн и революций», для процветания государства необходимо сосредоточение власти в одних руках. Он сумел добиться очень значительных успехов и во внешней и во внутренней политике. Он решительно подавил сепаратистские настроения и поползновения в среде племенных вождей, привел их к полному повиновению и прочно интегрировал племена в общественно-политическую структуру страны. Он установил прочные добрососедские отношения с Советским Союзом и, опираясь на политическую поддержку советского правительства, объявил в 1928 г. об окончательной ликвидации всех условий капитуляционного режима и расторжении всех неравноправных договоров с иностранными государствами. В сфере экономики он был сторонником руководящей роли государства и государственной помощи частному предпринимательству. Он ввел государственную монополию в ключевых областях народного хозяйства с целью повышения доходности государственного бюджета. 25 февраля 1931 г. был издан закон о государственной монополии на внешнюю торговлю. А тремя годами ранее, в 1928 г. был создан Иранский национальный банк. Позднее (в 1930 г.) этому банку было передано право эмиссии национальной валюты, бывшее до того исключительной привилегией английского Шаханшахского банка. Реза-шах был в полном смысле слова консервативным буржуазным «государственником-прогрессистом». Важнейшим следствием его реформ стал быстрый рост промышленного производства. Если в 1928 году в Иране было всего 3 фабричных предприятия, то за десять лет число их возросло до 280, т.е. почти в 10 раз. В 1938 г. была пущена в эксплуатацию Трансиранская железная дорога. Важнейшие реформы были проведены в сферах культуры и быта, где столкнулись интересы и желания «модернистов» и «традиционалистов». В конце 20-х и в 30-х гг. были проведены первые, начальные реформы в области народного образования. В 1922 г. в стране имелось всего 642 школы – низшие, средние и усовершенствованного типа, государственные, частные и религиозные. Число учащихся в 1923 г. составляло 55 тыс. В 1927–1934 гг. были приняты законы и постановления о всеобщем, обязательном и бесплатном начальном и о платном среднем и высшем образовании, об организации сети светских государственных школ, а также педагогических училищ, педагогического института и университета. Соглас-

но принятым законам, школы изымались из ведения духовенства, и устанавливался контроль государства над всеми школами, в том числе частными, иностранными и прочими. В 1936 г. число школ достигло 4901 (рост по сравнению с 1922 г. почти в 8 раз), в них обучалось 257 тыс. человек, а в 1940 г. было уже 8237 школ с 497 тыс. учащихся. В 1929 г. в Иране было 50 иностранных школ, в том числе 25 американских миссионерских.

Важным рубежом в истории развития светского образования стал 1934 г. Тогда же были открыты государственный национальный университет и педагогический институт в Тегеране, сельскохозяйственный институт в Керенде. В 1938 г. во всех высших учебных заведениях Ирана насчитывалось только 4200 студентов. Кроме того, несколько сот иранских студентов обучалось за границей.

В 1935 г. был издан декрет об отмене шариатского закона об обязательном ношении женщинами-мусульманками чадры в публичных местах. Женщин стали принимать в высшие учебные заведения, а также допускать на работу в государственные учреждения в качестве машинисток, секретарей и т. п. Прогресс был очевиден: открывались особые женские и смешанные (для совместного обучения девочек и мальчиков) школы.

Желая выглядеть в глазах подвластного населения не только светским правителем, но и духовным лидером, шах при проведении модернизаторских реформ без колебаний пошел на обострение отношений с шиитским духовенством. После проведения судебной реформы духовенство лишилось прежней монополии в этой важной области государственного управления. Влияние религии в области народного образования также упало. Сократились размеры земельных владений религиозных институтов – вакуфов. В результате роль духовенства в общественно-политической жизни была сильно подорвана. Высокомерное отношение к шиитскому духовенству впоследствии проявлял и Мохаммад-Реза шах. Так возник вначале скрытый, а потом уже ставший явным конфликт между духовенством и династией Пехлеви.

Власть Реза-шаха опиралась на главный принцип деспотического государства – управление обществом путем принуждения при пассивном повиновении населения неограниченной воле высшей власти. «Вестернизация» шла главным образом по пути изменений во внешнем облике страны. В 1928 г. в Иране началось принудительное изменение старых форм одежды,

в основном в городах. Мужчинам надлежало носить европейские костюмы, традиционный персидский головной убор – «кулах» был признан устаревшим и заменен сначала так называемой пехлевийской шапкой – «кулахе пехлеви», а затем европейскими головными уборами – шляпой для государственных служащих и форменной фуражкой для военных. Преобразовывались и внешние формы общественного устройства. В подражание туркам были отменены феодальные титулы и введено обращение по фамилии.

Власти жестоко пресекали любое возражение против принудительного реформирования. В 1936 г. в Мешхеде была открыта стрельба из пулеметов по нескольким тысячам человек, которые сели в бест¹, протестуя против действий полиции, реализовавшей приказ о замене головных уборов.

Как каждый самодержец, Реза-шах с помощью монархически мыслящей интеллигенции, создавал идеологию, а скорее мифологию, извечного, непреходящего величия иранского государства, нации и ее «духовности». Ислам, судя по всему, связывал неограниченную волю самодержца. Поэтому официальная идеология «державности», игнорируя исламский период иранской истории, обращалась непосредственно к древности, к примерам великих ближневосточных империй Ахеменидов и Сасанидов. Естественно, на первый план выдвигались мощь, доблесть и вообще «несравненные» достоинства правителей – шахиншахов. Предполагалось, что такая мифология должна льстить национальному сознанию и «обожеествлять» персону шаха, игнорируя позицию оппозиционного шиитского духовенства.

Идеология «национального величия» иранцев внешне оформлялась определенными политическими и дипломатическими «украшениями». Например, иранское правительство уведомило дипломатические представительства иностранных государств о замене в официальной дипломатической переписке названия Персия названием Иран, поскольку Парс – это лишь одна из провинций иранского государства. В этом изменении наименования государства был и еще один смысл: убедить верхушечные слои всех народов и племен, населяющих Иран, в том, что теперь все они, а не только персы, равноправные граждане единого, многонационального государства. Были изменены названия многих городов, совершен переход на солнечное летоисчисление, введены старые иранские названия месяцев. Была также проведена реформа литературного персидско-

го языка. С этой целью в 1935 г. была основана Иранская академия литературы и языка (Фархангестан).

* * *

Историка живо интересуют причинно-следственные связи между крупными событиями, в которых, собственно, и проявляются свойства той или иной цивилизации. Исламскую революцию в Иране мы считаем цивилизационным переворотом огромного, не только местного, но и мирового значения. Поэтому и уделяем большое внимание ее духовно-культурным, в том числе мировоззренческим истокам. Конечно, тот принципиально значимый факт, что антидеспотическая революция была именно **исламской**, а не **демократически-светской**, нельзя объяснить простой случайностью, каким-то капризом истории. Такая революция не могла бы состояться, если бы в общественном сознании иранцев полностью не утвердилось господство религиозной мысли. Заметим к тому же, что религиозное миропонимание подвигло народные массы на решение не каких-то частных вопросов, а задач колоссального масштаба: принципиального реформирования общественно-политических отношений. Предпосылки для политической революции под знаменем ислама складывались в общественном сознании иранцев постепенно, в ходе долгого процесса духовно-культурной эволюции. Одной из важных причин мировоззренческого переворота стал тот факт, что в истории Ирана сила религиозной культуры, религиозного миропонимания никогда не сталкивалась со светским мировоззрением, поскольку в духовной жизни нации не существовало никакой светской идеологии, сравнимой с исламским учением по силе воздействия на массовое сознание.

Остановимся подробнее на этом вопросе. Следует обратить внимание на сферу общественного сознания иранцев, ибо во времена диктатуры последнего шаха светская общественная мысль обнаружила много общих с религиозной мыслью положений. В конце концов, совпадение точек зрения по ряду проблем общественного развития страны способствовало усилению религиозного мировоззрения, а народное движение против шахской деспотии и разложившейся верхушки общества, группировавшейся вокруг шахского двора, приняло ярко выраженную религиозную окраску. Очень ценные сведения по этому поводу содержатся в книге В. Б. Кляшториной «Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей».

Все содержание книги связано непосредственно с событиями 1979 г. Содержащийся в ней материал дает основания для следующего обобщающего вывода. В том знаменательном году в истории иранской цивилизации произошел переворот такой исторической значимости, которая вполне сопоставима с фактом самого появления ирано-исламской цивилизации, порожденного арабским завоеванием и возникновением халифата. Два последних события совпали по времени с завершением периода иранской древности и началом средневековья; они сыграли роль рубежа при переходе в новую социально-культурную эпоху. А что означала, с этой точки зрения, «Исламская революция» 1979 г.? Она означала включение Ирана в глобальную систему позднего капитализма, в духовном мире которого зародилась и развивается идея перехода к новому типу общечеловеческой цивилизации. Иранский опыт неожиданно крутого поворота на цивилизационном пути, бесспорно, имеет общемировое значение. Тот факт, что вхождение Ирана в новую историческую формацию произошло под знаменем утверждения, казалось бы, совершенно несовместимого с этой формацией теократического политического режима, чрезвычайно красноречив и показателен в историко-философском отношении. Он свидетельствует о том, во-первых, что исходящая от религиозных верований сила общественного единения далеко еще не исчерпала свои возможности в общемировом масштабе, а во-вторых, что фраза «Мусульманский ренессанс» – отнюдь не поэтический образ, лишенный духовно-культурной и политической основы.

Главным героем книги В.Б. Кляшториной является популярный в Иране в предреволюционный период общественный деятель и писатель Але Ахмад. Он был типической фигурой своего времени, выразителем убеждений и настроений целого слоя иранской интеллигенции, которую можно было бы назвать «потерянным поколением». Але Ахмад был зачинателем и наиболее ярким представителем того идеологического течения в иранском массовом сознании, которое получило название «антизападничество». Это движение было реакцией на повальное, безоглядное увлечение значительной части иранских обывателей (главным образом представителей верхушечных и т.н. «средних» слоев) «западным образом жизни». Идеология «антизападничества» разрабатывалась теми представителями иранской интеллигенции, миропониманию которых были свойственны убеждения не просто патриотического, а ультранациона-

листического, «почвеннического» толка. Как полагала В.Б. Кляшторина, в 60-х гг. прошлого века иранское общество вошло в состояние глубокого мировоззренческого кризиса, который чрезвычайно пагубно сказался на состоянии всей духовной культуры. Главной общественно-культурной целью идеологии «антизападничества» было избрано противодействие «культурной агрессии» Запада. Але Ахмад был в авангарде тех патриотов-националистов, которые считали главной причиной разразившегося духовного кризиса комплекс «национальной неполноценности», поразивший иранцев в 60-е гг. По его мнению, этот комплекс лишил их гордости за свою древнюю цивилизацию и мешал осознавать себя полноправными участниками современной мировой истории. Эта тяжелая болезнь национального сознания усугублялась еще и тем, что значительные группы иранского населения были лишены правильного духовного руководства и, дабы «сравняться» с Западом, стали жадно поглощать продукты европейской и американской массовой культуры. Почвенники придерживались того мнения, что у Запада можно, и то с осторожностью, заимствовать плоды научно-технического прогресса, а западную «тлетворную» массовую культуру следует решительно отвергать. Автор цитируемого исследования полагала, что главной целью Але Ахмада было реализовать практически объективно возникшую «...необходимость скорейшей культурной адаптации в мире. При этом преодоление отсталости, овладение современными технологическими навыками он справедливо ставит в **прямую зависимость** (выделено – А.В.) от глубины освоения собственных культурных традиций»².

Иранские почвенники видели главную причину общенационального кризиса в культурно-психологической «агрессии» Запада, направленной на разрушение иранского национального сознания. Следует отметить, что всякий неумеренный национализм страдает тем, что в своем народе он находит исключительно добрые начала, а все дурное в окружающей жизни относит на счет «иноземцев». Подобному заблуждению в Иране способствовало то, что даже образованные и патриотически настроенные члены общества, видимо, не имели мужества признать, что они сами не оказали должного сопротивления худшим проявлениям западной массовой культуры.

Сама Вторая мировая война и ее последствия оказали сильное влияние на иранское общество. После ухода с политической сцены Реза-шаха обострились идеологические и полити-

ческие противоречия между различными группировками в верхушечных и «средних» слоях общества, шла борьба вокруг вопроса о будущем пути развития страны. Происходило размежевание между национально-патриотическими, демократическими силами, с одной стороны, и консервативно-прозападными, с другой.

Как известно, иранский народ внес значительный вклад в победу союзных держав над германским фашизмом. Участие в антигитлеровской коалиции положительно отразилось на развитии массового сознания иранцев, укрепив в нем чувства самоуважения и надежды на «лучшее будущее». В этот период в Иране сложились благоприятные условия для перехода к буржуазно-республиканскому строю. Однако в обстановке начавшейся «холодной» войны национальная буржуазия не проявила должной инициативы, а демократическое движение, руководимое просоветской Народной партией Ирана (Туде), было подавлено шахским правительством в 1946–1947 гг. Сам «молодой» шах Мохаммад-Реза был фигурой мало почтенной. Как свидетельствуют заслуживающие доверия лица, с юношеских лет он отличался нравственной испорченностью и неспособностью внушать уважение ни у себя дома, ни за пределами страны. В течение 1948–1949 годов реакционные, проимпериалистические силы в Иране вели тотальное наступление на демократические организации, партии и движения. У иранских правящих кругов в послевоенные годы была возможность выбора: идти вместе с теми странами Азии, которые выбрали путь «неприсоединения», т.е. неучастия в противостоянии двух военно-политических блоков, или же примкнуть к тем, которые согласились на роль пособников неокOLONиализма. Представители реакционных сил внутри Ирана в основном **добровольно** выбрали второй путь, хотя нельзя сбрасывать со счетов и факт вмешательства США и НАТО во внутрииранские дела.

Угроза полного торжества реакции побудила демократическую часть национальной буржуазии Ирана приступить к объединению всех прогрессивных патриотических сил в широкое общенациональное движение. В октябре 1949 г. такое движение под именем Национального фронта, объединившее силы, выступавшие против политического курса правительства, было создано. После консолидации оппозиции борьба враждующих лагерей перешла в новую, еще более острую фазу. Весной 1950 г. реакционно-монархические, прозападные силы получили ре-

шающее подкрепление: 23 мая в Вашингтоне было подписано военное соглашение между США и Ираном, которое предопределило скорое поражение народно-патриотических сил в Иране. Угроза силам демократии и национальной независимости стремительно нарастала. Тем не менее народ Ирана проявил стойкость и твердость характера и не смирился с наступлением американского неокOLONиализма. В конце 1950 г. развернулось массовое движение против враждебной национальным интересам Ирана деятельности Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК), которая после окончания Второй мировой войны проводила политику неокOLONиализма на иранской земле. Можно только восхищаться той зрелостью национального сознания, которую продемонстрировал в ту пору народ Ирана. Под сильнейшим нажимом общественного мнения иранский меджлис принял 15 марта 1951 г. решение о национализации нефтяной промышленности Ирана, которое потрясло правящие круги стран Запада. 29 апреля 1951 г. лидер Национального фронта Мосаддык был назначен главой иранского правительства. Кажется, национально-патриотические силы могли уже праздновать свою полную победу в борьбе за демократию и суверенитет.

Национализация нефтяной промышленности Ирана и прогрессивные реформы правительства Мосаддыка представляли серьезную угрозу интересам западных держав, в первую очередь США, в Иране и на всем Ближнем Востоке. После завершения Второй мировой войны правящие круги США стремились занять на Ближнем Востоке то место доминирующей военно-политической силы, которое до войны принадлежало Великобритании. Поэтому они помогли шаху беспощадно расправиться с национально-демократическим движением и тем самым сохранить еще на четверть века монархический образ правления. 19 августа 1953 г. иранский генерал Захеди под руководством и при поддержке американских спецслужб совершил военный путч. С тех пор шах Ирана превратился в послушного исполнителя воли Запада. В 1956 году он уже готовился подписать секретное соглашение с правительством США о размещении американских ракетных баз на территории Ирана. С большим трудом правительству СССР, которое после смерти Сталина чувствовало себя не очень уверенно в международных делах, удалось предотвратить подписание такого соглашения.

После августовского государственного переворота 1953 г., совершенного по инициативе и с помощью американцев, иран-

ский народ стал рассматривать шаха и его окружение как прямых ставленников Запада и врагов собственного народа. Новая форма зависимости Ирана от Запада прикрывала свою колониальную сущность фиговым листком борьбы «демократического» Запада с «мировым» коммунизмом. Но этот неокOLONиалистский трюк не меньше оскорблял национальную гордость иранцев, нежели прежнее открытое давление британского и российского империализма в XIX и начале XX вв. Поэтому в народном сознании стали преобладать чувства разочарования, обиды и презрения к шаху и его окружению. На умонастроениях иранцев отразились и изменения в международной обстановке, произошедшие после Второй мировой войны. Прежде всего речь идет о расколе мира на два враждебных лагеря и образовании двух военно-политических блоков: НАТО и Варшавского договора. Этот раздел мира повлек за собой «холодную» войну и создал вполне реальную перспективу обострения обстановки в ряде районов мира.

В Иране передовая часть общества после 1953 г. пребывала в состоянии растерянности. Все попытки реформировать политический режим захлебнулись. Те, кто уповал на поддержку Советского Союза, были глубоко разочарованы, поскольку после смерти Сталина советские «верхи» сами оказались в состоянии внутреннего кризиса и не смогли или не захотели вмешиваться в иранские дела, хотя договор 1921 г. давал такую возможность. Но пассивное отношение со стороны советского руководства к вмешательству США во внутренние иранские дела вызвало у демократически настроенной части иранского образованного класса разочарование в политике СССР. Ничего не предприняли для помощи иранскому народу и правительства азиатских стран, придерживавшиеся нейтрального курса в противостоянии двух военно-политических блоков. Таким образом, иранский народ не мог рассчитывать на «внешнюю» поддержку и сопротивляться давлению Запада.

Представители прогрессивных кругов иранского общества, в основном образованная молодежь, патриотическая часть командного состава армии, ученые, литераторы, специалисты, получившие образование в Европе и веровавшие в принципы буржуазной демократии и т. д., подверглись репрессиям. Но несмотря на жесточайший террор, в январе 1960 г. в Тегеране состоялась демонстрация учащихся; полиция и жандармерия открыли по демонстрантам огонь. Летом того же года возобновил

свою деятельность Национальный фронт. В 1960–1961 гг. в стране проходили антиправительственные выступления студентов. Продолжались забастовки рабочих и служащих. 18 мая 1961 г. в Тегеране состоялся массовый митинг протеста против участия Ирана в военных блоках. 21 января 1962 г. в Тегеране состоялась демонстрация студентов столичного университета под антиправительственными лозунгами. В начале июня 1963 г. в Тегеране, Куме, Мешхеде и Рее проходили демонстрации протеста против антинародной, прозападной политики правительства. Важно отметить, что в организации этих народных волнений активную роль сыграли представители шиитского духовенства, что, несомненно, усиливало общенациональный характер движения. Показательно, что в борьбу вовлекались даже крупные землевладельцы, которых считали архиконсервативной силой. Шахская диктатура, опиравшаяся на поддержку западных держав, вызывала сопротивление и «слева» и «справа», – происходила еще стихийная, но обещающая перспективу консолидация всех патриотических сил. В 1970–1971 гг. неоднократно вспыхивали волнения в Тегеранском университете. В октябре 1973 г. служба безопасности раскрыла заговор, в котором приняли участие высокопоставленные лица.

В тех кругах иранской интеллигенции, где вызревала идеология «антизападничества», были широко распространены надежды на целительные свойства традиционной иранской духовной культуры, не испытавшей губительного воздействия «западничества». Обстоятельства сложились так, что главным хранителем исторических духовных ценностей выступил ислам, поскольку переход к новому позитивному светскому мировоззрению так и не состоялся. Объяснить такое явление можно, очевидно, тем, что экономическое и политическое давление Англии и России парализовало распространение в Иране светской культуры, иностранному империализму было выгодно как можно дольше держать иранское общество в стороне от прогрессивных культурных течений в европейских странах.

После 1953 г. в массовом сознании иранцев шиизм прочно занял место единственной духовной силы, способной отстоять сложившийся веками образ жизни. Поэтому чем больше ухудшалась жизнь масс, чем сильнее расшатывались основы национального единения, тем выше становился авторитет духовенства.

Между шахом и религиозными авторитетами установились натянутые отношения. В преддверии назревавшего конфликта

даже вполне светски образованные люди, бывшие прежде атеистами или «секуляристами», выступили в защиту религии, поскольку шах и вся поддерживавшая его верхушка в народном сознании прочно приобрели образ «сатанинских сил». Таким образом, шиитское духовенство логично и прочно заняло в обществе место единственной силы, способной найти выход из углублявшегося кризиса: установить справедливое общественное устройство в стране.

Поскольку в шахском Иране не было ни действенного светского законодательства, ни влиятельных общественно-политических институтов, гарантирующих народу реальное соблюдение гражданских и политических прав, взоры всех обратились к исламской этике, отправным постулатом которой является абсолютное равенство всех правоверных перед лицом их создателя. Иранцы вспомнили и то, какую важную роль сыграло шиитское духовенство в период правления династии Каджаров, когда священнослужители рука об руку с представителями национально ориентированной буржуазии выступали организаторами и руководителями национально-освободительного движения в Иране.

Разгром движения Мосаддыка нанес огромный политический урон представителям патриотических кругов, настроенных в духе светской демократии. Поэтому исчезла возможность совместного выступления светских демократов и духовенства в рядах антишахской оппозиции, но сохранялась надежда на союз духовных лидеров с деятельной частью национальной буржуазии, лишенной амбиций на политическое господство и не настаивавшей на секуляризации общественной жизни. Эта надежда оправдалась в период «исламской» революции 1979 г. Тогда под лозунгами борьбы с «безбожным» Западом (равно христианским и атеистическим) и возрождения и укрепления основ ирано-исламской цивилизации образовался политический блок духовенства, национальных предпринимателей и прогрессивной части интеллектуальной элиты. Этот блок пробудил и возглавил революционные силы народа, изгнал шаха и пришел к власти. Поэтому для объективной оценки результатов исламской революции следует признать, что для иранского народа она была единственной возможностью выйти из тупика, хотя при шаблонном взгляде на историю родившаяся в результате народной революции форма теократии и может показаться в XXI в. неким анахронизмом.

При рассмотрении такого грандиозного события, каким стала на исходе XX в. исламская революция в Иране, следует объяснить ее понимание представителями главной движущей силы – шиитского духовенства, хотя бы той его части, которая пошла за имамом Хомейни. После того, как жесточайшим образом было подавлено национально-патриотическое движение, две силы вступили в непримиримое противоборство: одна – шиитское духовенство, другая – шах, его семья, ближайшее окружение и часть верхушки общества, которая поддерживала шахский режим. Поскольку у этих двух политических сил было принципиально различное понимание природы общества и власти, а также общественно-политического смысла и целей закона и морали, столкновение между ними стало неизбежным. Шах и окружавшие его руководящие политические деятели относились к своему народу как к «толпе», т. е. массе людей, лишенных способности сознательной самоорганизации, не имеющих четкой цели, действующих стихийно под влиянием сиюминутных порывов. Иранская политическая верхушка считала, что править такой «толпой» вполне можно при помощи постоянного обмана и насилия. Духовенство **объективно** не могло мыслить подобным образом, ибо община верующих должна быть духовно – идейно и нравственно – единой и сплоченной и всей душой веровать в высокие принципы религиозного учения. Шах был заражен западным взглядом на религию как на «частное» дело всякого гражданина. В свою очередь истинно верующий мусульманин представлял шаха вероотступником, порождением сил зла.

Шах Мохаммад Реза, несомненно, был бездарным политиком и правил страной так долго (37 лет!) исключительно благодаря поддержке правительства США. Шах не осознал всей важности серьезнейших изменений во взглядах шиитского духовенства, не принимал всерьез те глубокие перемены, которые происходили в стране и, в частности, в народном сознании. В отличие от шаха духовенство, находясь в тесном общении с массами, постоянно осмысливало происходившие в стране и во всем мире перемены. Поэтому имаму Хомейни и его сподвижникам удалось успешно разработать идейно-политическую платформу, ставшую основой для исламской революции.

В исламе – суннитском и шиитском – принято рассматривать любой режим власти как проявление божьей воли. В теологических текстах можно найти обоснование этого положения.

Однако в отличие от точки зрения суннитских богословов, шиитские богословы объясняли это необходимостью сохранения шиитского меньшинства в условиях действия суннитских законов. Шиитские богословы и правоведы, которые понимали необходимость пересмотра явно устаревших взглядов на отношения между религией и светской властью, выработали новые идеологические принципы и, опираясь на них, решили на практике отступить от безоговорочной поддержки властей. Они осознали всю порочность, а мысля религиозно, «греховность» слепого, без учета жизненных реалий, следования старым догмам. Иранские шиитские богословы и высшие религиозные авторитеты показали блестящий пример сочетания гибкости ума и верности принципам своей религиозной совести: они прочно встали на путь служения не власти, а народу в тех случаях, когда светская власть беззастенчиво отступала от духа Корана.

Процесс пересмотра старых догм начался еще в XIX в. Сильный толчок эволюция религиозного мышления получила во времена революции 1906–1911 гг. После Второй мировой войны в Иране выросло несколько поколений религиозных деятелей, которые стали более независимыми и материально, и духовно. Произошли кардинальные перемены в области подготовки кадров будущих священнослужителей. Обучение их стало осуществляться не только в специальных религиозных, но и в светских учебных заведениях: общеобразовательных школах и университетах. Стала издаваться в больших количествах религиозная литература – книги и газеты. Хотя молодые священники вырабатывали свои религиозные убеждения под руководством старших по возрасту духовных лиц, однако в материальном отношении были настолько обеспечены, что уже не нуждались в помощи крупных религиозных лидеров или государства, а потому обретали большую интеллектуальную свободу. Все это благотворно сказалось на установлении духовной близости между религиозной и светской интеллигенцией – учителями, лекторами, писателями, журналистами и т. д.

Следует отметить и влияние суфизма на формирование духовного мира имама Хомейни, его учеников и последователей. Для суфиев считается обязательным не только всеми помыслами, но и всем образом существования способствовать утверждению на грешной земле божественных благих предначертаний. Именно это свойство суфизма, безусловно, сказалось на выработке новых подходов к общественной практике в шиитском

богословии. Сам имам Хомейни был, по свидетельству его соратников, крупнейшим знатоком суфизма. Таким образом, по мнению многих исследователей, личность имама Хомейни воплотила в себе наилучшие черты иранской цивилизации. Его усилия по сплочению иранцев в борьбе против антинародной политики шаха способствовали укреплению национального самосознания граждан страны.

Борьба верхушки иранского шиитского духовенства против проамериканской политики шаха потребовала многих жертв. США при президенте Кеннеди стали навязывать развивающимся странам идею проведения, при поддержке США, т.н. «революций сверху». Президент Кеннеди лично рекомендовал шаху Ирана провести кое-какие реформы в стране, чтобы, по крайней мере, создать некую иллюзию «демократического» развития. 8 января 1963 г. шах официально объявил о том, что собирается провести всенародный референдум, чтобы выяснить отношение нации к шести основным принципам предполагаемой «белой революции». Высшее шиитское духовенство отнеслось к заявлению шаха о предстоящем референдуме с недоверием и настороженностью. В Куме состоялось совещание представителей высшего духовенства, на котором было решено просить шаха дать более подробные разъяснения относительно готовящихся реформ. Выделенный совещанием делегат после беседы с шахом донес ее содержание духовенству. Опасения оправдались, и имам Хомейни решился на открытое противодействие монарху: 31 января 1963 г. он сделал заявление, в котором призвал народ бойкотировать референдум, поскольку эта мера противоречит нормам ислама и конституции Ирана. Заявление Хомейни, сделанное за четыре дня до назначенной даты референдума, стало серьезным ударом для сторонников шаха.

В стране начались массовые протесты против политического курса, проводимого монархическим режимом. Тегеранский базар прекратил работу, а студенты Тегеранского университета провели демонстрации в поддержку воззвания имама. Эти выступления были подавлены полицией. Мохаммад-Реза Пехлеви отправился в Кум, надеясь создать впечатление о достижении взаимопонимания между ним и высокими религиозными авторитетами. Прибегнув к такой мистификации, он рассчитывал сохранить контроль над ситуацией и добиться отмены бойкота референдума. Однако имам разгадал замыслы шаха и запретил населению встречать главу государства

на улицах города, демонстрируя тем самым протест против его политического курса.

Дальнейшие действия Мохаммада-Реза-шаха наводят на мысль о том, что он жил в полной духовной изоляции и очень плохо разбирался в сложившейся в стране ситуации. Очевидно, что американские советники также не понимали характера иранцев. Тем не менее шах не осознал своего морального поражения и настоял на проведении 25 января 1963 г. референдума. Успокаивая себя и своих заокеанских друзей, он заявил о полном успехе своего политического шага. Однако имам Хомейни продолжал свою борьбу. В своих выступлениях и лекциях он постоянно обращал внимание народа на ошибки и откровенную измену шахского правительства. Имам призывал народ к противодействию политике шаха и его американских советников. Шах был чрезвычайно разгневан, так как 15 марта он выступил с речью, в которой обрушился с оскорблениями и грубыми нападками на шиитское духовенство, предупредив священнослужителей о возможности принятия против них «решительных мер». Вызов, брошенный шахом, был достойно принят имамом: в ответ Хомейни объявил канун иранского Нового года днем траура.

Решив свести счеты с духовенством, шах послал в Кум переодетых военных «коммандос». Им было приказано не допустить проведения традиционных и очень почитаемых шиитами траурных церемоний, связанных с годовщиной смерти шестого шиитского имама Джафара Садека. «Коммандос» нагрянули в духовную семинарию Фейзие, разогнали и избили собравшихся там учащихся и других приглашенных верующих. Жители города не могли остаться безучастными и дали отпор погромщикам. На помощь «коммандос» немедленно пришла полиция, которая заранее была сосредоточена вокруг помещения семинарии. Полицейские открыли огонь, в результате чего было много жертв. Затем в общежитие семинаристов ворвались агенты охраны и устроили погром. Ужесточая давление на духовенство, режим издал закон о призыве на действительную военную службу учащихся духовных семинарий. Целью этой меры было установить контроль над деятельностью священнослужителей и демонстративно поправить их достоинство. По случаю «сороковин» со дня варварской расправы в семинарии Фейзие Хомейни обратился к правоверным с воззванием. В этом документе выражался резкий протест против незаконных и аморальных дей-

ствий шахского режима. В день «ашуры» – траура по шиитскому имаму Хусейну – Хомейни еще раз в своей речи решительно осудил действия шахского режима в Куме. Через день агенты САВАК (Организации информации и безопасности страны) тайно проникли в дом имама в Куме, арестовали его и отправили в Тегеран.

Народ дружно выступил на защиту своего духовного вождя. Уже на следующее утро народ вышел на улицы Кума, Тегерана, Верамина, Мешхеда, Тебриза и Шираза. Продержав имама два месяца в тюрьме, шахская охранка была вынуждена отправить имама под надзор полиции в его тегеранский дом в районе Давудийе. Здесь Хомейни провел около 10 месяцев. Его возвращение в Кум произошло благодаря новому премьер-министру Хасанали Мансуру, который проявил большую политическую гибкость, нежели его предшественник, и попытался установить более лояльные отношения с духовенством. Тем не менее в сентябре 1964 г. правительство Хасанали Мансура приняло закон об экстерриториальности (неподсудности местным законам) американских граждан. Этот закон цинично демонстрировал безграничную власть Вашингтона в Иране. Столь открытая демонстрация все возрастающей зависимости иранских властей от США возбуждала растущее недовольство народных масс. Как опытный политик имам Хомейни поспешил воспользоваться этим и активизировал борьбу против шаха и его американских покровителей. Однако шах не собирался отказываться от репрессий против имама.

Для очередного изъяснения протеста против антинародной политики правительства Хомейни выбрал чрезвычайно чувствительный для самодобия шаха момент: 25 октября праздновался день рождения монарха. В этот день Хомейни произнес речь, в которой подверг беспощадной критике политику шахского режима по отношению к США. Закон об экстерриториальности он назвал позорным, противоречащим исламу и конституции страны. Власть не могла вынести такого публичного унижения. Хомейни был арестован и отправлен в изгнание в Турцию.

Однако национально-освободительное, антиимпериалистическое движение иранского народа вошло уже в такую стадию своего развития, что высылка Хомейни, хотя и отсрочила кульминацию революции, не могла ее остановить. Реакция на высылку духовного лидера Ирана была повсеместной: высшее духовенство, протестуя против репрессий, выступило с обращени-

ем к народу. В правительство были направлены телеграммы с осуждением действий шаха.

Одновременно с высылкой из страны имама Хомейни подвергся репрессиям и его старший сын аятолла Сайед Мостафа Хомейни. Однако высылка имама Хомейни за пределы Ирана не достигла того эффекта, на который рассчитывал шах. Во-первых, имам не прекратил своей политической деятельности. Во-вторых, сподвижники имама в Иране не испугались репрессий и продолжали борьбу. В-третьих, подоспела помощь от зарубежной демократической общественности. Правозащитная организация «Международная амнистия» под давлением общественного мнения на Западе выступила с предупреждением иранским властям о недопустимости такого варварского обращения как с Хомейни, так и с другими представителями политической оппозиции в целом. В 1965 г. иранские власти позволили имаму перебраться из Турции в Ирак, в священный для шиитов город Неджеф. Но и там Хомейни продолжал вести активную политическую деятельность. Иранские антимоноархисты постоянно приезжали к имаму и получали от него надлежащие инструкции. Кроме того, его заявления по различным поводам распространялись в Иране и не давали погаснуть революционному огню в массовом сознании. Следует отметить, что иракские власти по отношению к шаху Ирана были настроены враждебно. Поэтому иракские спецслужбы пытались склонить Хомейни к сотрудничеству против этого общего противника. Однако имам решительно отклонял возможность соглашения на этой почве, разъясняя тем, кто обращался к нему с подобными предложениями, что он ведет борьбу против антинародного политического курса шахского правительства, но не желает участвовать в политических интригах, которые могут причинить ущерб общенациональным интересам иранского народа.

22 октября 1977 г. сын имама аятолла Сайед Мостафа Хомейни погиб при загадочных обстоятельствах. Хотя причина его смерти так и не была точно установлена, в иранском обществе утвердилось мнение о том, что сын имама был убит шахскими агентами, чтобы травмировать психику отца. Гибель С.М. Хомейни вызвала в Иране широкий общественный резонанс. Духовные деятели, улемы и другие участники сопротивления шахскому деспотизму, признававшие лидирующую роль имама Хомейни в революционном движении, выступили с выражением глубокого соболезнования по поводу этой невосполнимой для

семьи и всех патриотов утраты. Многие из таких соболезнований были опубликованы в газетах.

Репрессии шахского режима вызвали новый взрыв народного возмущения. Движение протеста началось в Куме, а затем охватило Тебриз, Исфаган, Шираз, Мешхед и Тегеран. Стало очевидно, что физическое отсутствие Хомейни не уменьшило его влияния на массы. Тогда иранское правительство потребовало от Багдада выслать Хомейни из Ирака. Правительство Ирака, которое ранее заявляло о своих конфликтных отношениях с шахским режимом, в данном случае пошло навстречу требованию иранских властей. Хомейни поселился в парижском пригороде Нофль-ле-Шато.

Находясь вдали от родины, Хомейни конспиративными путями поддерживал связь со своими сторонниками в Иране, переправляя им свои инструкции и указания. Наконец, накал революционных волнений вынудил шаха покинуть страну. Это создало возможность для возвращения имама Хомейни в Иран. 31 января 1979 г. он вернулся в Иран вместе с группой своих сторонников. Народ Ирана восторженно встретил имама Хомейни на родной земле. Возвращение национального героя из изгнания стало подлинно общенародным торжеством, не имевшим, по свидетельству литературных источников, прецедентов в истории страны. Его прибытие в Иран оказало огромное воздействие на обстановку в стране. Остатки шахского государственного аппарата не продержались и 10 дней: 11 февраля 1979 г. все органы государственной власти перешли в руки революционных сил.

После победы Исламской революции начался новый этап в деятельности имама Хомейни. Его первым делом стало создание основ теократического правления, за которое выступило большинство иранцев. Этот процесс начался с проведения всеобщего референдума по вопросу о создании Исламской Республики и последовавших затем выборов в Совет экспертов (его целью была подготовка Конституции), референдума для одобрения этой Конституции, а также выборов, призванных создать различные органы власти. Для улучшения внутриполитического положения в стране имам Хомейни распорядился создать несколько новых государственных органов. Среди них: «Корпус стражей Исламской революции» (КСИР), предназначенный для мобилизации народных сил в борьбе с вооруженной внутренней контрреволюцией и зарубежными враждебными революциями си-

лами; «Созидательный джихад», используемый преимущественно для благоустройства сельских и отсталых районов; «Движение за обучение грамотности»; «Комитет вспомоществования имама Хомейни» для оказания помощи бедным и неимущим и, наконец, «Жилищный фонд Исламской революции» для строительства жилья и обеспечения им нуждающихся.

Имам Хомейни, бесспорно, был личностью выдающейся: мыслителем, писателем, проповедником, организатором и вождем масс, но как бы богато ни одарила его природа, даже ему невозможно было бы в одиночку вести столь тяжелую, длительную и изнурительную борьбу против шахского правления. Вокруг имама сплотилась целая когорта талантливых учеников, последователей и друзей. Они сыграли большую роль в подготовке революции и в строительстве нового общества и государства. «Все идеологические и организационные вопросы, вошедшие в той или иной степени, прямо или косвенно, в целостное учение религиозного лидера революции, в особенности – указание использовать мечети в политических целях, были подготовлены этой группой и стали основой ее действий»³.

То, что в рядах религиозно-революционного авангарда сотрудничали люди с различными взглядами, имело свою положительную и отрицательную стороны. Сплочение разных религиозных группировок вокруг личности Хомейни способствовало преодолению существовавших между ними противоречий, что, в конечном счете, обеспечило победу в 1979 г. В исламской революции выявилось все самое ценное, что отложилось в народном характере за многовековую историю страны. Одно из этих ценнейших качеств – коллективизм, стойкая привычка добывать правду и справедливость, действуя совместно, плечом к плечу. Поскольку духовенство есть часть народа, и притом наиболее духовно развитая его часть, принцип «Один за всех, и все за одного!» проявился в Исламской революции со всей полнотой и выразился в лозунге «Имам Хомейни – за весь правоверный народ, все правоверные – за имама!».

Конечно, стратегию революционных действий разрабатывали высшие религиозные деятели, но чрезвычайно полезную работу на так называемом «низовом уровне» вела вся масса социально активного духовенства. Как пишет В.Б. Кляшторина, «... в революции было два этапа. Первый в 1977 г., когда появились первые признаки социальной напряженности в стране вплоть до восстания в Куме в январе 1978 г. В этот период

главную роль... сыграла интеллигенция из среды духовенства. Именно эти люди активно распространяли листовки и воззвания, устраивали вечера поэзии, обращались к международным организациям с требованием защитить права человека и свободу вероисповедания»⁴.

Можно говорить об известной утопичности программы иранского шиитского духовенства в той ее части, которая направлена на полную изоляцию от западно-христианской цивилизации. Впрочем, сама практика исламской революции показала, что исламское общество в Иране не стало развиваться по пути изоляции от мира, а, напротив, выбрало путь межкультурного общения. Исламская революция вывела иранский народ в число тех наций, которые, по утверждению многих авторитетных футурологов, составили авангард человечества на пути движения к новой цивилизации.

¹ В обществе, где религия пользуется статусом "государственной", а именно таков был изначально статус шиитского ислама в Иране, действуют две формы правовых отношений – светская и религиозная. В ряде случаев нормы светского и религиозного права вступают в противоречия. "Бест" – одна из специфических норм шиитского права, основывающегося "на обычае". Суть этого обычая такова: любое лицо, преследуемое светской властью по уголовным или политическим обвинениям, может "сесть в бест", т.е. укрыться в таком месте, где его не может арестовать светская власть. Пока преследуемый сидит в бесте, его родственники или друзья пытаются найти доказательства его невиновности или умалить его вину. Местами, используемыми для беста, могут быть особо почитаемые мечети, гробницы святых, определенные места во дворце шаха, посольства иностранных держав. Как правило, светские власти не нарушали святость обычая беста.

² Кляшторина В.Б. Иран 60–80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990, с. 40.

³ Там же, с. 10–11.

⁴ Там же, с. 7.

Ж.И.Костоева

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В начале XX в. система просвещения в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) находилась в зачаточном состоянии. Государство не могло взять на себя заботы об образовании своих граждан. До того, как в стране были обнаружены крупные запасы нефти, главными источниками дохода государства были религиозные налоги, в первую очередь, получаемые от паломничества мусульман в Мекку и Медину к святым местам ислама¹, концессионные отчисления нефтяных компаний, доходы от разработки золотых рудников, а также финансовая помощь Великобритании. Промышленность отсутствовала, сельское хозяйство находилось на низком уровне. Очевидным проявлением общей отсталости государства, даже по сравнению с другими арабскими странами, был и низкий уровень образования. Даже после того как КСА стало получать доходы от продажи нефти, неграмотность в середине XX в. охватывала 95–97,5% взрослого населения королевства².

Ко времени образования саудовского государства на Аравийском полуострове существовали лишь мусульманские школы. Как пишет известный российский специалист по Саудовской Аравии А.М. Васильев, в конце XIX в. традиционное мусульманское образование находилось в упадке. «Лишь немногие отправлялись на учебу за пределы Аравии. Во всей Центральной Аравии не было ни одной школы, хотя в некоторых городах существовали небольшие частные кружки при мечетях. Бывало, что грамотеи учили за плату учеников у себя дома»³. И далее: «Эмиры редко заботились об образовании своих сыновей. Некоторые считали его ниже своего достоинства»⁴.

Однако ситуация изменилась, когда под властью Саудитов объединилась большая часть Аравии, в том числе и наиболее развитые районы полуострова. В частности, в Хиджазе были

не только школы, но и библиотеки, а также издавалась газета «аль-Хиджаз», выходящая до 1909 года на арабском и турецком языках. Кроме этой газеты некоторое время выходили газеты «Шамс аль-Хакика» (Солнце правды) и «Аль-Ислах» (Реформа). Следует отметить, что эти школы и газеты были организованы турецкими властями, которые стремились к расширению османского влияния на территории Аравийского полуострова. Согласно статистике, незадолго до начала первой мировой войны число начальных школ в Хиджазском вилайете достигло 78⁵.

Имам Абд аль-Азиз ибн Абдуррахман ибн Фейсал (Ибн Сауд) (1880–1953), заслугой которого стало соби́рание аравийских земель вокруг Неджда в 1918–1926 гг., в результате чего возникло современное саудовское государство, с самого начала своего правления, несмотря на сопротивление консервативно настроенных улемов, уделял большое внимание просвещению. С 1926 г. король Абд аль-Азиз стал приглашать учителей из-за границы. Для контроля над создаваемой системой просвещения был создан директорат просвещения. Большая часть занятий в созданных тогда школах была посвящена изучению религиозных дисциплин, но с течением времени Абд аль-Азиз настоял на включении в школьную программу таких предметов, как черчение, география и иностранный язык. В 1926 году в стране было 12 государственных и частных школ. Общее число учащихся в 1926 году приближалось к 700⁶. В 30-е годы появились новые школы в основных городах королевства, в том числе и полуплебальные, в которых обучались дети шиитов.

Информация о дальнейшем развитии школьного образования и системы просвещения в королевстве (примерно до середины 50-х годов) довольно скудна, однако исследователи сообщают о появлении сельских школ (50 школ на начало 50-х годов), а также направлении саудовцев за границу на учебу – в основном в Египет, а с 1951 года – в США⁷. После 1946 г. по мере роста коммерческой добычи нефти и получения государством растущих доходов от ее экспорта число приглашенных преподавателей заметно возросло, что привело, по мнению ряда авторов, к «прогрессирующей египтизации» всей системы просвещения в 1950–1960 гг.

Для расширения добычи нефти и создания нефтеперерабатывающей промышленности правительство было вынуждено

пригласить в страну иностранных специалистов. Со временем правящая династия Саудитов стала отправлять молодых саудовцев для получения образования за границу. Стало очевидно, что создание национальной системы современного образования, а также подготовка собственных профессиональных кадров являются необходимым условием развития страны. Однако традиционная закрытость королевства, сильные позиции консервативно настроенных имамов и улемов препятствовали модернизации общественной жизни в стране. В частности, под давлением консервативных улемов король был вынужден отказаться от обучения молодых саудовцев за границей. Однако в 1957 г. около 600 саудовцев обучались за границей, в том числе в США и Западной Европе⁸. Одновременно по инициативе короля при дворце была создана школа по английскому образцу. Любопытно, что кроме сыновей Ибн Сауда в ней обучались слуги и даже рабы. Братья короля – Абдаллах и Фейсал – также устроили школы для своих детей⁹.

Традиционное мусульманское образование охватывало преимущественно мальчиков. В мусульманских школах, существовавших, как правило, при мечетях, ставилась задача ознакомить учащихся с грамотой путем заучивания сур Корана, а также с началами арифметики. В то время лишь считанное количество саудовских женщин умело читать и писать.

В 1953 г. ибн Сауд учредил Совет министров. Было создано 8 министерств, в т. ч. министерство просвещения, сформированное на базе бывшего Директората просвещения. В 1954 г. на пост министра просвещения был назначен принц Фахд ибн Абд аль-Азиз. В 1954 г. в королевстве насчитывалось всего 356 учебных заведений (включая духовные и педагогические институты, курсы по изучению английского языка и обучению машинописи), в которых обучались 46880 учащихся (ретроспективные исследования показывают, что в этот период обучалось только 8% детей школьного возраста) и работали 1954 преподавателя. На нужды просвещения было выделено 2,8 млн. долл., но к 1964 г. этот показатель поднялся до 100 млн. долл. Тем не менее, в 1956 г. к грамотным в стране относилось лишь 5% населения¹⁰.

Принц Фахд ибн Абд аль-Азиз, министр образования, не только создавал новые учебные заведения, но и стремился их укомплектовать квалифицированными педагогическими кадрами. Кроме того, он поставил перед министерством задачу раз-

работать собственные учебники по светским дисциплинам, а также пособия для учащихся и преподавателей. Министерству, по словам одного из историков просвещения, пришлось «преодолеть многие трудности, начиная от приглашения учителей из арабских стран и ввоза учебников и учебных принадлежностей, включая мел и доски»¹¹.

В конце 1950-х гг. была введена более современная система среднего образования, разделенная на три ступени: начальная школа с 6-летним сроком обучения, неполная средняя школа с 3-летним сроком обучения и средняя школа третьей ступени (3 года), после которой выдается аттестат о полном среднем образовании.

В 1957 г. в Эр-Рияде открылся первый университет (ныне он носит имя короля ибн Сауда). Он был создан по египетской модели. И хотя университет считался светским, все студенты изучали основы исламских наук. До этого, кроме традиционных школ, в стране работали основанные еще Директоратом просвещения шариатские и педагогические колледжи в Мекке и Эр-Рияде, в которых преимущественное внимание уделяли изучению религиозных наук. В новом университете почти все преподаватели были иностранцами. Обучение было бесплатным, студенты получали от государства стипендии. Для того, чтобы успокоить консерваторов среди духовенства, в 1961 году был открыт Исламский университет в Медине – центр изучения теологии и шариата¹².

В 1962 г. правительство страны возглавил наследный принц Фейсал, который подготовил программу реформ, состоявшую из 10 пунктов. Ретроспективно деятельность Фейсала (впоследствии ставшего королем Саудовской Аравии) по реализации этой программы вызвала разные оценки. Исследователи не могли признать абсолютного монарха, «Хариса аль-Харамейн» (Хранителя двух мусульманских святынь), радикальным реформатором и даже защитником женского образования. Российский исследователь А.И. Яковлев, однако, считает, что именно король Фейсал создал одну из лучших в мире систем социального обеспечения и основал национальную нефтяную промышленность. Программа реформ (включавшая расширение системы образования), предложенная королем, не осталась пустой декларацией. В связи с решением задач по модернизации страны, совершенствованием всех видов и форм хозяйственной деятельности,

в 1965 г. был образован Высший совет по политике просвещения (Аль-маджлис аль-аля фи сиясати ат-та'алим), в чьи функции входила разработка стратегии и идеологии развития просвещения в королевстве.

Уже в 1969/70 учебном году число учащихся в начальных школах составило 397 человек, в средних – 77, в высших учебных заведениях – 808. В 1972/73 г. численность учащихся составила соответственно – 521, 127, 1397 человек. В 1975/76 – 686, 204, 2394 человека¹³. Одновременно были приняты меры по реализации программы по ликвидации безграмотности среди кочевников и сельских жителей. А в городах впервые возникли публичные библиотеки.

В 1970 г. Высший совет опубликовал программный документ – «Политика просвещения в Королевстве Саудовская Аравия». В нем излагались принципы, на которых базируется система просвещения. «Истоки политики просвещения Королевства Саудовская Аравия, – говорилось в документе, – вытекают из ислама, который исповедует умма. Вера, культ, мораль, шариат, заповедь и совершенный порядок жизни – они все составляют основную часть общей политики государства»¹⁴. Как указывается в «Политике просвещения», главный принцип новой политики – принцип веры. Саудовская Аравия – исламское государство, и поэтому все стороны жизни в стране управляются и регулируются исламом. Получение образования, согласно заповеди ислама, – обязанность каждого человека. В соответствии с этим документом, религиозные дисциплины являются основой в течение всего периода обучения в школах 1-й, 2-й и 3-й ступени, а предмет «исламская культура» – является основным в течение всех лет обучения в высших учебных заведениях. Таким образом, «религиозные дисциплины» играли роль обязательных вне зависимости от выбранной студентом специальности.

Программа реформирования образования базировалась на следующих принципах: 1. Дальнейшее расширение сети начальных, неполных средних и средних школ. 2. Содействие дальнейшему развитию высшего университетского образования. 3. Введение и развитие современных методов в обучении, здравоохранении, социальном обеспечении и спорте, что в целом должно содействовать развитию системы образования. Особое внимание уделялось развитию сети медицинских учреждений, обслуживающих учащихся. То же самое касается со-

циального обеспечения (бесплатное обучение, различные виды пособий, выплат, материальной помощи, стипендий, обеспечение некоторых категорий учащихся бесплатным питанием и транспортом и др.). 4. Удовлетворение потребности получения различных видов и форм образования и подготовка соответствующих национальных преподавательских кадров. 5. Постоянное расширение сети педагогических колледжей и совершенствование системы повышения квалификации учителей. 6. Организация исследовательских центров по педагогике и воспитанию с целью применения научных методов в системе просвещения, анализ позитивного и негативного опыта в системе просвещения в королевстве и за рубежом.

Отмечалась также необходимость использования достижений современной (в том числе западной) педагогической мысли при решении принципиальных задач просвещения, образования и культуры. Разработчики программы уделяли особое внимание «принципу развития», в котором отмечалась связь между образованием и всеобъемлющим развитием королевства. Предусматривалась прямая связь всех ступеней и видов обучения с генеральным планом развития государства; подчеркивалась зависимость планов развития в экономической, социальной, культурной и политической сферах от просвещения и подготовки национальных кадров, которые должны были способствовать развитию различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, самого образования и культуры королевства. Документ признавал необходимость ознакомления и использования достижений мирового опыта в различных сферах науки и техники в интересах развития страны.

Поток нефтедолларов, увеличившийся после 1973 г., смог существенно облегчить решение поставленных задач, в том числе и в сфере образования. Именно тогда произошел качественный рывок в развитии системы просветительских учреждений. Естественно, что это касалось в первую очередь религиозного образования, которое является стержнем практически всех видов образования – от курсов по ликвидации неграмотности до специализированных высших учебных заведений в системах министерств обороны, внутренних дел, национальной гвардии.

В конце 1980-х гг. в королевстве насчитывалось 1415 школ по ликвидации неграмотности для мужчин и 1554 – для женщин, в которых обучались, соответственно, 78548 мужчин и

62415 женщин¹⁵. Тогда же начальным образованием было охвачено 76% детей (81% мальчиков и 70% девочек), средним образованием – 46% (53% мальчиков и 39% девочек), высшим – 12,1% (13,9% мужчин и 10,3% женщин)¹⁶. К 1990 г. численность неграмотных в королевстве составляла 37,6% от всего населения (в 1982 г. – 48,9%), в том числе среди мужчин 26,9% и среди женщин 51,9%¹⁷. Однако, по другим данным, неграмотными остаются 56 % женщин и 31 % мужчин¹⁸.

Тем не менее тенденция перехода к всеобщей грамотности сталкивалась с сопротивлением кочевого населения, которое забирало своих детей из школ на время кочевий, а также мужским шовинизмом, считавшим образование женщин необязательным¹⁹.

Одной из проблем КСА остается повышение грамотности среди женщин. Вплоть до середины XX в. женское образование в королевстве носило слабо организованный характер, а главное, не было единого центра женского образования. Считалось неприемлемым, чтобы девочки выходили из дома без сопровождения, поэтому они могли учиться только частным образом у себя дома, либо в небольших группах и куттабах (школа при мечети – автор)²⁰. Естественно, что частное образование могли дать своим дочерям только представители имущих классов. По словам саудовской принцессы Султаны²¹, «семь семей клана аль-Саудов объединились и наняли учительствовать молодую женщину из Абу-Даби. В классе нас было немного, всего шестнадцать девочек... Каждый день, от субботы до четверга, мы собирались ровно в девять утра в доме нашего кузена, а заканчивали занятия в два часа пополудни»²². Подобные курсы для девочек стали популярны среди части богатых семейств КСА. Преподавателями были или женщины-мусульманки из других арабских стран или те, кто получил домашнее образование от своего отца. Но и эта форма женского образования имела своей целью лишь дать женщине возможность самой читать Коран и литературу религиозного содержания, а также овладеть основами арифметики.

Консервативно настроенные саудовцы, не доверяя своих дочерей частным преподавателям, оказывали давление на правительство, чтобы оно взяло на себя заботу о просвещении девочек. Вокруг вопроса о женском образовании развернулась не просто дискуссия, но и борьба, так как большая часть улемов решительно выступила против женского образования.

Однако еще в начале 1960-х гг. Фейсалу удалось достичь компромиссного решения по данному вопросу. Решить судьбу женского образования правительство поручило влиятельной группе экспертов, в которую вошли специалисты по просвещению и религиозные лидеры. Эксперты, получив согласие религиозных авторитетов, разрешили создать женские школы при условии, что это не будет противоречить религии. Большую роль в этом сыграла Иффат, супруга короля Фейсала. Первоначально под ее покровительством была создана Образцовая школа-интернат для мальчиков в городе Таифе, впоследствии ставшая образцом как для государственных, так и частных школ по всей стране. Теперь благодаря инициативе Иффат был начат экспериментальный проект по созданию школы для девочек-сирот в Джидде. Школу называли «Дар аль-ханан» («Дом нежной заботы»)²³. Тем не менее когда школа открылась, мало кто отважился отдать туда осиротевших родственниц. Но постепенно школа стала дополняться классами второй и третьей ступени, а родители стали обращаться с просьбами позволить их дочерям обучаться в этой школе²⁴.

Женское образование, начатое с нуля, быстро развивалось, опережая по темпам мужское. В 1965 г. число женских школ выросло до 160, а к 1970 г. их стало 357, то есть увеличилось в 2,2 раза. Что касается количественного роста учащихся, он был не менее впечатляющим: в 25, а преподавательского корпуса в эти же годы – в 38 раз²⁵.

В годы первых пяти пятилетних планов (1970–1995 гг.) правительство постоянно держало в центре внимания вопросы образования и профессиональной подготовки граждан. Это было связано с убежденностью правительства в том, что лучшей сферой капиталовложений является просвещение и образование. За это время королевство осуществило беспрецедентные инвестиции в развитие системы образования. В начале XXI в. они превышали 9% от валового внутреннего продукта (при среднемировых показателях около 5%)²⁶. По некоторым данным, Саудовская Аравия потратила на образование в общей сложности свыше 60 млрд. долл.²⁷ Столь впечатляющие инвестиции позволили сделать школы и университеты королевства одними из самых оснащенных в мире, обеспечивающими широкие возможности для получения качественного образования всем желающим – как подданным королевства, так и иностранцам. Для тех и других оно бесплатно. Сегодня в разных городах КСА дей-

ствует 8 университетов, 94 колледжа и более 22 тыс. школ, в том числе 11 191 – для мальчиков и 11 441 – для девочек. Последние цифры, свидетельствующие о практически равном охвате базовым образованием мужского и женского населения, демонстрируют линию саудовского руководства на всеобщее распространение образования в стране²⁸.

Специального внимания заслуживает и далеко еще не типичный даже для высокоразвитых стран факт оптимального соотношения числа преподавателей и учащихся. В Саудовской Аравии достигнута пропорция 1:15. Следует отметить также наличие ультрасовременного учебного оборудования в образовательных учреждениях, широкое привлечение наряду с национальными педагогическими кадрами высококвалифицированных специалистов-преподавателей из самых различных регионов мира, в том числе из технологически высокоразвитых стран Западной Европы и Америки.

Если в 1960-е гг. было престижным получать образование за границей, то сейчас можно получить высшее образование в самом королевстве. Однако по мировым меркам в Саудовской Аравии уровень образования все еще считается низким. По данным ООН, в КСА с 1995 по 2005 гг. средний показатель неграмотного населения (от 15 лет и старше) не поднимался выше 17,1%²⁹.

В настоящее время в Саудовской Аравии функционируют учебные заведения четырех уровней: дошкольные образовательные учреждения, начальные школы для детей в возрасте от 6 до 12 лет, средние классы (для подростков в возрасте от 12 до 15 лет) и старшие классы, в которых юноши и девушки в возрасте от 15 до 18 лет готовятся к продолжению образования в университете.

Система начального и среднего образования находится в ведении Министерства образования и Специального Совета по женскому образованию. Наряду с государственными существуют также и частные школы, однако подавляющее большинство детей получают образование именно в государственных учебных заведениях.

Что касается высшего образования, то к началу XXI века в стране уже существовало 8 университетов в разных городах. Как правило, в них действуют следующие факультеты: экономики и администрирования, естественных наук, метеорологии, геологии, океанологии, инженерного дела, медицинский, педа-

гогический, а также факультет гуманитарных наук. Характерно, что в университете имени короля ибн Сауда кроме факультетов мусульманского права и теологии, арабской литературы, действует факультет социальных наук. В Дахране в 1963 г. был создан Университет нефти и минералов Короля Фахда, в котором готовятся специалисты для обслуживания нефтехимической промышленности Саудовской Аравии. В большинстве университетов есть теологические и светские факультеты. Так, Университет Умм аль-Кура в Мекке (получил университетский статус в 1982 г.) предлагает своим студентам как религиозные и гуманитарные программы в области мусульманского права, истории, арабского языка и литературы, так и прикладные дисциплины (сельское хозяйство, прикладные естественные науки, инженерное дело).

Численность студентов университетов и других образовательных учреждений вузовского уровня составляет более 300 тыс. человек, из них около 70 тыс.³⁰ учатся в Университете имени короля Сауда. При университете работает институт иностранных языков, где наряду с французским и немецким преподают и русский язык.

В конце 2005 г. в свет вышло издание Центра национального диалога «Проблемы молодежи. Реальность и перспектива». Это аналитическое исследование, базирующееся на опросах прежде всего представителей различных групп молодежи, попыталось ответить на вопрос: «Что представляет собой молодое современное поколение саудовцев?» Опросы позволили создать обобщенный портрет молодого саудовца.

80% всех респондентов (юношей среди них было больше – 82,3%, чем девушек – 77,7%) подавали документы, необходимые для поступления в университет (77,4% среди них стали студентами). Для тех же, кто не сделал этого (19% всех опрошенных), отказ от поступления объяснялся «нежеланием» (11,6% юношей и 10,6% девушек), «удаленностью университета от места проживания» (20% юношей и 47,1% девушек), «недостаточностью полученных в школе баллов» (32,9% юношей и 22,4% девушек), «необходимостью поступить на работу» (17,4% юношей и 1,2% девушек)³¹.

Таким образом, подавляющее большинство саудовской молодежи выражает желание получить хорошее образование. Этот результат свидетельствует об успехах политики просвещения по вовлечению молодежи в образовательный процесс.

В мае 2006 г. в Саудовской Аравии завершился шестой тур национального диалога на тему: «Образование: реальность и пути развития». Его участники высказали целый ряд рекомендаций, в частности, о необходимости содействовать более «последовательной модернизации (тахдис) образовательной политики, а также пересмотреть образовательные планы и программы»³². Речь шла в этой связи не только о внедрении современных методов образования, но и о том, что сама образовательная система должна «содействовать пробуждению мысли, способностей, инициативы, распространять дух толерантности, умеренности и готовности учащихся и студентов к контактам с их зарубежными сверстниками».

Вопрос касался и более действенного «контроля общества над учреждениями образования», как и развития «партнерства между школами и университетами, с одной стороны, и частным сектором национальной экономики, с другой». По мнению участников, в королевстве «назрела необходимость пересмотра принципов образования с тем, чтобы они в большей мере отвечали бы задачам всеобъемлющего развития и запросам рынка труда»³³.

Таким образом, за прошедшие 80 лет Саудовская Аравия сделала внушительный рывок в организации системы национального образования: организована сеть школ, благодаря которым существенно сокращена неграмотность как среди оседлого, так и неоседлого населения, увеличено число школ не только для мальчиков, но, что особенно важно, и для девочек, действуют университеты. В свою очередь преподаватели, а также чиновники министерств и ведомств, занимающихся всеми видами образования, отслеживают ситуацию с тем, чтобы выработать профессиональные рекомендации, а также использовать зарубежный опыт с целью улучшения качества и стандартов обучения.

¹ Религиозные налоги, собираемые в период хаджа, а также закят оставались главным источником дохода правительства вплоть до конца 30-х годов.

² Аль-Мансур М.С. Социальные проблемы развития системы образования в Саудовской Аравии, 1925–1995 гг. М., 1999, с. 93.

³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1982, с. 347.

⁴ Там же.

⁵ Цит по: Сауд Хусейн Саид Захрани. Саудовская Аравия: политика в области культуры и образования (70–90-е годы). М., 2001, с. 15.

⁶ Санаби С. Б. Развитие образования и министерство просвещения за 25 лет. – «Ат-таусик ат-тарбавий», 1978, апр., № 15 (на арабском языке).

⁷ Васильев А.М. Указ. соч. с. 349.

⁸ Васильев А.М. Указ. соч. с. 497.

⁹ Васильев А.М. Указ. соч. с. 511.

¹⁰ Эти данные приводит G. A. Lipsky. Saudi Arabia: Its People, Its Society, Its Culture. New Haven, 1959, с. 277. Однако статистические данные, относящиеся к демографии мусульманских стран, не могут быть точными, так как во время опросов при переписи населения отцы не всегда дают информацию о своих дочерях.

¹¹ Цит по: Аль-Мансур. М.С. Социальные проблемы развития системы образования в Саудовской Аравии, 1925–1995 гг., с. 93.

¹² В настоящее время в нем обучаются около трех с половиной тысяч студентов, включая студентов из более чем 70 стран мира. Первое религиозное учебное заведение «колледж исламского права» был открыт в Мекке в 1949 г. В 1953 г. в Эр-Рияде были открыты колледжи шариатского права и арабского языка.

¹³ Цит. по: Яковлев А.И. Саудовская Аравия: пути эволюции. М., 1999, с. 82.

¹⁴ Аль-Мансур М.С. Указ. соч., с. 95.

¹⁵ Яковлев А.И., Закария М.Г.. Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в. М., 1998, с. 66.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вся Азия. Географический справочник. М., 2003, с. 221.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Куттабы* – специальные помещения при мечетях для проведения уроков. Аналог современной начальной школы, специализирующейся на обучении мусульман арабскому языку, чтению, письму на базе Корана и началам арифметики.

²¹ В документальной книге Джин П. Сэссон «Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии» все имена персонажей вымышленные.

²² Джин П. Сэссон. Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии. М., Русич, 1998, с. 11.

²³ Васильев А. Фейсал и Иффат. Иффат и Фейсал. Гендерная проблема в Саудовской Аравии на примере жизни королевской семьи // Азия и Африка сегодня. 2006, № 12, с. 70.

²⁴ Там же.

²⁵ Аль-Мансур М.С. Указ. соч., с. 98.

²⁶ Жантеев Д. Р. Образование, наука и культура Саудовской Аравии // Король-реформатор. Видение российской интеллигенции. М., 2002, с. 198.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ http://hdr.undp.org/en/media/hdr_20072008_en_complete.pdf

³⁰ Официальный сайт Университета им. короля Сауда – <http://www.ksu.edu.sa> (3.10.2007).

³¹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «эстапы реформ» (конец 1990–2006 гг.). М., 2007, с. 99.

³² Там же, с. 113.

³³ <http://www.kacnd.org> – сайт Центра национального диалога (8.05.2006).

А.И.Куприн

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТУНИСЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тунисские профсоюзные организации и власть: от Х. Бургибы до Бен Али

В 1970-х годах Тунис достиг значительных успехов в экономическом развитии: темпы роста ВВП увеличились с 4,6% в 1960-е годы до 9,4% в 1970-е, а инвестиций соответственно с 4,5% до 13,5%¹. Однако успехи в экономике не привели к существенному повышению жизненного уровня широких масс, а большая часть прибыли присваивалась привилегированными слоями. Это вызывало недовольство рабочих и привело к увеличению числа трудовых конфликтов: в 1973 г. произошло 49 забастовок и локаутов, в 1974 г. – 131, в 1975 г. – 363, в 1976 г. – 372, в 1977 г. – 452². Президент Туниса Х. Бургиба попытался предотвратить нарастание социальной напряженности в период осуществления пятого плана социально-экономического развития (1977–1981 гг.). Поэтому в 1977 г. он настоял на заключении в январе 1977 г. «Социального пакта» в форме совместного коммюнике на заседании правительства, единственного в Тунисе профцентра Всеобщего тунисского объединения трудящихся (ВТОТ), Тунисского союза промышленников, торговцев и ремесленников и Национального союза земледельцев. Однако руководство ВТОТ под давлением низовых профсоюзов было вынуждено поддержать забастовочное движение, отказавшись на этот раз от постоянного балансирования между поддержкой требований членов профсоюзов и компромиссом с властями. На 26 января 1978 г. была назначена общенациональная забастовка. Возникшие беспорядки были подавлены властями, при этом были убиты десятки людей. Руководство ВТОТ было арестовано, причем даже те члены исполнительного комитета, которые были также членами парламента и пользовались парламентской неприкосновенностью.

Правительство обвинило генерального секретаря Х. Ашура в стремлении захватить власть.

Вместе с тем правительство и президент в связи с обострением внутривластной ситуации в стране и событиями в Гафсе в январе 1980 г. были вынуждены пойти на некоторую политическую либерализацию. Правительство приняло 15 августа 1979 г. закон № 79.40, который внес несколько поправок в избирательный кодекс. Важнейшая из них – это расширение списков кандидатов, число которых отныне должно было в два раза превышать количество мест в парламенте от избирательного округа³. Были легализованы несколько политических партий: в 1981 г. Тунисская коммунистическая партия, в 1983 г. Движение демократов-социалистов и Движение народного единства. 29 апреля – 1 мая 1981 г. состоялся внеочередной съезд ВТОТ. К этому времени были освобождены все заключенные в тюрьму после «черного четверга» 26 января 1978 г. профсоюзные деятели. Генеральным секретарем был избран Т. Баккуш – первый случай, когда лидер профцентра не принадлежал к правящей Социалистической дустуровской партии – СДП (Новый Дустур). Съезд высказался за сохранение и укрепление государственного сектора, проведение курса, независимого от каких-либо политических групп и партий. В декабре 1981 г. Х. Ашур, с которого были сняты все обвинения, был избран на специально созданный пост председателя ВТОТ.

Однако вскоре ВТОТ вновь обострил отношения с правительством в связи с волнениями 28 декабря 1983 г. – 6 января 1984 г. Ввиду ухудшения экономической ситуации в Тунисе в 1980-х годах МВФ предложил в конце 1983 г. правительству сократить бюджетные расходы. 28 декабря 1983 г. правительство объявило о повышении в два раза цен на хлеб и мучные изделия. Разразился «хлебный бунт», в подавлении которого властям пришлось использовать танки. Правительство, недовольное позицией ВТОТ, воспользовалось разногласиями внутри профцентра и способствовало созданию 19 февраля 1984 г. новой организации – Национального союза тунисских трудящихся (НСТТ), чтобы ослабить профсоюзное движение⁴. Решение об объединении обеих организаций в рамках ВТОТ

* Неудачная попытка группы тунисских эмигрантов, проникнувших в Тунис, захватить Гафсу и, воспользовавшись недовольством населения и опираясь на поддержку Ливии, поднять восстание.

было принято после совместного заявления об этом их исполнительных бюро 9 сентября 1986 г. 19 декабря было образовано новое исполнительное бюро. Чрезвычайный съезд 20–21 января 1987 г. завершил процесс объединения ВТОТ и НСТТ⁵.

В декабре 1984 г. на XVI съезде ВТОТ соперничество между Х. Ашуром и Т. Баккушем завершилось тем, что первый был избран генеральным секретарем, а Т. Баккуш вошел в состав исполнительного бюро. В 1985 г. отношения между ВТОТ и правительством вновь обострились. Х. Ашур в декабре 1985 г. лишился своего поста и был приговорен к тюремному заключению. Ряд профсоюзных деятелей был арестован. Х. Ашур вышел из тюрьмы 8 ноября 1987 г. Так завершилась многолетняя, но изобиловавшая перипетиями карьера Х. Ашура как функционера ВТОТ. Он добивался автономии профцентра, хотя этому противоречило то, что он входил в структуру власти. Вместе с тем он стремился к обеспечению социального мира, компромиссу и партнерству ВТОТ с властью, за что Х. Бургиба, невзирая на перепады в их отношениях, ценил Х. Ашура. Поэтому он, несколько раз снимая Х. Ашура с поста генерального секретаря, спустя некоторое время восстанавливал его в прежней должности. В интервью журналу «Жён Африк» в 1982 г. Х. Ашур, с одной стороны, делал упор на автономии ВТОТ от власти: «Для нас важно, чтобы ВТОТ было независимым от власти. Неплохо следить за злоупотреблениями власти. Это наш лучший вклад в демократию и развитие. Держась как можно дальше от власти, отказываясь от любого участия профсоюзов в структуре власти, мы служим нашей стране»⁶. С другой стороны, в интервью он говорил о хороших отношениях с президентом страны, невзирая на то, что власти приговорили его к десяти годам тюремного заключения после «черного четверга» 26 января 1978 г., и он был последним из руководителей ВТОТ, помилованных Х. Бургибой:

«Х. Ашур: Президент принял меня так же, как других членов руководства ВТОТ...Беседа с Бургибой прошла в теплой обстановке, мы говорили как друзья.

«Жён Африк»: Как друзья!

Х. Ашур: В этом нет ничего удивительного. Я несколько раз спасал ему жизнь, и он охотно признает это»⁷.

ВТОТ, ослабленное к моменту прихода Бен Али к власти после своего раскола в феврале 1984 г. и репрессий в 1980-х годах при Х. Бургибе, поддерживавшее широкую антиисламистскую

кампанию в первой половине 1990-х годов при Бен Али, находилось под полным контролем властей. Что касается влияния тунисских исламистов на профсоюзное движение, то оно было незначительным. Один из их лидеров Р. Ганнуши писал: «Рабочие стали большой проблемой для многих капиталистических и даже социалистических режимов..., и все же исламисты не смогли добиться их поддержки...Причина слабого влияния исламистов на эту группу населения заключается в игнорировании ими политических и социальных проблем рабочего класса»⁸.

С 1989 по 2000 г. генеральным секретарем ВТОТ был И. Сахбани. При нем ВТОТ превратилось в жестко централизованный институт без каких-либо признаков демократии во внутренней жизни профсоюзной конфедерации. В устав ВТОТ были внесены поправки, позволявшие с помощью регламента контролировать деятельность профсоюзных организаций. Отраслевые административные комиссии не могут собираться без согласия исполнительного бюро так же, как обновление низовых структур невозможно без его согласия. Резолюции съезда могут быть опубликованы лишь в случае их одобрения исполнительным бюро. Некоторые соглашения с властями или объединениями предпринимателей подписываются непосредственно исполнительным бюро вопреки мнению профсоюзных федераций. В 2005 г. Комитет экспертов МОТ по осуществлению конвенций и рекомендаций вновь напомнил правительству Туниса, что права профсоюзов нарушаются, когда объявление ими забастовки зависит от согласия вышестоящей профсоюзной организации⁹.

ВТОТ при И. Сахбани характеризовалось чрезмерной бюрократизацией профсоюзного аппарата на всех уровнях (региональные союзы, федерации и базовые профсоюзы). Многие профсоюзные работники, нередко параллельно входившие в бюрократический аппарат Демократического конституционного объединения (бывшая СДП, переименованная в феврале 1988 г.), превратились в чиновников, преследовавших корыстные, карьеристские интересы. Некоторые руководители ВТОТ сохраняли свои посты по 10, 15 и даже 20 лет. Руководство ВТОТ во главе с И. Сахбани фактически полностью поддерживало социальную и экономическую политику правительства, лишь слегка критикуя ее некоторые аспекты. Как И. Сахбани, так и его преемник А. Джерад, хотя последний более решительно отстаивал интересы профсоюзов, воздерживались от какой-либо критики

в адрес президента страны, превозносили достоинства Бен Али, называли его лучшим другом ВТОТ.

XIX съезд ВТОТ в апреле 1999 г., на котором И. Сахбани вновь был избран генеральным секретарем, проходил с многочисленными нарушениями. Особое возмущение оппозиции внутри ВТОТ вызвало то, что генеральный секретарь объявил себя председателем съезда и был вновь утвержден на своем посту еще до того, как он представил свой отчетный доклад. Более двухсот членов ВТОТ заявили, что они опротестуют решения съезда. Ответ властей не заставил себя долго ждать – 10–12 мая были арестованы больше десяти протестовавших членов профцентра.

Однако весной 2000 г. во ВТОТ вновь образовалась оппозиционная группа, сплотившаяся вокруг инициаторов декларации, подписанной 84 профсоюзными активистами. В декларации выражался протест против авторитарных методов работы руководства ВТОТ, вновь осуждалась соглашательская позиция по социальным проблемам. На этом фоне неожиданно обострились отношения между И. Сахбани и властями. Члены профцентра, как обычно, решили провести 4 декабря мирное шествие в столице в годовщину гибели основателя ВСТТ (ВТОТ) Ф. Хашеда. Полиция действовала с жестокостью, разгоняя демонстрацию. Руководство ВТОТ выразило энергичный протест, потребовало расследования и организовало митинг под лозунгами, осуждавшими действия министра внутренних дел. Еженедельник ВТОТ «Аш-Шааб» также осудил агрессивность полиции. Исполнительное бюро разрешило провести несколько забастовок, хотя раньше оно препятствовало их проведению¹⁰. Движение за демократизацию внутри ВТОТ совпало по времени с активизацией демократического движения в стране, созданием 10 декабря 1998 г. правозащитной организации Национальный совет за свободы в Тунисе, волнениями лицеистов, усилением забастовочного движения в Гафсе, распространившегося на юг Туниса в январе 1999 г.

Вряд ли можно думать, что смена И. Сахбани А. Джерадом на посту генерального секретаря прошла без ведома Бен Али. Бен Али понимал, что И. Сахбани полностью себя дискредитировал в профсоюзном движении. Что касается А. Джерада, то он неоднократно подтверждал свою лояльность президенту Туниса, а значит, можно было рассчитывать на поддержку ВТОТ на президентских выборах в случае прихода А. Джерада

к руководству профсоюзной конфедерацией. В 2000 г. И. Сахбани был вынужден досрочно уйти со своей должности, уступив свое место А. Джераду, и оказался в тюрьме за финансовые злоупотребления во ВТОТ. Легитимность генерального секретаря А. Джерада была подтверждена XX съездом ВТОТ в 2002 г. на острове Джерба. Съезд проходил под лозунгом «демократия, автономия и транспарентность». А. Джерад выступал за автономию ВТОТ как от правительства, так и политических партий, но безоговорочно признавал Бен Али руководителем тунисской нации. В политической резолюции съезда содержался пункт о прессе, свободной от цензуры. ВТОТ в 2004 г., как обычно, поддержал кандидатуру Бен Али на президентских выборах. Однако впервые в истории ВТОТ решение руководства профцентра не было единодушным: из 64 человек 8 проголосовали против и 5 воздержались от голосования. «Почти треть членов базовых профсоюзов, – писала консервативная французская «Фигаро», – находится, как утверждают, в оппозиции к аппарату ВТОТ»¹¹.

14–16 декабря 2006 г. в Монастире прошел XXI съезд ВТОТ. Новое исполнительное бюро вновь выбрало А. Джерада генеральным секретарем. Из 13 членов исполнительного бюро 8 выступали за автономию ВТОТ (некоторые из них предположительно, тем не менее, были близки к власти), в то время как раньше идею автономии поддерживали 5 членов¹². ВТОТ при А. Джераде по-прежнему сотрудничает с правительством, участвует вместе с ним в разработке социально-экономических программ, однако более энергично, чем при И. Сахбани отстаивает интересы членов ВТОТ. Центр исследований в области развития имени Ибн Халдуна (Каир) отметил в ежегодном докладе за 2004 г., посвященном гражданскому обществу и демократизации в арабских странах, что «ВТОТ проявил некоторую независимость в том, что касается социальных и экономических проблем, и высказался за расширение демократии в Тунисе»¹³. ВТОТ продемонстрировал свою относительную независимость от власти, отказавшись от участия в выборах в Палату советников в начале июля 2005 г., в которой за ним было зарезервировано 14 мест, мотивируя свой отказ недемократичностью выборов и несправедливым распределением мест. В 2005 г. ВТОТ разрешило Тунисской лиге прав человека (ТЛПЧ) использовать некоторые свои помещения для проведения собраний, так как власти фактически закрыли многие офисы

ТЛПЧ, не допуская в них правозащитников. На съезде ВТОТ в 2006 г. выступали представители самых различных течений. «Если съезд ВТОТ послужил для некоторых политической трибуной, – сказал один из членов переизбранного руководства, – то это произошло, потому что большинство партий не выполняет своей функции». Авторитет ВТОТ среди наемных работников при А. Джераде укрепился: в течение 2001–2006 гг. численность ВТОТ возросла на 20% и достигла 375 тыс.¹⁴. В 2007 г. 30% тунисских наемных работников были членами ВТОТ¹⁵. Некоторые члены ВТОТ полагают, что для расширения своей социальной опоры профцентру следовало бы включить в свою повестку дня вопросы, выходящие за рамки чисто трудовых отношений. ВТОТ должно одновременно сохранять и укреплять социальные завоевания и защищать ценности демократии и свободы, способствуя, по их мнению, демократизации тунисского общества.

Часть тунисских наемных работников, недовольных слишком компромиссной, с их точки зрения, позицией ВТОТ по отношению к власти и работодателям, создали три новых профсоюза. В 2001 г. была учреждена Демократическая конфедерация труда. Однако впоследствии о ней не было каких-либо сообщений. Согласно некоторым источникам, ее инициаторы находились под влиянием Коммунистической партии рабочих Туниса.

В декабре 2006 г. была создана Всеобщая тунисская конфедерация труда (ВТКТ). С самого начала она подверглась преследованиям. Так, власти запретили назначенную на 1 февраля 2007 г. пресс-конференцию руководителей ВТКТ¹⁶. 13 мая 2008 г. в течение двух часов в полицейском комиссариате подвергался допросу координатор комитета связи ВТКТ Х. Гиза. От него потребовали, чтобы ВТКТ прекратила свою деятельность, так как она является нелегальной организацией. Х. Гиза сказал, что профсоюзы ВТКТ были образованы в соответствии с тунисским законодательством и международными конвенциями МОТ¹⁷. ВТКТ подчеркивает, что тунисское законодательство гарантирует свободу организации профсоюзов. В частности, статья 242 трудового кодекса Туниса гласит: «Профсоюзы или профессиональные ассоциации лиц, имеющих одинаковую профессию, сходные или смежные профессии, производящих определенные продукты, или имеющих одну и ту же свободную профессию, могут беспрепятственно создаваться»¹⁸.

ВТКТ с сожалением констатировала, что некоторые лидеры ВСАТ выразили свое негативное отношение к новому профсоюзному объединению. Как она утверждает, создание ВТКТ никоим образом не направлено против ВСАТ, напротив, оно может послужить стимулом для превращения ВТОТ в более представительную организацию, освободившись от воздействия факторов, тормозящих его прогрессивное развитие, от бюрократизма, чрезмерного централизма, авторитаризма его руководителей и клиентелизма. По мнению ВТКТ, те все еще находятся в плену идеи «единодушия», забывая о периоде 1924–1956 гг., когда возник и развивался профсоюзный плюрализм. Как указывает национальный комитет связи ВТКТ, «приверженцы единодушия не способствовали развитию демократии внутри профсоюзной организации и не позволяли ВТОТ влиять на политическое развитие в стране в направлении демократизации гражданского общества и политического общества»¹⁹. ВТКТ ставит своей целью защищать основные профсоюзные права, способствовать построению развитого, современного общества, четко проводить разграничение между профсоюзной деятельностью и политической деятельностью. Как утверждают ее руководители, на октябрь 2008 г. в ВТКТ входили 3 тыс. человек в различных районах страны – в Тунисе, Бизерте, Сусе, Сфаксе, Гафсе, Габесе и других, работающие во многих отраслях экономики – в образовании, сельском хозяйстве, горнодобывающей, металлургической, текстильной и других отраслях промышленности²⁰.

27 мая 2004 г. более 120 журналистов приняли решение о создании независимого Профсоюза тунисских журналистов (ПТЖ). В соответствии с трудовым кодексом учредительный комитет представил в префектуру Туниса документы для регистрации и устав профсоюза. 17 августа, когда численность ВТЖ достигла 160 журналистов, члены учредительного комитета были вызваны к министру внутренних дел. После беседы председатель учредительного комитета Л. Хадджи выразил опасение, что на ВТЖ будет оказываться давление. Он сказал, что у учредителей профсоюза не было намерения посягать на прерогативы легальной Ассоциации тунисских журналистов²¹. Эта ассоциация была временно исключена в марте 2004 г. из Международной ассоциации журналистов за вручение в декабре 2003 г. президенту Бен Али премии за содействие свободе прессы. Как сообщает организация «Репортеры без границ»,

в 2008 г. (период в 12 месяцев по сентябрь 2008 г.), Тунис в рейтинге стран по свободе прессы занимал 143-е место в мире (для сравнения: Алжир занимал 121-е место, Марокко – 122-е место)²². 25 августа 2005 г. ПТЖ, намеревавшийся провести учредительный съезд 7 сентября, был запрещен. Л. Хадджи был подвергнут полицией длительному допросу. Власти утверждали, что ПТЖ нарушил процедуру учреждения профсоюза. Л. Хадджи отверг эти обвинения и подчеркнул, что он официально заявил о создании ПТЖ в мае 2004 г. в полном соответствии с трудовым кодексом, в котором не требуется предварительного разрешения на учреждение профсоюза. И до этого, и после он неоднократно задерживался полицией и подвергался допросу. 9 мая 2005 г. во время очередного ареста от него потребовали предоставить список 160 членов ПТЖ.

Профсоюзное движение и глобализация при Бен Али

После своего прихода к власти 7 ноября 1987 г. Бен Али с целью консолидации своей власти и обеспечения стабильности в стране предложил проект Национального пакта, который был подписан 7 ноября 1988 г. легальными политическими партиями и общественными организациями, в том числе ВТОТ. На 30 страницах этого документа был намечен консенсус по четырем проблемам – тунисская самобытность, политическая система, развитие и внешняя политика. В главе «Развитие» в некоторой степени учитывались интересы как наемных работников, так и предпринимателей, подчеркивалась не только их ответственность, но и ответственность государства. Национальный пакт связывал социально-экономическое развитие с необходимостью преодоления разрыва в доходах и примирения социальных партнеров, обращалось внимание на обязательство наемных работников и предпринимателей прилагать усилия по повышению производительности²³.

В отличие от периода правления Х. Бургибы, когда переговоры по социально-экономическим вопросам велись лишь эпизодически, с 1990 г. регулярно, один раз в три года стали проводиться переговоры о заключении коллективного соглашения между государством, ВТОТ и объединениями предпринимателей о заработной плате и условиях труда. С 1989 г. также ор-

ганизуются переговоры для определения минимальной заработной платы в промышленности и сельском хозяйстве.

С приходом к власти Бен Али с начала 1990-х годов успешно развивается экономика Туниса, ведется борьба с бедностью и растет жизненный уровень тунисцев. В 1990–2006 гг. среднегодовые темпы роста экономики составили 5%, в четыре раза опережая прирост населения. В 2005 г. 75% тунисских семей имели собственное жилье, 21% – автомобиль, 82% – холодильник, 36% – стационарный телефон, 50% – мобильный телефон²⁴. С 1980-х годов число тунисцев, находившихся ниже черты бедности, сократилось в три раза и составило в 2004 г. 4%²⁵ и в 2007 г. 3,8%²⁶. В 2006 г. по валовому национальному доходу на душу населения Тунис (2970 долл.) опережал такие страны, как Иордания (2660 долл.), Китай (2010 долл.), Украина (1950 долл.) и Марокко (1900 долл.)²⁷. Многие тунисские оппозиционные деятели и диссиденты считают, что экономические успехи – причина сохранения авторитарного строя. «Большинство тунисцев, – сокращаются они, – молча согласились на социальную сделку. В обмен на образ жизни среднего класса, социальные услуги, работу, владение землей и недвижимостью – то, что Бен Али иногда называет «экономическими правами», – тунисские граждане удовлетворились ограниченными политическими правами»²⁸. К тому же подавляющее большинство самих политических партий отдали социальные вопросы на откуп ВТОТ, и в этом заключается еще одна их слабость, причина незначительной электоральной поддержки. ВТОТ, со своей стороны, могло бы расширить свою социальную базу, выйдя за пределы чисто трудовых отношений и активно поддерживая правозащитное движение.

Однако правящему режиму до сих пор не удается решить острую проблему безработицы, обостряющуюся в связи с процессами экономической глобализации и приватизации, которая, как отметил российский исследователь Г. Широков, являясь одним из инструментов экономической глобализации, «направлена на завершение создания единого мирового экономического и социально-экономического пространства»²⁹. Б. Хадер, ответственный редактор вышедшего в Париже в 2001 г. сборника, посвященного «евро-средиземноморскому партнерству с точки зрения Юга», подсчитал для некоторых стран «степень открытости», сопоставляя суммы импорта и экспорта с ВВП. «Степень открытости» Мексики составляет 22%, Алжира – 43%,

Туниса – 82%³⁰. Тунис пока относительно успешно адаптируется к экономической глобализации: в рейтинге Всемирного экономического форума по индексу глобальной конкурентоспособности Тунис в 2007 г. занимал 32-е место в мире³¹, в классификации «сетевой готовности» 2006–2007 (the Network Readiness), оценивающей влияние информационных и телекоммуникационных технологий на развитие и конкурентоспособность, – 35-е место³². Однако высокая степень «открытости» тунисской экономики, меры по ее включению в процесс экономической глобализации чреваты рисками, в частности угрозой обострения безработицы, особенно в текстильной и швейной отраслях промышленности, экспорт продукции которой играет важную роль в экономике. В 2002 г. экспорт одежды и текстильных товаров составил 46,8% всего тунисского экспорта промышленных товаров. В середине 2000-х годов около половины занятого населения работало в текстильной и швейной промышленности³³, и экспортировалось больше 90% продукции текстильной промышленности³⁴. 1 января 1995 г. было принято Соглашение ВТО по текстилю и одежде (параллельно с созданием 1 января того же года самой ВТО), которое должно было в период 1995–2004 г. постепенно отменить систему квот на экспорт текстильных изделий из развивающихся стран в развитые. Это оказалось одной из причин кризиса, поразившего текстильную и швейную отрасли промышленности Туниса: между 2000 и 2005 гг. в них было ликвидировано 80 тыс. рабочих мест³⁵.

Кроме того, в июле 1995 г. Тунис подписал соглашение об ассоциации с ЕС, в соответствии с которым Тунис должен был ликвидировать с 2008 г. таможенные барьеры в рамках создания к 2010 г. зоны свободной торговли между Тунисом и ЕС. Это соглашение – важный шаг в направлении к интеграции тунисской экономики в мировую. Вместе с тем, согласно оценке Всемирного банка, оно чревато потерей, по крайней мере, 100 тыс. рабочих мест³⁶. Поэтому тунисские власти, как отмечает Л.П. Зудина, осуществляли модернизацию предприятий в соответствии с европейскими стандартами и переобучение кадров. Тунис получал финансовые средства от ЕС, например, в 2003 г. – ссуды на стабилизацию экономики от Европейского инвестиционного банка на сумму в 395 млн. евро³⁷.

Также не удастся ликвидировать отставание в социально-экономическом развитии центральных и южных районов страны. В феврале 2000 г. впервые после 1984 г. в Тунисе – в его

юго-восточной части – произошли относительно крупные волнения. В них участвовали безработные и студенты. Эти волнения распространились на г. Сфакс и даже столицу. С января по июнь 2008 г. почти непрерывно вилайет Гафса (центральный регион Туниса) был охвачен движением протеста против самого высокого уровня безработицы в Тунисе (около 30%, то есть вдвое больше, чем в среднем по стране³⁸), коррупции, несправедливой политики в области занятости. Оно началось 5 января после результатов конкурса на прием на работу. Посчитав их мошенническими, молодые безработные вместе с семьями шахтеров заняли штаб-квартиру регионального отделения ВТОТ в Редейефе (небольшой город на расстоянии около 20 километров от границы с Алжиром), и перед зданием были размещены палатки. Отсюда движение протеста распространилось в другие районы Гафсы. Выражая свое негативное отношение к режиму Бен Али, жители вилайета часто исправляли надпись «Бен Али 2009» в предвыборных афишах на насмешливую «Бен Али 2080» или «Бен Али 2500»³⁹. Власти ответили на забастовки и волнения жестокими репрессиями, руководитель движения в Редейефе местный генеральный секретарь профсоюза начального образования А. Хадджи был арестован в июне. Так как А. Хадджи осудил участие регионального профсоюзного руководства в махинациях на конкурсе на прием на работу, это руководство заморозило членство А. Хадджи в профсоюзе. Официально региональное руководство поддержало требования безработных, но осудило насилие с обеих сторон. Турист из России так описывает ситуацию в Гафсе: «Протесты длятся уже не меньше полугода. Ни один журналист или местный житель не имеют права войти или выйти в этих городах. Власти ввели такие репрессии, что... например, в городок с тридцатитысячным населением направляются десять тысяч омовцев. Парад демократии... А в газетах после шести месяцев этих безобразий (в июне) только и можно было прочитать: «Государство приняло новые меры для приоритетных регионов». Дословно и без комментариев»⁴⁰. В декабре 2008 г. суд вынес решение по делу о движении протеста в Гафсе. Из 33 обвиняемых шестеро (в том числе А. Хадджи) были приговорены к 10 годам тюремного заключения, остальные 27 получили сроки от 2 до 6 лет. Четверо были осуждены заочно⁴¹.

В условиях обострения проблемы безработицы профсоюзы постепенно смещали акцент с требований о повышении за-

работной платы на обеспечение занятости, в частности на борьбу с системой краткосрочных контрактов, к которой все чаще прибегали работодатели с целью давления на работников и профсоюзы. Нередко предприятия закрываются без выплаты заработной платы и выходного пособия. Большую озабоченность профсоюзов вызывает невыплата минимальной заработной платы и несоблюдение норм социального обеспечения. Они протестуют против нарушения трехсторонних коллективных договоров, составляемых профсоюзами, государством и частными предпринимателями. Власти часто закрывают глаза на эти нарушения.

Профсоюзы, входящие во ВТОТ, ранее боровшиеся против приватизации, смирились с ее неизбежностью и перестраивают свою работу с целью адаптации наемных работников к новым условиям. В середине 2000-х годов доля частного сектора составляла уже 65,3% в структуре ВВП, и в нем были заняты 2 млн. 400 тыс. человек из 3 млн. 200 тыс. экономически активного населения. Небольшие предприятия этого сектора в торговле с числом работников меньше 5 и с числом менее 10 в других отраслях экономики создавали 40% ВВП⁴². ВТОТ сталкивается с большими трудностями в создании и развитии своих профсоюзов в частном секторе. Предприниматели в условиях обострения конкурентной борьбы, вызванного экономической глобализацией, стараются извлечь максимальную прибыль и усиливают эксплуатацию своих работников. Поэтому они стремятся ослабить влияние профсоюзов, отстаивающих интересы наемных работников, вытеснить их со своих предприятий, увольняют профсоюзных активистов. В середине 2000-х годов в профсоюзы входили меньше 20% работников частного сектора⁴³. Профсоюзы этого сектора слабо представлены в руководстве ВТОТ, и возникает необходимость в усилении их представительства в исполнительном бюро и административной комиссии, значительное большинство которых в настоящее время составляют преподаватели или служащие государственного сектора.

Большую помощь в адаптации туниских профсоюзов к процессам приватизации оказывает Американский центр международной рабочей солидарности. В 2005–2007 гг. Американский центр вместе с ВТОТ провел семинары для профсоюзных организаторов в области туризма и сельского хозяйства, а также семинары на тему об отношениях в гражданском обще-

стве и роли в нем ВТОТ и о развитии текстильной и швейной промышленности после прекращения действия Соглашения по текстилю и одежде в рамках ВТО. Американский центр спонсирует развитие банка данных, содержащего информацию о составе профсоюзов, трудовых конфликтах и их результатах. Теперь профсоюзы не будут полностью зависеть от правительственных источников информации. Пользуясь банком данных, профсоюзы могут выявить новые тенденции в изменившихся экономических условиях.

Глобализация побуждает международные и страновые профсоюзные центры и неправительственные организации объединять свои усилия, чтобы успешнее отвечать на ее вызовы. 1 ноября 2006 г. произошло объединение Международной конфедерации свободных профсоюзов и Всемирной конфедерации труда в Международную конфедерацию профсоюзов (МКФ). В программе МКФ учредительный съезд новой конфедерации «поручает МКФ кардинально изменить глобализацию, чтобы она действовала в интересах работающих женщин и мужчин, безработных и бедных»⁴⁴. 25–27 июля 2008 г. в Марокко прошел первый Социальный форум Магриба, в котором приняли участие неправительственные организации и социальные движения, а также профсоюзы.

* * *

Анализ развития профсоюзного движения в 1970–1980 годах показывает, что ВТОТ обладало некоторой автономией по отношению к власти. Хотя в целом руководство профцентра занимало компромиссную политику, в отдельных случаях оно вступало в конфликт с правящим режимом Х. Бургибы. Правительство, со своей стороны, добивалось, чтобы ВТОТ поддерживало социальный мир в стране, стремилось ослабить его репрессиями, провоцировало раскол внутри профцентра и кооптировало его отдельных деятелей в структуру власти. К моменту прихода Бен Али к власти ВТОТ было ослаблено расколом и репрессиями в 1980-х годах, и с самого начала при генеральном секретаре И. Сахбани ВТОТ всячески способствовало усилиям правительства по обеспечению социального мира. Дискредитация руководства ВТОТ во главе с И. Сахбани привела к смене его в 2000 г. на новое, которое возглавил А. Джерад. После 2000 г. проявилась тенденция к демократизации внутри профцентра и к автономии ВТОТ, которое имело

независимую позицию по ряду вопросов. Поскольку в целом ВТОТ занимало компромиссную позицию по отношению к власти, не удовлетворявшую некоторых представителей профсоюзного движения, была создана независимая Всеобщая тунисская конфедерация труда. По той же причине был учрежден Профсоюз туниских журналистов, объединивший тех, кто был недоволен близостью Ассоциации туниских журналистов к власти.

Процессы приватизации и экономической глобализации негативно сказываются прежде всего на занятости населения и на его социальных правах. Поэтому в 2000-х годах ВТОТ все больше смещало акцент с требований о повышении заработной платы и улучшения условий труда на обеспечение занятости. Рост частного сектора вынуждает профцентр перестраивать свою работу как для защиты интересов наемных работников в новых условиях на предприятиях, так и для расширения профсоюзной сети и увеличения численности профсоюзных организаций на частных предприятиях. Вызовы глобализации побуждают профсоюзы и неправительственные организации объединяться как на международном уровне, так и на национальном. Так произошло объединение в 2006 г. двух международных профсоюзных конфедераций и возникновение в 2008 г. Магрибского общественного форума, в котором участвуют и профсоюзы.

¹ Monde arabe. Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1998, № 162, с. 9.

² Year Book of Labour Statistics 1976. Geneva, 1976, с. 825; Year Book of Labour Statistics 1984. Geneva, 1984, с. 824.

³ http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/Tunisia_1979_E.PDF

⁴ Участие власти в создании НСТТ подтверждается, в частности, в книге: Хирмаси М.С. Тунис... аль-харака аль-'уммалийа фи низам ат-таб'ийийа ва-ль-хизб аль-вахид. Бейрут, 1990, с. 146.

⁵ COMPLAINTS AGAINST THE GOVERNMENT OF TUNISIA PRESENTED BY THE INTERNATIONAL CONFEDERATION OF FREE TRADE UNIONS (ICFTU), THE TUNISIAN GENERAL LABOUR UNION (UGTT), THE WORLD FEDERATION OF TRADE UNIONS (WFTU) AND OTHER TRADE UNION ORGANISATIONS Report No:251 Case(s) No(s):1327 (Vol. LXX, 1987, Series B, № 2) // <http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/pdconv.pl?host=status01&textbase=iloeng&document=152&chapter=3&query=Tunisia%40ref&highlight=&querytype=bool&context=0>

⁶ Jeune Afrique. P., 11 août 1982, № 1127, с. 33–34.

⁷ Там же, с. 33.

⁸ Цит. по: Nazih N.Ayubi. Political Islam, Religion and Politics in the Arab World. N.Y., 1991, с.235.

⁹ 2007 ITUC (CSI). Jährliche Übersicht über die Verletzungen von Gewerkschaftsrechten. Tunesien. //

<http://survey07.ituc-csi.org/getcountry.php?IDCountry=TUN&IDLang=DE>

¹⁰ Reclassement et recompositions au sein de la bureaucratie syndicale depuis l'Indépendance. La place de l'UGTT dans le système politique tunisien. // <http://www.ceri-sciencespo.com/archive/dec00/khiari.pdf>

¹¹ Bernhard Schmid. Unruhe im Musterstaat. Jungle World № 48, 25 November 2004. // <http://jungle-world.com/artikel/2004/48/14116.html>

¹² Jeuneafrique.com. Syndicalistes en congrès à Monastir. Tunisie – 24 décembre 2006-Abdelaziz Barrouhi, envoyé special à Monastir //

<http://www.jeuneafrique.com/article.php?idarticle=LIN24127syndiritsan0>

¹³ Ibn Khaldun Center for Development Studies. Civil Society and Democratization in the Arab World. Annual Report. 2004. Published July 2005. //

<http://www.eicds.org/english/publications/reports/annualreport05/tunisia.htm>

¹⁴ Там же.

¹⁵ U.S. Department of State. Tunisia. Country Reports on Human Rights Practices-2007. Released by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. March 11, 2008. //

<http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2007/100607.htm>

¹⁶ Confédération Générale Tunisienne du Travail. Pour le droit des travailleurs tunisiens d'adhérer au syndicat de leur choix. Le cas de la CGTT. // <http://cgtt.wordpress.com/2007/02/15/pour-le-droit-des-travailleurs-tunisiens-dadherer-au-syndicat-de-leur-choix/>

¹⁷ La police de Tunis tente d'intimider la CGTT. Communiqué de la CGTT. // <http://cgtt.wordpress.com/2008/05/14/la-police-de-tunis-tente-dintimider-la-cggt/>

¹⁸ Code du travail. Copyright Juriste Tunisie 2007. Livre VII: dispositions spéciales. Chapitre Premier: les syndicats professionnels. //

<http://www.jurisetunisie.com/tunisie/codes/ct/Ct1195.htm>

¹⁹ Confédération Générale Tunisienne du Travail. Pour le droit de la CGTT à exercer librement ses activités syndicales. //

<http://cgtt.wordpress.com/2007/10/15/pour-le-droit-de-la-cggt-a-exercer-librement-ses-activites-syndicales/>

²⁰ Confédération Générale Tunisienne du Travail. La CGTT sollicite son adhésion à la CSI. // <http://cgtt.wordpress.com/2008/10/29/la-cggt-sollicite-son-adhesion-a-la-csi>

- ²¹ ICFTU: Annual Survey of violations of trade union rights (2005). Tunisia. // <http://www.icftu.org/displaydocument.asp?Index=991222228&Language=EN>
- ²² Reporters Without Borders. Press Freedom Index 2008. // http://www.rsf.org/article.php3?id_article=29031
- ²³ Riadh Zghal. Nouvelles orientations du syndicalisme tunisien. // Monde arabe. Maghreb-Machrek. P., octobre-décembre 1998, № 162, с. 11.
- ²⁴ Борисов А.Б. Тунис: устойчивое развитие и политическая стабильность. / Институт Ближнего Востока. // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-05-06a.htm>
- ²⁵ The Economist. L., 23–29 October 2004, № 8398, с. 47.
- ²⁶ Poverty rate down, middle class growing in Tunisia. // http://www.magharebia.com/cocoon/awi/xhtml1/aren_GB/features/awi/features/2007/07/27/feature-01
- ²⁷ From World Bank Development Indicators 2007. Global Income per capita. // <http://www.finfacts.ie/biz10/globalworldincomepercapita.htm>
- ²⁸ Divergent Democratization: the Paths of Tunisia, Morocco and Mauritania. Middle East Policy, Winter 2007, № 4, by Hochman, Dafna. http://findarticles.com/p/articles/mi_qa5400/is_200712/ai_n21301160/pg_1?tag=artDody;coll
- ²⁹ <http://www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm>
- ³⁰ Bernhard Schmid. Unruhe im Musterstaat. Jungle World № 48, 25 November 2004. // <http://jungle-world.com/artikel/2004/48/14116.html>
- ³¹ Global Competitiveness Index rankings and 2006–2007 comparisons http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gcr_2007/gcr2007_rankings.pdf
- ³² Davos Report on Information Technologies Published in Geneva on March 26, 2007. The Networked Readiness Index 2006–2007 Rankings // www.weforum.org/pdf/gitr/rankings2007.pdf
- ³³ Clean Clothes Campaign. Newsletter 20, Dec. 2005. Country Profile: Tunisia. // <http://www.cleanclothes.org/news/newsletter20-11.htm>
- ³⁴ Travel Document Systems. Tunisia. Economy. <http://www.traveldocks.com/tn/economy.htm>
- ³⁵ Clean Clothes Campaign. Newsletter 20, Dec. 2005. Country Profile: Tunisia. // <http://www.cleanclothes.org/news/newsletter20-11.htm>
- ³⁶ Bernhard Schmid. Unruhe im Musterstaat. Jungle World № 48, 25 November 2004. // <http://jungle-world.com/artikel/2004/48/14116.html>
- ³⁷ Зудина Л.П. Вопросы укрепления внутренней безопасности: социальный аспект (опыт Туниса). // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Выпуск 27. М., 2006, с. 266.

- ³⁸ LeMonde.fr. Tunisie: le president Ben Ali annonce un plan en faveur de la region de Gafsa. Article publié 19 Juillet 2008 par Florence Beaugé. Source: Le Monde. // http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=ARCHIVES&type_item=ART_ARCH_30J&objet_id=1044524&clef=ARC-TRK-D_01
- ³⁹ Karine Gantin et Omeyya Seddik. La révolte du «peuple des mines» en Tunisie. // Le Monde Diplomatique. P., juillet 2008, № 652, с. 11.
- ⁴⁰ <http://www.tunisie.ru/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&p=152146>
- ⁴¹ Trial of Tunisian Trade Union Leaders a Travesty of Justice, Charges Amnesty International. Washington, December 12. <http://www.commondreams.org/newswire/2008/12/12-9>
- ⁴² Vendredi, 23 mars 2007. L'U.G.T.T. à l'épreuve de la mondialisation. Par Noura Borsali. // <http://tunisiawatch.rsfblog.org/archive/2007/03/23/l-u-g-t-t-a-l-eupreuve-de-la-mondialisation.html>
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Programme of the ITUC (Adopted by the Founding Congress of the ITUC, Vienna, 1–3 November 2006). // http://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/Programme_of_the_ITUC.pdf